

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

1

1991

Будни столичного ОМОНа

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

1
1991

В НОМЕРЕ

ВСЕМ СПАСИБО! Журнал в оценке читателей 3

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

А. АНОСОВ. Как жить дальше? 4

А. ДМИТРАКОВ. До чего же мы дойдем... 6

НАБОЛЕЛО!

А. ТИМОФЕЕВ. Бассейн в квартире 8

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Гарантии или обещания? Беседа с американскими юристами о проекте Конституции РСФСР 10

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

Н. АНИСИН. Метры унижения 15

В КОМИТЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА СССР

Законы «не для печати» 21

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

23

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 26, 128

ЗАКОН. КОММЕНТАРИЙ. ПРАКТИКА

Деньги на содержание государства. Разговор с фининспектором о налогах 27

Учредители:
Министерство
юстиции СССР
Союз юристов
СССР

Главный редактор
В. М. СИРЕНКО

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Л. КАРАТЕЕВ. О совместительстве	35
С. ЮРЬЕВ. Возвращение долгов	36

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»	
Ю. БЫЧКОВ. Тени над Лефортово	42

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ	49
------------------------------	----

Абсентеизм

Аванс

ПРЕСТУПНОСТЬ: ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ	
Е. МЫСЛОВСКИЙ. Разбой с рассрочкой. Из записок следователя	53

СУМЕЙ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ	65
----------------------------	----

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
М. ПОЛУПАНОВ. В интересах семьи и инвалидов	68

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
В. КОНОНЕНКО. Где почерпнуть вдохновение...	75

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ	
А. ЧИЖЕВСКИЙ. Свет торшера цвета крови, или Поможет ли участковый?	90

Л. АРЕСТОВА. Операция «Кобра». Повесть	94
--	----

ФЕЛЬЕТОН	
А. ЛЕЩЕНКО. Золотые шины	126

Редакционная
коллегия:
В. А. АБОЛЕНЦЕВ
А. Т. АНОСОВ
С. И. БАБОШКО
Г. К. БОЛЬШАКОВА
(заместитель
Главного редактора)
В. Н. ЖБАНКОВ
В. П. КОНОНЕНКО
Е. И. ПАРНОВ
Л. А. ПЕТУХОВА
В. Д. ПОВОЛЯЕВ
И. С. САМОЩЕНКО
А. Я. СУХАРЕВ
А. А. ТРЕБКОВ
М. М. ТРОИЦКАЯ
Н. С. ТРУБИН
А. М. ФИЛАТОВ
И. Ф. ШИЛОВ
А. Е. ЮФЕРЕВ
(заместитель
Главного редактора)

Художественный
редактор
М. В. ПАНКОВА
Фото и оформление
В. С. ЗИМИНА

Всем спасибо!

В № 9 «ЧиЗ» за 1990 год мы обратились к читателям с просьбой заполнить и прислать в редакцию небольшую анкету. Хотелось лучше узнать своего читателя, его вкусы и интересы, мнения и оценки. Мы получили более двух тысяч анкет. Несложные математические вычисления, и перед нами строгие колонки цифр — интереснейшая социологическая информация. Она заставила нас пересмотреть редакционные планы, отказаться от некоторых замыслов, искать новые темы.

Думается, данные этого опроса будут интересны и самим читателям. Анализ ответов позволяет набросать как бы обобщенный портрет читателя, и вы можете взглянуть на себя со стороны, сравнить собственные оценки со «средними величинами».

Итак...

Кто он, наш читатель?

Он молод, еще нет и тридцати (51 процент) или находится в расцвете творческих сил — 30—50 лет (34,9 процента). Однако не чураются нашего издания и ветераны (16,9 процента). Как правило, у читателя среднее или среднее специальное образование (61,7 процента), но немало подписчиков (24,4

процента) имеют и высшее образование. Он живет в небольшом городе или поселке городского типа (43,1 процента), областном центре и столице республики (37 процентов) либо на селе (20,7 процента).

Наш читатель постоянен в своих привязанностях: 74,1 процента выписывают журнал более трех лет, из них 28,6 процента — более 10 лет.

И, пожалуй, самое приятное — наш читатель доброжелателен. Мы предлагали ему оценить все наши рубрики: какие из них следует расширить, какие сократить, от каких вообще отказаться. Лишь четыре рубрики («Перестройка: демократизация и право», «Публицист размышляет», «Фельетон», «На колесах и пешком») набрали около 15 процентов голосов читателей, предлагающих их «снять». А в целом читатель к нам весьма лоялен.

Зачем читателю «ЧиЗ»?

Большинство привлекают остросюжетные материалы (61,6 процента). Многие читают журнал, чтобы лучше знать свои права и обязанности, разбираться в спорных ситуациях (37,6 процента) и для повышения общего

культурного уровня (28 процентов). Кое-кому (10,6 процента) юридическая информация необходима по роду работы.

Что читатель ищет в журнале?

Детективные повести и романы (78,9 процента), судебные очерки (70,9 процента), разъяснения нового законодательства и практики его применения (54,4 процента), разбор конкретных конфликтных ситуаций (44,4 процента), материалы на молодежные (57,5 процента) и исторические (37,2 процента) темы, уголовную статистику (43,6 процента), рассказы о работе суда, прокуратуры, милиции (31,8 процента).

Довольны ли мы своим читателем?

Прежде всего, мы довольны, что читатель у нас есть. Даже при нынешних взвинченных ценах почти 2,5 миллиона подписчиков не изменили журналу.

А всем нашим читателям: и тем, кто прислал свои анкеты (им особенно), и тем, кто подписался на «ЧиЗ» на 1991 год, и тем, кто по финансовым, идейным или другим соображениям вынужден был с нами расстаться, большое спасибо.

КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?

Каждый из нас вступает в рынок... По-своему, разумеется. Скажем, моя восьмилетняя дочь несколько дней усиленно пыхла: что-то старательно вырезала, клеила, рисовала. А потом «предъявила» ошеломленным родителям кучу визиток, карточек и талонов. Понарошку, как она сама объяснила, по-игрушечному.

А что же в жизни? Население смеет с торговых прилавков любые товары. Лишь бы купить! Особый разговор — положение пожилых, инвалидов, малообеспеченных. Наглядный пример тому — контейнеры с бытовым мусором. Раньше в них ковырялись, в основном, спившиеся, потерявшие человеческий облик бомжи. Суетились по поводу пустых бутылок.

Сейчас их не то сменили, не то вытеснили опрятно одетые старики. Многие с орденскими планками, со значками участника Великой Отечественной войны. Оглянутся стыдливо вокруг, подойдут и собирают ветхие тряпки, старую обувь, бутылки, всякий хлам и сор...

Мои наблюдения с природы подтверждают и многочисленные письма читателей. Приведем лишь наиболее типичные из них.

Закон — мучитель?

В 1971 году я был комиссован из армии с диагнозом — миопатия. В госпитале мне предложили третью группу инвалидности, но я отказался. Сказалась юношеская бравада: дескать, девчонки любить не будут. С тех пор мое состояние резко ухудшилось. Районный ВТЭК дал вторую группу инвалидности. С 1982 года — первую.

В 1974 году женился — двое сыновей. В 1977 году окончил художествен-

ное училище, работал, пока позволяло здоровье. Когда же мне по болезни понадобился уход, жена уволилась с работы и сидела со мной до восьмидесяти восьмого года. Дальше жить было не на что, и опять устроилась в библиотеку.

Не всякая женщина вынесет то, что она вынесла со мной. Великое ей спасибо!

Я писал в различные инстанции и спрашивал, почему мое заболевание признается «общим», если оно получено в период прохождения воинской службы, а призывался я совершенно здоровым? Местные и центральные органы отвечали мне, что... Впрочем, это не важно. Для себя я уже ничего не прошу, так как уверен — все бесполезно. Но помогите понять одно: почему моей жене не засчитывают в трудовой стаж те шесть лет, которые она промаялась со мной. Понятно, что таков закон, но что за идиот его придумал? Почему должны страдать люди, ухаживающие за своими близкими?

Понимаю, что эмоции тут не помогут. Извините. Сейчас жена вновь ушла с работы, потому что не может разорваться на части. И будет она не то домохозяйкой, не то неведомо кем с жалким пособием от государства. Странно устроено наше общество: для прощелыг существуют сотни лазеек, чтобы не работать и жить безбедно, а потом получать неплохую пенсию. Ну да ладно.

Я очень прошу вас — помогите пожалуйста! Передайте это письмо туда и тому, где думают над новыми законами. Как-то в голове не укладывается, что человеку, который тащит на своих худеньких плечах семью, мужа — инвалида недвижимого /а его нужно и в ванной искупать, и в туалет сводить,

вернее, протащить на себе/, не был положен трудовой стаж или приемлемое пособие по уходу за больным.

НАЙДАНОВ Борис Яковлевич
с. Кара-Джигач Киргизской ССР

Переступить черту

Последнее время я все чаще задумываюсь над своей нескладной жизнью. И ставлю себе «двойку».

Дело в том, что я повар. По работе имею доступ ко многим дефицитным продуктам /что сейчас не дефицит!/. И хотя не останавливала других, но себе что-нибудь прихватывать с работы никогда не позволяла. Не боялась, нет. Что-то не позволяло внутри меня заниматься этим.

За это меня товарки чуть ли не в глаза обзывали дурой. Я же находила успокоение в своей честности. А теперь убедилась, что действительно дура!

Работаю с шести утра, жара, как в аду, за смену перетаскиваю не одну тонну продуктов. За это государство платит мне 90 рублей в месяц.

У меня двое детей. Объясните, как прожить на эти деньги втроем? Ведь нужно есть, обуваться, одеваться. Какая уж там роскошь!

Сейчас я стою перед выбором: либо голодные дети, либо воровство. И совесть уже не останавливает меня...

Без подписи

Вношу предложение

Пишет Вам пенсионер, инвалид войны. Прежде чем писать, я долго думал и решил хоть с пятого на десятое описать свою жизнь.

Родился я в двадцать третьем году, по образованию ветеринарный фельдшер. Женился по любви /со своей стороны могу гарантировать/ на русской девушке. В 1954 году приехали к ее родителям. И тут начались все мои невзгоды. Главной заводилой выступила теща. Жена во всем с ней соглашалась. То деньги у меня украдут, то в тюрьму стараются посадить.

Не выдержал, ушел. Но росли двое детей. Простил. Стали жить дальше, но скандалы продолжались. Работал я один, а деньги эти жена клала на свою книжку. В 1966 году взяли в семью

шестинедельного племянника жены, так и вырастили. Дочери выросли, мы их выдали замуж.

Ничего для них не жалел. Жена живет в моем доме, куплен на мои деньги в 1961 году. Младшая дочь живет в моем доме, старшая половину дома построила из моего леса. А я ничего не заслужил, да еще и укоряют: тебя никто не просил покупать нам дома.

В конце концов выбросили меня отовсюду, даже одежду мою не дали. Сейчас я нахожусь в пансионате, на всем готовом. Стоит это государству, я пробовал подсчитать, 2200 рублей в год. Пенсия же у меня за год 1700 рублей. Как сделать, чтобы разницу доплачивали дети в виде наказания или как алименты? Слышал, что раньше дети должны были кормить своих родителей до их смерти. За такой закон я бы проголосовал обеими руками...

МАЙБОРОДА Виктор Павлович
г. Харьков

Помогите хоть словами...

Три года назад я пошла на пенсию, получаю 70 рублей в месяц. Кормлю на эти крохи дочь-школьницу и сына. Он вернулся из заключения с туберкулезом. Из-за болезни его никуда не берут на работу.

Сыну нужно хорошее питание, фрукты, а мне его даже поддержать нечем. Пробовала подрабатывать ночными дежурствами — давление поднимается до двухсот. Ходить не могу, болят ноги.

Хотя бы сына отправили на ВТЭК, да какую-нибудь пенсию дали. Не может же человек полтора года одним воздухом питаться.

Сегодня ходила в «милосердие». Одна женщина хотела дать мне талоны на бесплатное питание в столовой. А рядом сидит мужчина и говорит: «Пока не давайте, у нас мало...»

Так я и ушла ни с чем.

Может быть, кто-то приедет и посоветует, как быть с сыном. Ведь мне очень обидно за него, а сил нет. Помогите хоть словами, все легче будет...

ЛЫСЕНКО Алла Филипповна
г. Улан—Уде, пос. Заречный.

Каждое письмо из этого ряда — крик о боли, о трагедии. Безногий фронтовик без пенсии, без жилья: в беседе требуют, чтобы он сам восстанавливал утраченные документы... Мать двоих детей, готовая стать воровкой, лишь бы прокормить семью... Пенсионеры, давящие друг друга на подступах к магазину «Ветеран»...

Наше общество, извините за повтор банальностей, политизировалось до того опасного предела, за которым начинается беспредел. Самыми популярными лозунгами стали требования «Долой!» Всех и вся: Октябрь и Ленина, КГБ и армию, КПСС и бюрократию, Рыжкова и Советский Союз, привилегии и льготы...

Думаю, каждый читатель сам легко продолжит список этих отрицаний.

Плюрализм плюрализмом, однако тревожит отсутствие конструктивных предложений, способных улучшить жизнь людей или, как говорили раньше, «простого советского человека». Страна переходит к рынку, к частной собственности, но сколько людей станут лишними на этом «пиршестве предпринимательства и предприимчивости».

Правда, множится — в духе времени — число различных обществ, ассоциаций, фондов и орденов, на знаменах которых начертано: Милосердие, Здоровье, Социальная помощь. Их функционеры проводят телемарафоны,

благотворительные мероприятия, охотно позируют перед журналистами, с удовольствием ездят «за бугор» изучать тамошний опыт. Этим перечнем их интересы и ограничиваются. Тот самый случай, когда весь пар уходит на гудок.

Разовые же акции этих доброхотов можно сравнить с усилиями героя из рассказа Герберта Уэльса «Человек, который умел творить чудеса». Помните? Встретив одноногого инвалида, сей персонаж одарил его не новой ногой, а роскошно отделанным протезом; не воздвиг новый мост на месте развалюхи, а снабдил его яркими светильниками...

Остается уповать на вечную нашу надежду и палочку-выручалочку: руководство. (На святой Руси издавна была велика вера в доброго царя.) Ведь при любых поворотах государственного курса в первую очередь нельзя забывать о людях. Однако похоже, что правительство плюнуло всем нам, и особенно малоимущим, в лицо. Точнее, даже плюнуть поленилось. Как иначе можно оценивать невнятное бормотание о какой-то мифической компенсации? А казенные льготы для различных групп населения? Эти подачки отхватываются от нашего общего пирога, столь скудного, что уже сами льготники стали мишенями для различных нападок.

Так кто же поможет «сырым и убогим?» Кто?

Алексей АНОСОВ

ДО ЧЕГО ЖЕ МЫ ДОЙДЕМ...

Нет проблемы более глупой, надуманной, чем проблема межнациональной розни.

О ней, как о гнойном прыще, негаданно вскочившем на нашей физиономии, ни говорить, ни писать не хочется. Тем более, что в Ленинграде, городе, где я живу, народ спокойный, уравновешенный и

в большинстве своем миролюбивый.

Однако недавно мне пришлось столкнуться с ней воочию. Произошло это солнечным июльским днем. Я шагал по оживленной улице. Неожиданно взгляд мой остановился на группе людей, стоявших на краю тротуара и о чем-то яростно кричавших.

*«Чего это они не поделили? Наверное, воришку-карманника поймали», — равнодушно подумал я. Поравнявшись, увидел, что один из кричавших, мужчина лет сорока в «варенке», полный, небольшого роста, со светлыми волосами, зычным голосом орал:
— Жидовская твоя морда!*

Тот, на кого он кричал, очевидно, и впрямь, был еврей: несмотря на природную смуглость, чувствовалось, что от волнения он заметно побледнел и так пронзительно глядел на обидчика, словно хотел его этим взглядом пронзить насквозь, как копьем.

Дико и страшно было глядеть на эту картину.

— Да хватит вам! Нельзя же так, все мы люди,— произнесла наконец какая-то пожилая седоволосая женщина, державшая в руках большую продуктовую сумку.— А тебе стыдно должно быть,— добавила она, строго и укоризненно посмотрев на полного.

— Ладно, мамаша. Ничего я не сказал такого...— вымолвил он, потом невинно пожал плечами и продолжил: — Подумаешь, высказаться нельзя. У нас сейчас гласность,— и, растолкав людей, растворился в толпе.

Публика, жадная до подобных зрелищ, неохотно стала расходиться. На некоторых лицах проглядывало разочарование — ведь до драки дело не дошло, а скандал без драки, что чай без сахара.

Я так и не понял, из-за чего возникла эта мерзкая сцена, да, пожалуй, не так это и важно. Страшнее то, что она действительно произошла при ясном свете ласкового солнца на оживленной ленинградской улице. И мне

было стыдно за себя, за то, что я не нашел в себе мужества вмешаться, не набил этому уверенному в своей правоте антисемиту физиономию.

Мимо оживленно сновали прохожие, натруженно урча проносились автомашины.

Потрясенный увиденным, я думал: откуда, из каких страшных закоулков вышел этот новоявленный черносотенец? Не в меньшей степени меня поразило молчаливое равнодушие окружающих. Вроде бы самой основы для подобных эксцессов не должно быть в нашем до недавних пор многонациональном городе.

Хотя нет... Припоминаю, что и раньше до перестройки, в ставшие легендарными застойные времена, можно было услышать где-нибудь в душном, напрочь провонявшем тухлой рыбой пивном баре, курительной комнате или переполненном трамвае скабресный приглушенный шепоток, рассказывающий сальный анекдотец про евреев, чукчей или армянское радио. Большое значение этим глупым рассказам, как мне казалось, никто не придавал. Разве не дико ненавидеть и издеваться над человеком только за то, что он относится к другой нации?

Оказывается, есть люди, полагающие иначе.

Может, я и не стал

бы писать это письмо, рассказывать о неприятном случае, свидетелем которого оказался по воле судьбы. Однако, просматривая в последнее время газеты, отмечаю, что все чаще появляются страшные статьи о росте антисемитских настроений, погромах еврейских могил на кладбищах Москвы, Ленинграда. Возможно, то же происходит и в других городах Союза.

Правда, в потоке острых проблем, порою более страшных и кровавых, эти события не так сильно бросаются в глаза, отходят на второй план, затушевываются. Но они есть и нуждаются в своем разрешении. А в добавок ко всему некоторые мужи серьезно рассуждают на страницах журналов о происках жидомасонов. Как будто не было той страшной Отечественной войны, когда все наши народы, невзирая на национальности, плечо к плечу боролись против фашизма. Что же происходит? Люди, одумайтесь! В противном случае до чего мы дойдем завтра, может действительно до погромов?

А. ДМИТРАКОВ
г. Ленинград

Представляем рубрику:

НАБОЛЕЛО!

Наверное, не проходит дня, чтобы кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, не оказался в конфликтной ситуации: в магазине ли, жэке, транспорте. Мы чувствуем, что с нами поступают несправедливо, незаконно, но... Но, как правило, не знаем ни своих прав, ни обязанностей тех, кто нас обслуживает.

Право — на каждый день. Таков смысл и суть рубрики, которую мы предлагаем вам и в материалах которой будем разяснять ваши права и обязанности, так сказать, противоположной стороны.

Пишите, спрашивайте, что вас волнует, тогда новая рубрика станет вашим помощником.

БАССЕЙН В КВАРТИРЕ

Как и всегда, приход зимы поверг в изумление и столбняк работников жилищно-коммунальных служб. Жалобы на их бездеятельность и беспечность переполняют редакционную почту.

Для отчаявшихся мы и проведем сегодня небольшой правовой ликбез. Начнем его с письма:

«Прошу срочного вмешательства и помощи. По преступной халатности работников жэк-2 жилищно-коммунального отдела квартирно-эксплуатационного управления Московского военного округа в нашем подъезде произошла авария. Наступили морозы, а я осталась с двумя малолетними детьми в затопленной и сырой квартире. Осенью прошлого года жэк-2 включил центральное отопление, и горячая вода стала заливать квартиры с пятого этажа по первый. В 10 часов мы сообщили об этом технику-смотрителю Ульяненко Л. М. Через три часа нам почему-то отключили водопровод с горячей и холодной водой. А кипятик из батарей продолжал хлестать по квартирам.

И вот результат. Протечки на потолке, отстали обои, обваливается кафель, вздулись паркет и линолиум, разваливается мебель, набухли и не закрываются окна и двери. Замкнуло электропроводку, следовательно, мокрые стены и сантехническое оборудование могут оказаться под напряжением. Наружные стены квартиры пропитались водой и набухли. В комнатах холодно, сыро.

Конечно, наша маленькая квартирка в «хрущобе» — это не маршальские

хоромы и дачи. Но и мы люди и нам хочется жить в нормальных человеческих условиях.

Васильева Марина Тимофеевна
г. Москва»

Разумеется, редакции трудно оценить условия проживания и отдыха маршалов. Что же касается юридической стороны конфликта, она, судя по письму, сводится к следующему. Протечка отопления — вина только работников жилищно-коммунальных служб. Они безразлично отнеслись к неоднократным заявкам жильцов. Не приняли надлежащих мер к установлению факта аварии и устранению ее причин. (Кстати, «Типовым договором найма жилого помещения» в подобных ситуациях предусмотрены немедленные действия жэка.) Сказалась и неподготовленность к отопительному сезону.

Перед включением отопления работники жэка уклонились от исполнения своих прямых обязанностей, закрепленных за ними законодательством:

1. Не проведен осенний осмотр зданий до начала отопительного сезона для проверки готовности каждого здания к зиме, что предусмотрено «Правилами и нормами технической эксплуатации жилищного фонда».

2. Не проводился и систематический осмотр оборудования квартир, устранение и предупреждение возможных аварий.

Мало того, что жэк-2, повторимся, не принял экстренных мер к устранению причин аварии, его работники пытались

свалить свою вину на жильцов квартиры с пятого этажа, которые, разумеется, не имеют никакого отношения к регулированию работы отопительной системы, то есть к инженерному оборудованию дома.

Поскольку налицо попытка уйти от ответственности, необходимо обратиться с заявлением в вышестоящие органы в порядке подчиненности или поднадзорности. В нашем случае это Главная военная прокуратура или военная прокуратура Московского военного округа; командование МВО или квартирно-эксплуатационное управление округа и, наконец, приемная министра обороны или Главное квартирно-эксплуатационное управление министерства обороны.

В заявлении надо потребовать проверить факт аварии и дать свое заключение для возможного обращения в народный суд, так как эти обращения граждан предусмотрены досудебной подготовкой к делу. В случае объективного рассмотрения жалобы эти органы должны, на основании статьи 52 Основ жилищного законодательства СССР о материальной ответственности должностных лиц и других работников, по вине которых причинен ущерб, обязать работников жэк-2 ЖКО КЭУ Московского военного округа произвести смету расходов и ремонт квартиры, занимаемой семьей гражданки Васильевой.

Если конфликт не удастся разрешить мирным путем, гражданин может обратиться в районный народный суд по месту жительства с иском к жэку о возмещении причиненного по вине его работников ущерба. Это право предоставляется статьей 5 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик:

«Право на обращение в суд за судебной защитой. Всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса.

Отказ от права на обращение в суд недействителен».

Содержание и форма иска также регулируется законодательством. Этому посвящена статья 126 Гражданского процессуального кодекса РСФСР:

«Форма и содержание искового заявления

Исковое заявление подается в суд в письменной форме.

В заявлении должны быть указаны: 1) наименование суда, в который подается заявление;

2) наименование истца, его место жительства или, если истцом является юридическое лицо, его место нахождения, а также наименование представителя и его адрес, если заявление подается представителем;

3) наименование ответчика, его место жительства или, если ответчиком является юридическое лицо, его место нахождения;

4) обстоятельства, на которых истец основывает требование, и доказательства, подтверждающие, изложенные истцом обстоятельства;

5) требования истца;

6) цена иска, если иск подлежит оценке;

7) перечень прилагаемых к заявлению документов.

Заявление подписывается истцом или его представителем. К исковому заявлению, поданному представителем, должна быть приложена доверенность или иной документ, удостоверяющий полномочия представителя».

Следует запомнить, что исковое заявление оплачивается государственной пошлиной (статья 82 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР). Ее размер зависит от цены иска. В нашем случае — от денежной оценки причиненного ущерба (статья 83 ГПК РСФСР).

Хотелось бы подчеркнуть, что схема действий подходит для тяжбы с коммунальщиками любой принадлежности и подчиненности. Судитесь на здоровье!

И, напоследок, небольшое лирическое отступление. Одним из критериев, определяющих уровень жизни в цивилизованных странах, является наличие в домашнем хозяйстве граждан бассейна с подогреваемой водой. Похоже, такая тенденция намечается и у нас: стараниями жэков, во многих квартирах появятся свои бассейны, правда, вопреки воле жильцов.

А. ТИМОФЕЕВ

ГАРАНТИИ ИЛИ ОБЕЩАНИЯ?

Беседа с американскими юристами о проекте конституции РСФСР

Страну раздирают противоречия. Пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать различного рода кризисы, поразившие общество: политический, экономический, экологический, национальный, продовольственный, языковой, культурный, нравственный... Налицо самый страшный кризис: паралич власти и всевозрастающее недоверие к ней. Люди смертельно устали, ничему не верят и никого не хотят слушать.

Возможно, последней надеждой остались Союзный договор и новые Конституции страны и республик.

Каким путем пойдет Российская Федерация, какие ориентиры выберет?

В этой ситуации многое может подсказать непредубежденный взгляд со стороны. Видимо, поэтому к анализу одного из проектов Конституции РСФСР, разработанного Конституционной комиссией РСФСР, были привлечены международные эксперты, не отягощенные грузом наших проблем, суеверий и традиций.

С двумя из них встретился наш корреспондент. Это американские юристы: профессор конституционного права Колумбийского университета (г. Нью-Йорк) АНДЖЕЙ РАПАЧИНСКИЙ и представитель Федеральной ассоциации юристов, бывший эксперт Верховного суда США ВИЛЬЯМ ДЗУРИЛЛА.

К нам они приехали впервые, по приглашению Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. Работали вместе с народными депутатами, учеными, давали консультации, проводили экспертизу отдельных статей.

Итак, какая же Конституция способна, на их взгляд, привести стра-

ну, народ к стабильности, благоденствию и процветанию?

А. РАПАЧИНСКИЙ. Безусловно, конституции различных стран, скажем, США и России, сравнивать очень сложно — слишком разные традиции и условия. Тем не менее некоторые положения этих документов должны носить универсальный характер.

Думаю, следует начать с общих параметров.

Конституции бывают двух типов: юридическим или политическим документом (символом). В последнем случае Конституция может содержать любые типы пожеланий, обещаний и деклараций, не всегда, впрочем, исполняемых. Сюда я бы отнес такие гарантии, как право на труд, жилище, медицину. Но пообещать не значит дать!

Я лично высказываюсь в пользу трактовки Конституции как исключительно юридического документа. Это должен быть короткий документ с характерной для него ясностью, призванный обеспечить лишь наиболее фундаментальные принципы политического порядка и индивидуальных или групповых прав. Он должен препятствовать государству ограничивать права личности. Эту свободу гарантирует суд. Но он не может гарантировать соблюдение социальных прав. Эти вопросы лежат в области политических решений, то есть действий законодателей.

Конституция не должна быть и тайным документом, известным лишь узкой группе «посвященных». Это должен быть величественный документ, который дети будут изучать в школах и с которым будет хорошо знаком каждый

гражданин, чтобы знание его принципов и гарантий пронизывало каждодневные отношения правительства и гражданина.

Конституция не должна быть разовым документом, отражающим лишь эгоистические интересы какой-либо партии или группы людей. Она должна служить благу всего народа. В то же время нельзя слепо копировать чужой опыт. Он сложился в других условиях. Скажем, нигде в мире не смогли удачно применить американскую систему президентства. Все попытки заканчивались той или иной формой диктатуры. Или такой пример. Ваши журналисты часто освещают зарубежный опыт, в том числе и польский. Я, кстати, являюсь экспертом Конституционной комиссии Республики Польша. Так что знаю предмет не понаслышке. Там совсем другие политические условия. Уже нет открытого сопротивления реформам. У вас же еще сильны люди, которые вообще не хотят никаких изменений. Они согласны только на косметический ремонт прогнившего фасада.

КОРРЕСПОНДЕНТ. У нас сейчас, как говорится, проще пареной репы изменить любой нормативный акт. Прямо-таки зуд какой-то. Не успели на одной сессии принять «Закон о...», смотришь, а уже через полгода принимают «Закон о поправке к «Закону о...» А взять тот же многострадальный Закон о кооперации, который изменяется каждые полгода уже на протяжении нескольких лет. Не станет ли легкой «добычей» законодателей и новая Конституция? Как защитить ее от подобных и других напастей?

А. РАПАЧИНСКИЙ. Конституция ни в коем случае не должна быть легкоизменяемой. Это подчеркнет ее фундаментальный характер, а самое главное, убережет от неразумных, конъюнктурных поправок. В технике существует такое понятие: «защита от дураков».

Скажем, в США внести изменения в Конституцию крайне трудно. Она уже давно стала религией американцев, одним из самых уважаемых актов государства. Люди боятся навредить ей даже в самой малости. Для этого и разработана сложнейшая процедура внесения поправок. За них должны про-

голосовать две трети каждой палаты Конгресса, затем новацию должны одобрить три четверти штатов. Так что здравый смысл всегда берет верх и пройти могут абсолютно бесспорные положения, решающие острые проблемы в масштабах всей страны. Но происходит это крайне редко и авторы таких поправок становятся чуть ли не национальными героями.

В России Конституцию будет утверждать парламент, съезд, референдум. Это нормально. Поверьте собственному опыту: люди сами выберут нужное, не надо всех их считать глупцами.

Опасна и еще одна крайность: утопить Конституцию в деталях. Она должна ограничиваться наиболее фундаментальными вопросами, избегать столкновения с политическими желаниями момента. Детализация полезна в других законах.

Вот пример из истории. В 1791 году была принята первая поправка к Конституции США. В ней говорится: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедование оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

Видите? В одной строчке уместилась гарантия свободы слова и печати, вероисповедания и шествий. Разумеется, в дальнейшем все эти положения были развиты соответствующими нормативными актами. У вас же проследивается любовь к всеобщей регламентации, попытки заранее предусмотреть тысячи вариантов. Это невозможно и только вредит фундаментальному закону.

И еще один деликатный момент. Я считаю, что необходим полный разрыв со старыми идеологическими штампами. Прошу понять меня правильно. Понятия «народный», «демократический» и тому подобное должны быть сутью государства, его целями, а не лозунгами на фасаде. Вспомните недавние названия стран Восточной Европы. В глазах рябило от всех этих

«народных», «демократических», а режим-то был тоталитарный. Как, впрочем, и у вас...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Еще один момент. Сейчас у нас Президент издает Указы, Верховный Совет принимает законы, Правительство — постановления. Все эти нормативные акты часто не стыкуются, а то и противоречат друг другу, действующему законодательству. Каким образом можно их привести к единому знаменателю — Закону?

В. ДЗУРИЛЛА. Средство давно известное и эффективное. Основопологающим должен стать принцип верховенства Закона. Чем хороша Конституция США? Да тем, что ни одному человеку не дает возможности возвыситься над Законом. Ее основной постулат — перед Законом равны все. И исключений здесь нет!

Студенты-юристы еще на первом курсе изучают прецедент 1803 года. Тогда Верховный суд США впервые ввел в практику понятие несоответствия новых законов, правительственных решений Конституции страны. Это дало возможность суду отменять неконституционные решения Президента и Конгресса. Тогдашний президент Томас Джефферсон был крайне недоволен таким поворотом событий, резко ограничивающим его власть, но, в конце концов, подчинился решению суда.

Верховный суд не имеет ни армии, ни полиции, но является главным гарантом сохранения законности в стране. Возможно, многие судебные решения не нравятся и Президенту Бушу, но он им подчиняется.

Таким образом, Конституция создает независимую судебную власть с полномочиями анализировать конституционность законов парламента и решений правительства. Во всем мире такая власть имела огромное значение для укрепления демократии и избежания диктаторства.

Суд в России должен быть наделен таким же правом. Но этого мало. Критическая ситуация наступит чуть позже, при первой же попытке признания какого-либо решения власти незаконным. Этот «момент истины» все и решит. Либо руководство подчиняется

решению суда, и вы вступите в новый демократический этап, либо не подчиняется, и это будет возврат к тоталитаризму. Кстати, Президент Джефферсон сказал в подобной ситуации следующее: «Мне очень не нравится решение Верховного суда, но я ему подчиняюсь».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Нынешнюю ситуацию в нашей стране Президент определил как «парад суверенитетов». Все вертикальные связи разрушаются: республика блокирует решения центра, регионы не слушают республику, регион противоречит региону. И так вплоть до сельских и поселковых Советов. Какая-нибудь Ивантеевка на полном серьезе объявляет о своей независимости, о приоритете своих решений, исключительных правах собственности на недра и даже воздушное пространство. Эти действия приближают распад государства. Какими мерами можно остановить, а затем и урегулировать этот крайне опасный процесс?

А. РАПАЧИНСКИЙ. На мой взгляд, для вас сейчас самая опасная проблема — это конфликты в отношениях «центр — республики — регионы». «Парад суверенитетов» — это опасный абсурд, бессмыслица. В США существует федеральный закон, обязательный для всей территории страны. Этим правилом руководствуются и суды. Кстати, когда-то и у нас штаты обладали всей полнотой законодательной власти и у центра не было никакой возможности проводить свои решения, даже самые необходимые. И лишь Конституция 1789 года сняла все эти проблемы. Сейчас каждый штат у нас довольно автономен, но в определенных сферах его власть ограничена строгими рамками.

Конечно, при обсуждении закона любая группа или отдельные граждане вправе выражать свое несогласие с ним, но после принятия закон обязателен для всех. Отклонения недопустимы и влекут за собой крупные денежные штрафы или уголовное наказание. Это тоже один из обязательных элементов правового государства.

Но вернемся в Россию. Большая

ошибка понимать федерализм лишь как слабую ассоциацию, которая основывается на добровольном согласии регионов подчиняться федеральному закону. Федерализм является децентрализованной формой правления, при которой значительное число решений принимается местными властями, независимо от центрального правительства. Однако там, где федеральное правительство правомочно действовать, оно должно действовать решительно, в интересах народа, не становясь заложником местных органов власти, их одобрений и увязок. Масштаб федеральной власти, провозглашенный Конституцией, должен ограничивать регионы так, чтобы часть не могла провозгласить преимущество собственных законов над общефедеральными.

Поясню свою мысль. Право регионов на отделение должно быть ограничено принципом «все или ничего»: либо они остаются в составе федерации и подчиняются ее Конституции и законам, либо полностью выходят из федерации. Иначе, как мне представляется, Россия быстро превратится в разваливающийся альянс бывших своих частей.

Далее. Так как отдельные части стремятся в целях личной выгоды действовать независимо, а то и во вред другим, для общего блага необходимо создание общего же механизма выработки решений и проведения их в жизнь. Невозможно, чтобы один регион сопротивлялся введению пошлин на импорт, которые согласованы между всеми регионами, но не выгодны каждому в отдельности. Так же весьма трудно не поддаться искушению создать в регионе лучшие условия для бизнеса. Но подобному варианту могут последовать другие части и в результате этого соревнования могут пострадать общие интересы.

Или такой пример из нашей истории. В начале века для американских штатов было очень трудно запретить детский труд. Это воспрепятствовало бы развитию бизнеса. И лишь федеральный закон решил эту важную социальную проблему.

Поэтому федеральные власти, повторяюсь, не могут полагаться лишь на доб-

ровольное согласие регионов и должны иметь собственную значительную власть. Каждый регион должен иметь возможность выйти из федерации и развиваться самостоятельно. Но этот вариант должен означать настоящее отделение, а не возможность непослушания отдельным решениям федерации.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы топчемся на месте в решении еще одного крайне важного вопроса. То заявляем, что хотим войти в число цивилизованных государств, перейти к рыночным отношениям, всемерно развивать предпринимательство. То, словно испугавшись, отступаем, блокируя этот путь.

Накаляют атмосферу и призывы «Не поступиться принципами!», «Не продавать Родину», «Не идти на уступки капиталистам!» Можно подумать, что «акулы капитализма» только и ждут возможности сожрать нас со всеми потрохами.

В. ДЗУРИЛЛА. Проект Конституции, над которым мы работали, разрешает частное предпринимательство и рыночную экономику. Все это могло бы помочь России быстро встать на ноги, выйти на путь экономического роста. Да и американские бизнесмены горят желанием сотрудничать с Россией. Однако ваши законы не защищают их собственность. Не придают уверенности в завтрашнем дне и лозунги, которые вы перечисляли.

Я побывал и в Эстонии. Там сейчас очень тяжело с нефтью. Однако часть ее просто сжигается из-за неумения переработать, вдобавок загрязняется окружающая среда. Мы готовы поставить соответствующую технологию для использования этих фракций и улучшения воздуха. Как видите, выгода здесь будет общая. Причем же тут «уступки» и «распродажа»?

Да, предпринимателям нужен доход. Это аксиома бизнеса. Но эта деятельность будет выгодна и полезна и вашей стране. Время безудержного разграбления и наживы любой ценой давно миновало. Все можно регулировать соответствующими законами. Зато страна получит новое оборудование и технологию, чистую окружающую среду, изобилие товаров потребления, высококвалифицированные кадры нако-

нец. Ведь бизнес не делают в одиночку.

И самое важное: на пользу стране пойдет то, что сейчас не используется, гниет, теряется, выбрасывается...

КОРРЕСПОНДЕНТ. С учетом наших реалий мы в самую последнюю очередь подошли к правам человека. А ведь они провозглашены целью правового государства, которое мы, вроде бы, строим. Я невольно иронизирую, потому что, на мой взгляд, равнодушие, презрение, наплеватьство к заботам «простого советского человека», как говорили у вас, или «человека с улицы», как говорят у нас, достигло своего предела.

А. РАПАЧИНСКИЙ. Главная цель любой Конституции — защита граждан от злоупотреблений политических властей. Если эта защита узаконена, то отношения между людьми государство способно урегулировать самостоятельно.

Раздел прав человека в Конституции должен быть конкретным и ясным. Документ не может досконально очертить все эти права и ограничивается лишь «широкими мазками». Но именно по этой причине очень важно, чтобы общие положения Конституции переводились на язык повседневной жизни с помощью механизма юридической реализации.

В Конституции, еще раз подчеркну, не должно быть пустых обещаний и деклараций. Нельзя давать людям несбыточные надежды, приучать их к перекладыванию ответственности на государство. Надо вводить только те права, которые государство может гарантировать, например, ту же судебную защиту граждан. Но суд не может предоставить жилье, работу, медицину. Важно помнить другое: политически и экономически независимый гражданин способен обеспечить этим себя сам или с помощью других законов.

Лучше иметь немного гарантированных прав, чем кучу пустых обещаний. Это доказывает и ваш собственный негативный опыт.

Кстати, американская Конституция не содержит каких-либо социальных гарантий человеку, а определяет только его политические и личные права. Этот

вопрос решается и в других актах. Конституция лишь защищает человека от государства. Тут есть один важный нюанс. Социальные гарантии способно обеспечить лишь сильное правительство, но оно же, сильное правительство, стремится ограничить личные свободы граждан. Вот такая тонкая грань.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Спасибо за интересную беседу. А теперь хотелось бы узнать о ваших личных впечатлениях от увиденного.

В. ДЗУРИЛЛА. Мне очень понравились ваши люди. Но не нравится организация жизни. Она ужасно не рациональна. От гостиницы, где я жил, идти пешком до столовой всего две-три минуты. Нет, нас везут минут двадцать автобусом по окрестным улочкам и привозят к той же самой столовой. Время еще не стало для вас экономической категорией.

А. РАПАЧИНСКИЙ. Конечно, сразу же бросается в глаза тяжелое экономическое положение людей: пустые прилавки магазинов, огромные очереди. Все трудно, везде проблемы. Во всем видна бюрократическая заорганизованность и нерациональная устроенность жизни.

В гостинице я пошел перекусить. Продавали бутерброды и ветчину с хреном. Я попросил положить хрен на бутерброды. Мне почему-то грубо отказали. Или такой сюжет. Условия в гостинице трудно назвать даже спартанскими. Но с меня требуют 185 долларов в сутки. Безумно дорого при таком «комфорте!» В ресторане же я ел икру, семгу, прочий, как у вас говорят, дефицит. Платил же всего два доллара. Это символ вашей больной экономики.

В. ДЗУРИЛЛА. И все же не хотелось бы расставаться на минорной ноте. Я надеюсь, что новая Конституция России введет в действие многие демократические механизмы, даст дорогу новым, энергичным людям. Дальнейшее будет зависеть от выбора народа.

Мы желаем успеха всем людям вашей страны.

Наш гражданин унижается государством уже в утробе матери, унижается очередями в магазине и в женской консультации, грубостью в жэкедэу, давкой в автобусе. Унижает его государство и после смерти: все мы знаем, как непросто у нас занять место на кладбище.

Немилость к нам государственной машины заложена в ее природе. Те, кем она конструировалась на заре Советской власти, изначально вменили ей заведомо непосильные для нее обязанности: производить все товары и услуги, всех ими обеспечивать.

Захватить в свои руки всю массу средств производства государству Страны Советов удалось довольно быстро, а использовать их с умом во благо человеку оно не сумело научиться за все 73 года своего существования. И коль сегодня мы почти единодушно признаем необходимость приватизировать хотя бы малую часть государственной собственности, то очевидно, что научиться этому государству просто-напросто не дано. Увидеть потребности человека, уловить его желания, постараться изо всех сил ему услужить способен лишь другой такой же человек, напрямую зависимый от своего клиента, пациента, покупателя, а не сотрудник какой-то конторы, обеспечиваемой из госбюджета.

Но порочность конструкции Советского государства — не единственная причина унижающего нас всеобщего дефицита. Он происходит еще и потому, что нашей государственной казной управляли бессовестные люди, которые не испытывали и малейшего сострадания к житейским бедам рядового гражданина.

Однажды случай познакомил меня с тулячкой Антониной Никитичной Ереминой. Она приехала в Тулу девочкой-подростком в год первых космических полетов. Родственники поселили ее к себе в девятиметровую комнату в каменном бараке. Построен он был еще при Столыпине. Тогда в нем был склад для сахара. Жильцы барака об этом помнили, но на неудобство житья в бывшем складе не жаловались: потерпим чуть-чуть, а там лучше будет — страна ведь семимильными шагами идет к коммунизму.

Когда Антонина Никитична вышла замуж, родственники из комнаты выехали. Она привела в нее мужа. Здесь родилась дочь. Здесь, на девяти метрах, им втроем и оказалось суждено обитать семнадцать лет. Барак времен Столыпина пережил все космические победы страны. Государство тратило на звездные корабли и спутники миллиарды рублей, а на дешевенькую квартиру для Ереминых денег у него, увы,

не находилось.

Знали ли власть имущие, что все годы построения коммунизма несметное число их подданных задыхалось от тесноты в бараках и общагах; мерзло в прогнивших пятистенках и вагончиках? Знали, конечно. Но миллиарды и миллиарды народных денег транжирились ими не только на космические полеты и ядерные испытания, на танки, подлодки и крейсера /это хоть как-то можно оправдать/, но и на бессмысленный для народа прокорм ущербных режимов, на хлебосольные приемы делегаций со всего света, на строительство роскошных административных апартаментов, на возведение помпезных монументов и прочие абсурдные при нищете страны расходы.

Нынешнее поколение советских людей выросло при аморальных правителях-расточителях. И если власть по-прежнему останется у руководителей без совести, то государство вряд ли станет к нам милосерднее — как бы удачно мы его сейчас не перестроили.

Что можно сказать о нравственном облике тех государственных деятелей, которые получили власть в результате первых в стране свободных выборов? Видят ли они беды своих избирателей? Болеют ли их болями? Готовы ли, не жалея сил, искать пути и средства решения самых острых проблем? Полны ли решимости перераспределить все возможные расходы государства в пользу народа?

Время для определенных ответов на эти вопросы еще не пришло. Новая власть пока не овладела государственной машиной настолько, чтобы реально ею управлять. Надеяться на ее истинную заботу о нас можно. Но оснований для этого маловато. В стране, несмотря на все усиливающуюся разруху, не объявлен режим чрезвычайной экономии. Власти на всех уровнях с началом повального товарного кризиса ни в чем не ограничились самих себя. Но главное, что дает повод сомневаться в чуткости и совестливости новых политиков, это их невнимание к отдельным вопиющим проблемам, решение которых не требует капитальных затрат.

Одна из таких проблем — правовое

положение человека из общежития, самого среди нас обездоленного. Оно почему-то никак не попадает в поле зрения законодателей. И тысячи и тысячи людей по-прежнему унижаются бесправием.

В той же Туле, где у меня состоялась встреча с Антониной Никитичной Ереминой, в то же примерно время я познакомился с еще одной женщиной, более молодой и совсем недавно ставшей тулячкой. Звали ее — Наташа Чиџна.

Закончив институт, Наташа получила распределение в славный город оружейников. Ее направили в НИИ «Стрела», работающий на оборону. Наташины родители живут далеко-далече от Тулы, и ее поселили в общежитие НИИ, в комнату на девятом этаже в благоустроенной четырехкомнатной квартире или, на общежитском языке, секции. И казалось бы, о Наташе уже в молодые ее лета государство позаботилось куда больше, чем об Антонине Никитичне: общежитская коммуналка с удобствами с любой точки зрения предпочтительнее многолюдного барака с мокрыми стенами.

Но Антонина Никитична получила комнату от городских властей в полное свое пользование и вольна жить в ней, как ей нравится. Наташа же допущена в общежитие с позволения работодателей, взявших ее в НИИ, и обязана считаться с их нравами и вкусами. У первой есть независимость личной жизни, но нет элементарного бытового комфорта, у второй есть относительный комфорт — нет независимости. Кто из них счастливее? Житейское бесправие — такое же человеческое горе, как и мокрые бараки.

У меня на руках заявление Наташи, которое она написала в ноябре позапрошлого года. В нем излагается просьба предоставить ей... ее комнату. Я не оговорился: Наташа попросила себе комнату, где встретила как хозяйка три весны. Далее в заявлении она сообщает, что выходит замуж, и спрашивает Олега Куценко — лидера общежитского совета, позволительно ли ей взять под свой кров будущего бесквартирного супруга.

Ни Куценко, ни руководимые им ак-

тивисты родственниками Чиной не доводятся. Они такие же, как и она сама, молодые специалисты, населяющие разные этажи одного и того же дома. Но именно перед ними бьет Наташа поклоны за мужа.

Не отведавшем общего жития чело-битная Наташи может показаться сущим бредом: чего ради хлопочет она о том, что уже имеет? С какой стати добивается милости у малознакомых ей жильцов — в их-то двери муж ее не вхож? Здравого смысла Наташино заявление лишено ровно настолько, насколько сама Наташа обделена в гражданских правах.

Владелец общежития по улице Горького, 8 — администрация НИИ «Стрела», зачислив в свой штат инженера Чиину, могла разрешить ей занять не только отдельную комнату, но и всю четырехкомнатную квартиру и даже целый этаж. Я сгущаю краски: последнее возможно лишь теоретически. Но возможно. Владелец общежития вправе не подселать к одному человеку на этаже других какое угодно время.

Администрация «Стрелы» — единственный и суверенный собственник всех квадратных метров своего общежития и может распоряжаться ими как ей вздумается. Пожелай она эдак, жила бы Наташа в одиночку в огромной квартире, пожелай так, досталось бы новоиспеченному инженеру койко-место, то есть половина 12-метровой комнаты. К Наташе администрация отнеслась ни так и ни эдак: вселила ее одну в отдельную комнату. Что сие означало для обеих сторон? Ровным счетом ничего. Администрация право распоряжения комнатой не теряла, а Наташа — не приобретала. Согласно положению об общежитиях их владельцы, когда им угодно, могут те или иные квадратные метры сдать жильцу и, когда им удобно, поменять эти метры или вообще отобрать. Статья 110 Жилищного кодекса РСФСР, например, позволяет администрации выставить человека из общежития на том лишь основании, что он нарушает, с ее точки зрения, трудовую дисциплину на производстве. И если бы Наташа скоротала в комнате 89 «б» не три года, а скажем, лет тринадцать, то и в этом случае

отведенные ей четыре стены не стали бы ее.

Общежитская жилплощадь и вечно временная, и вечно управляемая. Но, в отличие от частного домохозяина, администрация предприятия правит личной жизнью постояльцев не сама непосредственно, а через коменданта с командой и совет общежития. Все члены этого совета зависимы от администрации по службе, любому из них она может улучшить или ухудшить условия в общежитии, приблизить или отодвинуть получение ордера на квартиру, и потому блюсти предписанный ею порядок всяк попавший в совет кровно заинтересован. Администрация к доказавшим ей свою преданность членам совета тоже обыкновенно прислушивается: внештатных управителей необходимо поощрять доверием.

С Наташиным избранником до просьбы о его к ней вселении успели познакомиться два главных общежитских активиста — упомянутый уже Олег Куценко и председатель совета молодых специалистов Валерий Шогин. И им обоим он решительно не понравился. С их слов, не одобрили ее выбора и остальные активисты. Высказать это Наташе они не посчитали нужным, но жить ей под ее кровом вместе с неполюбившимся им человеком не разрешили. На заявлении Наташи, адресованном Куценко, Шогин от лица актива начертал: «Ввиду крайне пренебрежительного отношения В. В. Кузьменко к правилам социалистического общежития и общественным организациям совет молодых специалистов и общежития против предоставления комнаты».

Владимир Кузьменко — муж Наташи — в прошлом сержант-сверхсрочник, а позднее учащийся Тульского медучилища, до подачи заявления никогда в общежитии, принадлежащем НИИ «Стрела», не проживал. И, стало быть, никогда не имел возможности ни пренебрегать установленными для его жильцов правилами, ни выполнять их. Не мог он, даже страстно желая того, и выказать пренебрежительное отношение к общественным организациям общежития, ибо дела с ними опять-таки никогда не имел: ему лишь однажды довелось объясниться

с руководителями этих организаций.

Если бы семья со школой и вуз научили Наташу не только читать, но и почитать резолюции, если бы втолковали ей воспитатели да преподаватели в свое время, что в общежитии всегда прав тот, у кого больше прав, то тогда бы она, наверное, нелепости в шогинском автографе не заметила: неважно, по каким мотивам отказано — важно, что отказано. И надо, следовательно, пойти к доверенным лицам администрации, Куценко и Шогину, и покаяться: «Да, надерзил вам Володя, извините. Да, случился у него конфликт с соседкой, которую ко мне недавно подселили, ну что тут поделаешь. Да, написала она на него заявление в милицию, и хотя дело закрыли и не доказано — поставил он ей синяк или нет, — все равно Володя, так его раз-этак, виноват, и понял он это и у всех, кому волнение доставил, прощения просит».

Скажи Наташа нечто подобное Куценко и Шогину, поплачься перед ними на судьбу, пославшую ей мужа, с коим не знаешь куда приткнуться, и, может быть, дрогнуло бы у них сердце. Оба они люди не злые, я уверен.

Но Наташа повела себя так, как подобает не постоялице общежития, а стопроцентной гражданке. Нелепую резолюцию Шогина она назвала нелепой, и вообще права за активом определять соответствие морального облика ее мужа общежитским стенам не признала: отказали вы мне, ну и бог с вами, новое свое заявление я адресую администрации.

Окажись в тот момент рядом с Наташей третий жизнью человек, он непременно отговорил бы ее от столь неразумного шага: надо во что бы то ни стало поладить с активом или молча уходить на частную квартиру — бунта против нештатных своих управителей администрация не потерпит. А рядом с Наташей был только ее муж — такой же идеалист, как и она сама. И тоже не подозревавший, что человек из общежития обязан почитать резолюции, исходящие как от владельца, так и его приближенных.

В просьбе стропливой постоялице администрация, профком и комитет комсомола не просто отказали. Отка-

зали с нравоучением. Их решение слово в слово повторило резолюцию Шогина: так-то вот — знай наших. Но понимая, что шогинское «ввиду крайне пренебрежительного отношения» выглядит крайне неубедительно, они еще добавили от себя и «ввиду отсутствия свободных мест». Объединение первого «ввиду» со вторым (мест-то свободных нет, но они могли бы быть, веди себя Кузьменко почтительно к активу) лишало решение категоричности и оставляло за Наташей шанс на повторное обращение: люди добрые, вы пишете, что у вас нет мест, но вами же только что приглашены пять молодых специалистов с семьями и всем им вы дадите по комнате. Чем же я хуже новоприбывших? Войдите в мое положение, смените гнев на милость...

Использовать этот шанс Наташа не захотела. Но и частную квартиру искать не принялась. Не увидев и на этот раз, что по своему житейскому статусу она не подданная государства, а лишь подданная администрации, Наташа осмелилась поднять на нее руку: стала писать жалобы.

Мало разницы: сова ли об сосну, сосна ли об сову. Все равно сове больно. Когда Наташа посылала в очередную инстанцию обвинение администрации в произволе, то больно бывало ей, а не администрации, ибо на все письма она, как правило, получала один и тот же ответ: согласно положению об общежитиях, вселение туда происходит по решению владельцев, а на их «нет» суда нет. Когда Шогин с нарядом милиции врывался среди ночи в комнату Наташи и уводил от нее мужа (гражданин, покиньте помещение, вы здесь не прописаны), когда по приказу помощника директора НИИ по быту В. Еремичева группа людей отбирала у Наташи все ее с мужем вещи — от нижнего белья до сберкнижки (не отдадим, пока не переселишься в другую комнату), то больно было опять-таки Наташе, а не Шогину с Еремичевым.

Короче говоря, от возникшей между двумя сторонами войны страдала только Наташа. Но и противникам ее война эта тоже была не в радость. В первых, всем им приходилось по многу раз давать объяснение проверяющим

Наташины жалобы. Во-вторых, и администрация, и профком, и партком «Стрелы» сами были вынуждены отвечать на жалобы, которые пересылались им из различных инстанций. В-третьих, наконец, на Наташину сторону встал президиум Тульского облсовпрофа. И, отметая его постановление: «изыскать возможность предоставления супругам Кузьменко отдельной комнаты в общежитии», руководители «Стрелы» рисковали нажать довольно опасного недруга.

Но при всем том они даже и мысли не допускали, чтобы уступить Наташе шесть квадратных метров. Им нужна была только победа над непокорной постоялицей. Зачем? Затем, думаю, чтобы и другим было бунтовать неопасно. Чтобы и впредь каждый из 300 с лишним обитателей общежития приходил к администрации лишь с униженными просьбами. Чтобы и впредь могла она тасовать общежитские метры как ей вздумается. Чтобы и в будущем никто не оспаривал правомочность ее указаний по созданию групп захвата вещей.

Так называемое общежитие в наших городах на самом деле есть не что иное, как феодальные спецпоселения. Оно создано для того, чтобы прикрепить граждан к ведомственным вотчинам. И произвол вотчинников по отношению к «спецпоселенцам» является следствием указанного бесправия.

«Так вы хотите,— спросил меня на прощание секретарь парткома «Стрелы» А. Савко,— чтобы нас обязали прописать к Наташе ее мужа-хулигана?» Ответить на его вопрос мне непросто было тогда, непросто и сейчас. Я категорически против любого давления сверху и на А. Савко, и на директора «Стрелы» Ю. Земскова, и на председателя профкома Р. Агеева. Я всецело за полную их самостоятельность во всех делах коллектива НИИ. Но личная жизнь Наташи — не дело коллектива. И я был абсолютно против всякого вмешательства в нее всех названных руководителей. И потому написал тогда в газете «Правда»: «Я не могу не быть на стороне Наташи, даже если хулиганом ее мужа назовет суд, а не А. Савко, и не могу не желать ей победы:

грешно нормальному человеку не сочувствовать другому человеку, который отстаивает свое гражданское достоинство, свое право жить по законам государства, а не по нормам, устанавливаемым земсковыми, агеевыми и савко».

Руководители «Стрелы» не замедлили откликнуться на мою газетную статью. В письме на имя главного редактора они меня вначале похвалили: «Корреспондент выбрал, на наш взгляд, очень актуальную тему для публикации — о правовой защищенности людей, проживающих в общежитиях. Вопрос, безусловно, архисложный, требующий решения в государственном масштабе при пересмотре множества законодательных актов. Уверены, есть настоятельная необходимость его решать».

Затем ими было отмечено: «В парткоме т. Анисину говорилось, что для написания статьи он выбрал отнюдь не самую лучшую «натуру». Далее они привели примеры некорректного к ним отношения Наташи и ее супруга, указали на якобы неточные факты, приведенные мною, и в конце рубанули с плеча: «Администрация, партийный и профсоюзный комитеты НИИ действуют не по нормам, установленным ими, а в соответствии с «Примерным положением об общежитиях», утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 11 августа 1988 года № 328».

Письмо в редакцию от общественности «Стрелы» было гораздо прямолинейней и категоричней. В нем сверх подписей председателя и члена женсовета Н. Марушкиной и Г. Нориковой без экивоков заявлялось следующее: «История, о которой рассказывает Н. Анисин, весьма неприглядна по своей сути. Жаль только, что он все поставил с ног на голову, совершенно превратно изложив факты. «Герои повествования», о которых идет речь, не те люди, которые нуждаются в защите, а скорее те, от кого надо защищаться...

На замечание автора статьи, что администрация не вправе вмешиваться в личную жизнь Наташи Чиной, позволим себе заметить, что брак Чиной и Кузьменко — это их личное дело. Но

если свое благополучие семья пытается обеспечить за счет других, если порушена судьба молодой девушки, лишившейся любимой работы, униженной негодяем, выгнанной из комнаты (здесь имеется в виду соседка, с которой Наташа жила некоторое время.— Н. А.), то, извините, администрация и общественные организации не могут стоять в стороне и идти навстречу желаниям хулигана.

Возмущает в статье то, что автор, пытаясь «выгнать слезу» у читающей аудитории, походя, не вникая в суть происходящего, чернит честных людей. Наш коллектив оскорблен таким неуважительным к нам отношением, потому что в статье затронуты и общественные организации, и уважаемые в коллективе люди.

Небольшая справка к личности Кузьменко В.

1. Брак его третий, от первых двух есть брошенные дети.

2. В обращении с людьми крайне груб и бестактен. Когда народный депутат СССР Ольга Вячеславовна Баранникова, к которой он обратился, разобравшись в сути вопроса, попробовала убедить его в правильности действий администрации, он был с ней крайне бестактен.

3. Кузьменко служил свехсрочником в военной части Ефремовского района Тульской области, уволен за нарушение воинской дисциплины и грубость.

Уважаемый товарищ главный редактор! Мы требуем, чтобы Н. Анисин нам дал объяснения по поводу мотивов, которые заставили его написать столь безнравственную статью».

Оба письма для ответа были переданы мне. Я оказался в трудном положении: что отвечать? Руководители «Стрелы» на самом деле действовали в полном соответствии с «Примерным положением об общежитиях». Они отказались вселить к Наташе ее мужа по той причине, что он не пришелся им по душе. И таковой отказ им положением не запрещался. Они рекомендовали выставлять из общежития по ночам непрописанных в нем. И это тем же положением им не возбранялось. Они приказали арестовать вещи непокладистых супругов и в том с положе-

нием не разошлись.

Но ведь я ни за какие нарушения положения их и не укорял. Моя статья посвящалась узаконенному произволу. То есть критике в ней подвергалось само положение об общежитиях, которое позволяет их владельцам решать людские судьбы, исходя из собственных моральных норм и ценностей: хороший человек — поселим, плохой — откажем. И, таким образом, все написанное мной можно было рассматривать как комплимент руководителям «Стрелы» — они доблестно реализовали свои права, дарованные им положением. Ну а почему я не встал на их сторону, в статье объяснялось: грешно нормальному человеку не сочувствовать другому человеку, который, как и любой из нас, хотел бы жить под данной ему государственной крышей с тем, кого послала судьба. Так что же еще следовало мне говорить в своем ответе администрации и двум комитетам «Стрелы»?

Вместе с руководительским письмом я отправил в архив и письмо общественниц Н. Марушкиной и Г. Нориковой. Но по другой причине. Лидеры женского движения «Стрелы» вынесли собственный железный приговор Кузьменко В. за конфликт с Наташиной соседкой. Провели свое тщательное исследование личной жизни Володи в прошлом и настоящем. А все это свидетельствовало о «высокой стойкости их моральных принципов». И у меня не находилось слов, которыми бы я мог убедить Марушкину с Нориковой, что моя безнравственная, по их словам, статья писалась не в защиту Наташи и Володи, а в защиту их права устраивать семейную жизнь, не оглядываясь ни на администрацию, ни на женсовет, ни на какие-то другие общественные организации.

К сожалению, такого права нет у тысяч и тысяч наших соотечественников. Отклики на статью, написанные жильцами общежитий, мне было больно читать. Приведу лишь один из них:

«Я приехала в город Загорск Московской области, получив распределение на оптико-механический завод. Мне предоставили койко-место в общежитии. Через три года, отработав поло-

женное, я собиралась вернуться в свой город, к родителям. Но, как на грех, встретила молодого человека, влюбилась, и мы решили пожениться. Он жил в двухкомнатной квартире с отцом и матерью, которые давно на пенсии.

Сразу же после свадьбы, где-то на второй день, я пришла в общежитие и обнаружила свои вещи в коридоре. А на двери моей комнаты был другой замок.

Моя жизнь стала кошмаром. Свекровь меня к себе в квартирупустила, а прописывать отказалась. Я, уже будучи беременной, ходила к коменданту, начальнику ЖКО, к зам. директора по быту и самому директору: умоляла, плакала, унижалась. Все бесполезно. Один из руководителей завода посоветовал: «Пусть муж через суд разменяет квартиру родителей». То есть предложить мне выгнать стариков из родных стен, ради которых они столько горбатились. Иных советов не было.

Теперь я каждый день ожидаю, что свекровь выставит нас из дома. Я — полубездомная.

На заводе есть семейное общежитие. Но его дают, если муж и жена — оба молодые специалисты, или,

я думаю, по знакомству, по особому расположению начальства.

Жилья у завода мало. А молодых специалистов и иногородних выпускников ПТУ он каждый год приглашает и приглашает. Не могу понять, зачем ему нужно умножать горе. Те мои знакомые по общежитию девчата, которые вышли замуж, почти все мучаются и плачут.

Себе я помощи не прошу. А пишу затем, чтобы сказать: надо же что-то делать! Надо заставить предприятия создавать нормальные условия жизни, если они приглашают на работу людей без крыши над головой. Общежитие с койко-местом — это издевательство над человеком».

Сколько же обид и слез приносят вотчинные спецпоселения-общаги? Кто и когда, наконец, возьмется изменить их бесчеловечную суть? Ведь даже не бедствующие вотчинники — гг. Земсков, Савко и Агеев уверены: есть настоятельная необходимость решать вопрос.

Но люди в общежитиях по-прежнему мучаются и плачут. А законодатели по-прежнему молчат.

Николай АНИСИН

В КОМИТЕТЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО

НАДЗОРА СССР

ЗАКОНЫ «НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

Передо мной на столе лежат письма, старые, датированные 85, 86, 87 годом. Их авторы — участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, солдаты, воевавшие в Афганистане, в Анголе, — просили нас рассказать на страницах журнала о предоставленных им правах и льготах. Большин-

ство этих просьб мы так и не смогли выполнить. Почему? На многих нормативных актах, определяющих права и льготы данных категорий граждан, стоял гриф «не для печати».

Не знаю, зачем нужно было засекречивать эти данные: то ли чтобы мы с вами, не воевавшие и не участвовав-

шие в ликвидации, не стали завидовать тем, кто получил эти льготы, то ли, наоборот, чтобы не краснели за те мизерные права и преимущества, которые были им предоставлены. Знаю только, что это не единичные случаи. До настоящего времени у нас в стране существовало множество нор-

мативных актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан, с грифами «секретно», «не подлежит опубликованию», «не для печати», «для служебного пользования» и т. д. Например, в число таких актов входили указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР по вопросам гражданства, подсудности уголовных дел, амнистии, административной ответственности, трудовых отношений и социального обеспечения, выселения граждан из жилых помещений. Были засекречены многие постановления и распоряжения Совета Министров СССР по вопросам пенсионного обеспечения, оплаты труда, предоставления жилых помещений, использования труда осужденных и их перевоспитания, условий и оплаты труда советских граждан, работающих за границей (я уже не говорю о нормативных актах министерств и ведомств СССР, где очень любили, да, наверное, и по сей день любят, гриф «для служебного пользования» и пользовались им, как говорится, к месту и не к месту).

Понятно, что, коль скоро о таких важных вещах речь шла в закрытых актах, мы с вами в некоторых случаях лишались возможности в полной мере использовать предоставленные нам права и свободы (как о них узнать, если чиновник вдруг,

по какой-либо причине, не захочет проинформировать нас о наших же правах, в отношении которых изданы секретные акты?). А подчас — подлежали юридической ответственности за нарушение правил, с которыми не имели возможности ознакомиться. Мало того, оказавшись в такой ситуации, мы нередко не могли судить, правомерно ли действует по отношению к нам должностное лицо, ведь руководствовалося-то оно опять же закрытыми инструкциями. В результате и бороться с произволом, в частности обжаловать неправомерные действия (как это доказать?) государственных органов и должностных лиц, было очень трудно.

А между тем любой из нас мог взять Конституцию СССР и в статье 39 прочитать, что граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. А из статьи 59 Конституции СССР — узнать, что гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию и советские законы. Не нужно иметь высшего юридического образования, чтобы сообразить, что для реализации этих конституционных положений человек должен иметь возможность знакомиться со всеми нормативными актами, которые определяют его

права, свободы и обязанности, а также порядок их осуществления. Государственные же органы обязаны своевременно доводить до всеобщего сведения такие нормативные акты. Вот и Конституция СССР подтверждает эти положения. В статье 9 указывается, что одним из основных направлений развития политической системы советского общества является расширение гласности. А в соответствии со статьей 94 Конституции Советы народных депутатов и создаваемые ими органы информируют граждан о принятых решениях.

Но не тут-то было. Наряду с этими правильными словами Конституции в стране долгие годы действовало правило (причем законодательно закрепленное), допускающее применение неопубликованных нормативных актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан. Так, согласно статье 4 Закона СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами», указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, «не имеющие общего значения, могут быть не опубликованы и направляются соответствующим государственным органам и общественным организа-

циям для доведения до сведения предприятий, учреждений, организаций и лиц, на которых распространяется их действие».

В соответствии с пунктом 1 постановления Совета Министров СССР от 20 марта 1959 г. № 293 «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР» публикуются постановления Правительства СССР, «имеющие общее значение или носящие нормативный характер». Пункт 5 постановления предусматривает, что постановления Правительства СССР, не опубликованные в Собрании постановлений Правительства СССР или газетах, могут быть опубликованы в печати «по представлению соответствующих организаций только с разрешения Управляющего Делами Совета Министров СССР». Пункт 2 постановления допускает вступление постановлений Правительства СССР в силу с момента их принятия, независимо от того, публиковались они или нет.

Естественно, перечисленные законодательные положения, предоставляющие должностным лицам права определять, имеют ли правовые акты «общее значение» или не имеют, а также засекречивать информацию и в зависимости от своего решения публиковать

или не публиковать, были очень удобны для чиновников. Поскольку предоставляли им возможность произвольно, неправомерно ограничивать права и свободы граждан, возлагать на них дополнительные, нередко обременительные обязанности, а отдельным категориям граждан предоставлять и неоправданные льготы.

Поэтому Комитет конституционного надзора СССР, рассмотрев по собственной инициативе вопрос о соответствии Конституции СССР и международным актам правил, допускающих применение неопубликованных нормативных актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан, пришел к заключению, что опубликование законов и других нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, то есть доведение их тем или иным способом до всеобщего сведения, является обязательным условием применения этих актов. Статья 4 Закона СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами», пункты 1, 2, 5 постановления Совета Министров СССР от 20 марта 1959 г. № 293 «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Прави-

тельства СССР» и другие нормативные положения в той их части, в которой они прямо или косвенно допускают вступление в силу неопубликованных нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, не соответствуют Конституции СССР и международным актам о правах человека и в этой части утрачивают силу с момента принятия данного Заключения.

На основании статьи 22 Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР» ранее принятые, но не опубликованные нормативные акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, подлежат опубликованию соответствующими государственными органами в трехмесячный срок со дня принятия настоящего Заключения. Акты, которые не будут опубликованы, по истечении этого срока утрачивают силу.

Это Заключение было подписано Председателем Комитета конституционного надзора СССР С. С. Алексеевым 29 ноября 1990 года. Следовательно, в начале марта этого года установленный трехмесячный срок истекает. И у нас появится возможность рассказать вам, уважаемые читатели, о многих ранее закрытых актах. Пишите нам. Спрашивайте.

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

Ведет рубрику подполковник внутренней службы,
кандидат юридических наук **Б. МИХАЙЛОВ.**

В предыдущих комментариях, анализируя состояние преступности, мы останавливались на наиболее важных направлениях деятельности МВД СССР и его основных служб.

В предлагаемом обзоре попытаемся посмотреть на проблему борьбы с преступностью через призму деятельности следственных аппаратов.

В 1989—1990 гг. следственные подразделения получили 1158 автомобилей, около 1,5 тысячи отдельных кабинетов, свыше 3 тысяч пишущих машинок, 636 магнитофонов, поставляется и другая техника. Значительную помощь оказывают местные органы власти, предприятия и организации. Учитывая, что материально-техническая обеспеченность следствия остается все еще низкой, МВД СССР предпринимает дальнейшие конкретные шаги к ее укреплению. Привлечены к расследованию значительные силы других служб органов внутренних дел, в первую очередь те сотрудники, которые имеют опыт следственной работы.

Наращивание потенциала следственного аппарата, помноженное на добросовестный труд подавляющего большинства следователей,

способствовало некоторой стабилизации обстановки, отдельным позитивным изменениям в следственной работе. Несколько повысилась результативность следствия, больше уголовных дел направлено в суды (+23,0 %).

Необходимо отметить, что большие усилия в последние 2,5 года следственный аппарат МВД СССР затрачивает на расследование преступлений, совершенных в ходе межнациональных столкновений. В этой сложной работе за прошедший период приняли участие 1100 следователей органов внутренних дел РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик, а также Главного следственного управления МВД СССР. Ими расследовано свыше двух тысяч уголовных дел, выявлено более 10 тысяч преступных эпизодов.

В структуре расследованных дел продолжает увеличиваться доля уголовных дел об имущественных преступлениях. За полугодие число дел о хищениях путем растраты, присвоения или злоупотребления возросло на 21 процент. Почти в два раза (с 417 до 721) увеличилось число оконченных дел о хищениях в особо крупных размерах, в том числе со-

вершенных организованными преступными группами.

Так, Главным следственным управлением МВД СССР расследуется уголовное дело о хищениях государственных денежных средств в особо крупных размерах, совершенных организованной преступной группой в составе 11 человек. Следствием установлено, что они по предварительному сговору путем подделки корешков чеков в чековых книжках Сбербанка СССР, а также подделки доверенностей по расчетным чекам, по поддельным паспортам совершили хищение денежных средств на общую сумму свыше 1 млн. 100 тыс. рублей.

Обстоятельствами, способствовавшими совершению преступлений в течение длительного времени, явились несовершенство Правил пользования чековыми книжками, введенных Сбербанком СССР в 1987 году, и слабая химическая защищенность бланков чековой книжки. Не менее важным обстоятельством, способствующим совершению преступлений, явилось длительное прохождение документов по учреждениям Сбербанка СССР, что способствовало оттягиванию момента обнаружения хищения, на что

и рассчитывали члены преступной группы (например, прохождение поддельного чека в зависимости от региона, где выписана чековая книжка, и местом, где оплачен чек, в пределах 3—4 месяцев).

Главным следственным управлением МВД СССР внесены соответствующие представления в Сберегательный банк СССР, по которым приняты необходимые меры, устраняющие возможность подделки чековых книжек.

Исправляются перекосы в гуманизации правоприменительной практики. Устраняются послабления опасным преступникам, участникам организованных преступных групп, рецидивистам. Решительнее и профессионально грамотнее применяются к ним меры процессуального принуждения.

Следователями выявлено больше дополнительных, ранее не состоявших на учете преступлений (120 тысяч). В процессе следствия раскрыто 30 тысяч преступлений по ранее приостановленным делам.

Однако говорить о серьезном переломе не приходится. Результаты деятельности следственного аппарата, как в зеркале, отражают состояние борьбы с преступностью в стране и эффективность деятельности органов внутренних дел в целом.

Непрекращающийся рост преступности и уве-

личение нагрузки на следователей осложняют раскрытие преступлений. За девять месяцев прошлого года приостановлено 729,1 тысячи дел о нераскрытых преступлениях (+30,4 %). Эти же факторы влияют на качество и сроки расследования. Несколько увеличилось число оконченных дел, возвращенных судами и прокурорами на дополнительное расследование (+0,4 %). С одной стороны, это результат низкого профессионализма, зачастую неопытность следователей, а с другой, возросшая требовательность прокуратуры и судов к качеству следствия.

Имеются и другие объективные причины: с допуском адвокатов к участию в деле с момента задержания подозреваемого увеличилось число дел, возвращенных на доследование из-за необеспечения обвиняемым права на защиту. Все это происходит из-за малочисленности адвокатского корпуса.

Для доведения нагрузки следователей до нормативной необходимо 15—20 тысяч единиц штатной численности. Но, учитывая ограниченность базы подготовки юристов в стране и других источников комплектования следственных кадров, ведется поиск других путей повышения эффективности следственной рабо-

ты. По мнению Главного следственного Управления МВД СССР, необходимо более энергично осуществлять меры по совершенствованию уголовно-процессуального и уголовного законодательства.

Представляется целесообразным осуществить перевод на протокольное производство 50 составов преступлений, по которым сегодня ведется следствие, декриминализацию 12 составов преступлений, упростить порядок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях.

Протокольное производство должно быть распространено, в первую очередь, на преступления, не представляющие большой общественной опасности и совершенные, как правило, в условиях очевидности. К этой категории следует отнести преступления, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное, более мягкое наказание.

Вместе с тем предлагается не простое «механическое» расширение перечня составов преступлений, а дифференцированный подход с учетом характера конкретных правонарушений и, прежде всего, их очевидности.

Как считает ГСУ МВД СССР, в целесообразности предлагаемой ме-

ры убеждает также складывающаяся в стране судебная и следственная практика.

Другим важным направлением процесса приведения уголовно-правовых норм в соответствие с фактически складывающимися общественными отношениями является сужение сферы применения уголовного наказания путем сокращения круга деяний, которые признаются преступлениями, исключения ряда составов из уголовного кодекса.

В рамках предлагаемой декриминализации необходимо рассмотреть целесообразность перевода отдельных правонарушений в ранг административно - наказуемых (ст. 96 — мелкое хищение государственного или общественного имущества; ст. 159 — подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов; ст. 168 — умышленная потрава посевов и повреждение полевых и иных насаждений; ч. 1 ст. 169 — незаконная порубка леса; ст. 201. — нарушение закона о записи актов граждан-

ского состояния; ч. 1 ст. 211 — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами, повлекшие причинение потерпевшему менее тяжкого или легкого телесного повреждения либо причинившее существенный материальный ущерб; ст. 219¹ — незаконное обучение каратэ), обеспечить более эффективное применение по ним норм гражданского права.

Реализация этого позволит высвободить значительное число следователей и оперативных работников органов внутренних дел и сосредоточить их усилия на раскрытии и расследовании тяжких преступлений.

Не менее важным представляется серьезное улучшение подготовки следственных кадров. Современные требования к профессии следователя обуславливают совершенствование учебных программ в высших учебных заведениях системы МВД СССР, а также в юри-

дических институтах и на факультетах Университетов.

Нужно также решить проблему разграничения компетенции союзных и республиканских органов следствия и дознания на всех уровнях. Это позволит наладить взаимодействие и координацию союзных и республиканских правоохранительных органов на правовой основе.

Следует определить союзную подследственность (дела, относящиеся к компетенции только федеральных правоохранительных органов), смешанную подследственность (дела, относящиеся к компетенции как федеральных, так и республиканских органов) и республиканскую подследственность.

Кроме того, требует решения вопрос более четкого разграничения подследственности между органами предварительного следствия прокуратуры, МВД, КГБ и органами дознания. Над конкретными предложениями по этим вопросам работает МВД СССР.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача 1

По роду работы Еремину полагался отпуск 18 рабочих дней. Поскольку в течение года

он имел 8 дней прогула, очередной отпуск ему предоставили продолжительностью 10 рабочих дней.

Правильно ли решение администрации?

Задача 2

Новикова работала бухгалтером на полставки — 4 часа ежед-

невно. Оформляя очередной отпуск, она узнала, что вместо 24 дней ей предоставили только 12, сократив отпуск пропорционально продолжительности ее рабочего времени. Новикова с этим не согласилась.

Решите спор.

ЗАКОН

КОММЕНТАРИЙ

ПРАКТИКА

Разговор с фининспектором о налогах

Есть мнение, что никто не любит платить налоги, а от этого сначала страдает государство, а потом и сами налогоплательщики, за которыми начинают охоту налоговые инспектора. В нашей стране ситуация осложняется тем, что до сих пор у большинства граждан налоги удерживались бухгалтериями предприятий и организаций, и от нас никогда не требовалось умение подсчитывать свой налог, заполнять соответствующие документы.

Но с начала нынешнего года многим гражданам СССР пришлось впервые самим заполнять налоговые декларации. Кое-кто до сих пор этого не сделал — и не по злomu умыслу, а лишь по незнанию. Поэтому редакция журнала обратилась к одному из ведущих специалистов Министерства финансов СССР, консультанту Главной налоговой инспекции Виктору Александровичу ТУРУ с рядом вопросов: что такое налоговая декларация и кто должен её заполнять? Какие налоги нужно платить с основного заработка, а какие — с побочного? Кто имеет право на льготы по налогам? Одновременно мы постараемся в доступной форме рассказать читателям, как и в каких размерах взимается подоходный налог с граждан СССР. И третья задача этой публикации — дать налогоплательщикам совет: что нужно делать, чтобы даже случайно не угодить под налоговый штраф.

Итак, беседа публициста Александра ПРОЦЕНКО с Виктором Александровичем ТУРОМ на тему, которая касается каждого из нас. Но прежде попробуем перечислить тех, кому не требуется заполнять никаких деклараций.

Это граждане, чьим единственным источником дохода является зарплата, получаемая по месту основной и дополнительной работы за исполнение трудовых обязанностей на государственных, кооперативных и частных предприятиях.

Это граждане, полностью освобожденные от уплаты налогов, а именно:

— Герои Советского Союза, лица, награжденные орденом Славы всех трех степеней, инвалиды Великой Отечественной войны либо военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей воинской службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, а также инвалиды из числа бывших партизан и другие инвалиды, приравненные по пенсионному обеспечению к этим категориям военнослужащих;

— участники Гражданской и Великой Отечественной войн, других операций по защите СССР — из числа военнослужащих, проходивших службу в частях,

штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии, и бывших партизан;

— сотрудники органов внутренних дел, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении служебных обязанностей;

— ленинградцы-блокадники, но не просто пережившие блокаду, а работавшие в Ленинграде на предприятиях, в учреждениях и организациях в период с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года;

— матери-героини;

— инвалиды с детства, а также инвалиды первой и второй групп по зрению.

Все остальные граждане обязаны ежегодно представлять в налоговую инспекцию декларацию о полученных за год доходах.

Кто же обязан подавать налоговую декларацию? Сюда входят граждане:

— получившие в истекшем году доходы от работы, выполняемой по договорам подряда, если такая работа продолжалась более двух месяцев в календарном году;

— получившие в истекшем году суммы в виде авторского вознаграждения за издание, исполнение или иное использование произведений науки, литературы, искусства;

— получившие в истекшем году суммы вознаграждения за открытия, изобретения и промышленные образцы;

— получившие в истекшем году доходы от занятий индивидуальной трудовой деятельностью, в том числе ведущие трудовые хозяйства;

— получившие в истекшем году другие доходы (кроме доходов от выполнения трудовых обязанностей на предприятиях, в учреждениях, организациях): от сдачи в наем строений, квартир, комнат и другого имущества; в виде процентов и выигрышей по вкладам в управлениях кооперативных, коммерческих и акционерных банков;

— получившие доходы в истекшем году за границей или из-за границы (кроме выплат, связанных с выполнением трудовых обязанностей).

Но это совсем не значит, что граждане, подавшие декларацию, будут обложены каким-то дополнительным налогом или вообще налогом. Все зависит от размеров полученных доходов и иных обстоятельств.

Чтобы рассмотреть эти обстоятельства и помочь людям сориентироваться в налоговом законодательстве, разберем наиболее часто встречающиеся случаи.

— **Итак, я — рабочий или служащий государственного предприятия, не имеющий никаких доходов, кроме зарплаты и других выплат, полученных в моей заводской кассе.**

— Никакой декларации вам заполнять не нужно. Все налоги с вас будет удерживать бухгалтерия предприятия.

— **А если я работаю не на государственном предприятии, а в кооперативе, в частной фирме или на предприятии, принадлежащем акционерному обществу.**

— Это не имеет никакого значения. Подоходный налог в любом из данных случаев удерживает и перечисляет в госбюджет бухгалтерия вашего предприятия.

— **Я — рабочий или служащий какого-либо предприятия, но по совместительству подрабатываю на другом предприятии.**

— Бухгалтерия предприятия, где вы работаете по совместительству, должна знать о вашем основном месте работы. Подоходный налог с вас будут удерживать и по месту основной работы, и по месту совмещения. Но все сведения о ваших дополнительных доходах от совмещения должны сообщаться по месту основной работы — для перерасчета суммы налога, который взимается с общего заработка по прогрессивной шкале, но с учетом налога, уже удержанного в месте совмещения. Сюда же включаются суммы, полученные от распределения в трудовом коллективе дополнительных доходов: премий, дивидендов по акциям

и многих других выплат. Все эти доходы суммируются, и на них уже начисляется налог.

В общую сумму дохода, облагаемую налогом, не включаются различные компенсационные выплаты (кроме компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении), выходные пособия, выплачиваемые при увольнении, и некоторые другие суммы.

— Учитываются ли при этом подсчете различные надбавки, устанавливаемые за работу в районах Крайнего Севера и других местах с тяжелым климатом (высокогорные, пустынные, безводные и т. д.)?

— Нет, подоходный налог со всех этих дополнительных выплат взимается отдельно по ставке 13 процентов, вне зависимости от общей суммы надбавок. С основного заработка — отдельно (по прогрессивной шкале), с надбавок — отдельно, по твердой ставке, 13 процентов.

— Мы рассматривали случаи, когда человек получал доходы в различных организациях за выполнение трудовых обязанностей. Ну, а если я не просто работаю в кооперативе, но и как член кооператива получаю причитающуюся мне долю дохода?

— Все доходы, которые выплачиваются члену кооператива, полностью приравниваются для целей налогообложения к зарплате рабочих и служащих. Налог должен удерживать бухгалтер кооператива, и вам не нужно заполнять декларацию.

— А если взять, например, мой дополнительный доход — от приусадебного или дачного участка. Выращенные на нем овощи, фрукты, цветы можно продать заготовителям потребкооперации, любой государственной или частной фирме или же реализовать на городском рынке.

— По действующему законодательству доходы, полученные с подсобного личного хозяйства, независимо от их размеров, не облагаются никаким налогом. Приусадебный участок или дача как раз и считаются личным подсобным хозяйством. То есть никакой декларации заполнять не нужно и налога платить не придется.

— Следующий пример. Я — работник государственного (кооперативного, частного) предприятия, получающий дополнительный доход от индивидуальной трудовой деятельности: шью, вяжу, занимаюсь репетиторством, частным извозом, веду платный кружок балльных танцев, ремонтирую телерадиоаппаратуру и так далее.

— Доходы от индивидуальной трудовой деятельности облагаются налогом отдельно от доходов, получаемых от выполнения трудовых обязанностей на предприятии. Здесь в обязательном порядке нужно заполнять налоговую декларацию.

— О налоговой декларации у нас разговор еще впереди. А как велик налог с «индивидуала»?

— Если у вас есть основное место работы, а индивидуальная трудовая деятельность — это побочное занятие, то налог в данном случае взимается налоговыми органами в следующих размерах (см. таблица 1).

По этой схеме взимается налог с доходов от индивидуальной трудовой деятельности, не превышающих 3000 рублей в год. По этой таблице можно подсчитывать налог лишь в том случае, если у вас есть основное место работы.

А теперь разберем случаи, если доход от индивидуальной трудовой деятельности превышает 3000 рублей в год. Налоги в этом случае взимаются в следующих размерах (см. таблица 2).

Те же ставки налога применяются в случае, если группа граждан ведет трудовое хозяйство, то есть несколько «индивидуальщиков» объединились для выполнения какого-то вида деятельности. Они тоже обязаны заполнять и подавать декларацию.

— Следующий пример: я по-прежнему рабочий или служащий, но еще и художник (композитор, поэт), получающий авторское вознаграждение от продажи своих произведений. Или же достаточно регулярно публикую статьи, очерки, заметки в периодической печати, за что получаю гонорары.

— Сюда же можно и нужно добавить авторов изобретений и открытий и создателей промышленных образцов, получающих вознаграждение по результатам своего труда. Такие вознаграждения, если они выплачиваются по установленным законодательством ставкам, облагаются налогом отдельно от основного заработка в следующих размерах (см. таблица 3).

Известно, что при выплате авторских вознаграждений из суммы гонорара сразу же удерживается подоходный налог. Если вы получаете литературный заработок в одном издательстве, или продаете свои картины одной и той же организации, или передаете для исполнения свои музыкальные произведения одному и тому же учреждению культуры, то вам не нужно в конце года заполнять и подавать налоговую декларацию. Бухгалтерия той организации, в которой вы получаете вознаграждение, сама начислит требуемые законом налоговые суммы. И переведет эти налоги в соответствующий бюджет.

Но если авторское вознаграждение в минувшем году получено в разных издательствах (редакциях, телестудиях и т. д.), подача налоговой декларации обязательна. Обязательна и подача декларации, если авторский гонорар прислан из-за рубежа, даже если у вас там был в течение года всего один заказчик.

То же самое, если вы получаете вознаграждение за сделанные изобретения, открытия, промышленные образцы. Если в течение года вы получали такие вознаграждения из одной организации, то заполнять налоговую декларацию вам не нужно. Если же источников получения такого рода дохода было два или несколько, заполнение и подача декларации обязательна.

— Следующая ситуация: я получаю доход от сдачи в наем квартиры, дачи, гаража. Или, скажем, киностудия арендовала у меня старинный автомобиль и платит немалые деньги. Наконец я получаю доход в виде процентов по вкладу в коммерческом банке.

— Это так называемые «прочие доходы», которые подлежат обязательному декларированию. Существует и специальная форма декларации для таких доходов. Налоги в данном случае уплачиваются в следующих размерах (см. таблица 4).

По таким же ставкам взимается налог с доходов, полученных советскими гражданами за границей или из-за границы, кроме сумм авторского вознаграждения или выплат, связанных с выполнением трудовых обязанностей (зарплаты).

Налог уплачивается в рублях или же, по желанию налогоплательщика, в иностранной валюте. Если уплата производится в рублях, то доход в валюте пересчитывается на рубли по официальному курсу Госбанка СССР, и от полученной суммы в рублях высчитывается налог.

На доходы, полученные из-за рубежа, заполняется отдельная налоговая декларация.

— И, наконец, представим, что я — иждивенец, или пенсионер, или студент, изредка подрабатывающий индивидуальной трудовой деятельностью, или заключаю договор подряда с какой-либо организацией либо устраиваюсь на несколько месяцев в какой-то кооператив.

— Если это индивидуальная трудовая деятельность, вы обязаны выполнить и подать налоговую декларацию. Это не значит, что вы будете платить налог — все зависит от суммы дохода. Если он меньше 1200 рублей в году и при этом занятия ИТД являются единственным видом работы, то такой доход освобождается от налогообложения. Но декларацию подать нужно.

Если вы заключаете договор подряда с какой-то организацией на срок менее двух месяцев, эта организация сама начислит вам необходимый налог. Но если договор подряда заключен на срок более двух месяцев, то независимо

Таблица 1

Размер месячного дохода	Сумма налога
от 5 до 15 руб.	1,5 % с суммы дохода
от 16 до 20 руб.	0 руб. 22 коп. + 5,5 % с суммы, превышающей 15 руб.
от 21 до 30 руб.	0 руб. 50 коп. + 6,0 % с суммы, превышающей 20 руб.
от 31 до 40 руб.	1 руб. 10 коп. + 7,0 % с суммы, превышающей 30 руб.
от 41 до 50 руб.	1 руб. 80 коп. + 8,0 % с суммы, превышающей 40 руб.
от 51 до 70 руб.	2 руб. 60 коп. + 10,0 % с суммы, превышающей 50 руб.
от 71 до 100 руб.	4 руб. 60 коп. + 12,0 % с суммы, превышающей 70 руб.
от 101 до 700 руб.	8 руб. 20 коп. + 13,0 % с суммы, превышающей 100 руб.

Таблица 2

Размер годового дохода	Сумма налога
от 3001 до 4000 руб.	332 руб. 40 коп. + 20,0 % с суммы, превышающей 3000 руб.
от 4001 до 5000 руб.	532 руб. 40 коп. + 30,0 % с суммы, превышающей 4000 руб.
от 5001 до 6000 руб.	832 руб. 40 коп. + 50,0 % с суммы, превышающей 5000 руб.
от 6001 руб. и выше	1332 руб. 40 коп. + 60,0 % с суммы, превышающей 6000 руб.

Таблица 3

Размер годового дохода	Сумма налога
до 180 руб.	1,5 % с суммы дохода
от 181 до 240 руб.	2 руб. 70 коп. + 5,5 % с суммы, превышающей 180 руб.
от 241 до 360 руб.	6 руб. 00 коп. + 6 % с суммы, превышающей 240 руб.
от 361 до 480 руб.	13 руб. 20 коп. + 7 % с суммы, превышающей 360 руб.
от 481 до 600 руб.	21 руб. 60 коп. + 8 % с суммы, превышающей 480 руб.
от 601 до 840 руб.	31 руб. 20 коп. + 10 % с суммы, превышающей 600 руб.
от 841 до 1200 руб.	55 руб. 20 коп. + 12 % с суммы, превышающей 840 руб.
от 1201 до 8400 руб.	98 руб. 40 коп. + 13 % с суммы, превышающей 1200 руб.
от 8401 до 10 800 руб.	1034 руб. 40 коп. + 15 % с суммы, превышающей 8400 руб.
от 10 801 до 13 200 руб.	1394 руб. 40 коп. + 20 % с суммы, превышающей 10 800 руб.
от 13 201 до 15 600 руб.	1874 руб. 40 коп. + 30 % с суммы, превышающей 13 200 руб.
от 15 601 до 18 000 руб.	2594 руб. 40 коп. + 40 % с суммы, превышающей 15 600 руб.
от 18 001 до 36 000 руб.	3554 руб. 40 коп. + 50 % с суммы, превышающей 18 000 руб.
от 36 001 руб. и выше	12 554 руб. 40 коп. + 60 % с суммы, превышающей 36 000 руб.

Таблица 4

Размер годового дохода	Сумма налога
до 300 руб.	налоги не взимаются
от 301 до 360 руб.	10 % с суммы, превышающей 300 руб.
от 361 до 480 руб.	6 руб. 00 коп. + 14 % с суммы, превышающей 360 руб.
от 481 до 600 руб.	22 руб. 80 коп. + 19 % с суммы, превышающей 480 руб.
от 601 до 840 руб.	45 руб. 60 коп. + 23,5 % с суммы, превышающей 600 руб.
от 841 до 1200 руб.	102 руб. 00 коп. + 29 % с суммы, превышающей 840 руб.
от 1201 до 1800 руб.	206 руб. 40 коп. + 33,5 % с суммы, превышающей 1200 руб.
от 1801 до 2400 руб.	407 руб. 40 коп. + 40 % с суммы, превышающей 1800 руб.
от 2401 до 3000 руб.	647 руб. 40 коп. + 46,5 % с суммы, превышающей 2400 руб.
от 3001 до 5000 руб.	926 руб. 40 коп. + 52,5 % с суммы, превышающей 3000 руб.
от 5001 руб. и выше	1976 руб. 40 коп. + 60 % с суммы, превышающей 5000 руб.

от того, что с этого заработка уже был удержан налог, вы обязаны по итогам года подать налоговую декларацию. Если же вы подрабатывали в кооперативе, у частника или еще у какого-то работодателя по трудовому договору, он обязан при расчете вычесть из вашего заработка сумму налога и перечислить её в госбюджет.

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А потому «заполним» одну из налоговых деклараций — тогда многое станет гораздо яснее. Для примера возьмем декларацию о доходах, полученных от занятия индивидуальной трудовой деятельностью.

Указываем личные данные, срок, за который получен данный доход, заполняем графы «вид занятий», «число дней работы в году» и «сумма доходов в рублях» (графа «а»), а также графу о выполнении договоров подряда продолжи-

тельностью свыше двух месяцев (графа «б»).

Что нужно учесть при заполнении графы «а»? Каждый гражданин, занимающийся индивидуальной трудовой деятельностью, должен в течение года вести журнал (тетрадь) учета своей работы и своих заработков. Если это, скажем, зубной врач — у него должен быть журнал приема пациентов, в котором указывается и полученный от каждого больного гонорар. Если это руководитель кружка или педагог-репетитор, следует вести учет посещений занятий и, естественно, получения платы за обучение. Если это изготовление каких-то товаров народного потребления, в журнале указывается, когда и сколько изготовлено изделий, когда, где и по какой цене реализовано.

Графу «б» заполнить нетрудно — в соответствии с имеющимися договорами подряда.

Далее нужно указывать помощников: членов семьи и посторонних лиц, с которыми заключались договоры об использовании их труда. Как видите, здесь у вас имеется выбор: членов семьи указывать в первой графе или во второй. Здесь будьте внимательны: если члены вашей семьи помогают вам в работе и получают свою долю дохода, с ними нужно заключать такие же договоры, как и с посторонними людьми, и заносить их следует не в графу помощников — членов семьи, а в следующую графу — к «другим гражданам».

— Видимо, таким образом можно исключить из налогообложения по 1200 рублей на каждого члена семьи, не имеющего другого дохода. Ведь доход не свыше 1200 рублей в год не облагается налогом?

— В декларации нужно указывать правду: если члены семьи действительно помогают в работе и получают свою долю доходов, тогда их нужно указывать. Важно иметь в виду, что если кто-то из ваших членов семьи заключил с вами трудовое соглашение, то его доходы подлежат обложению налогом отдельно, а заработок, получаемый от вас, уменьшает ваш облагаемый доход. Причем вы сами должны удерживать налог с заработка ваших членов семьи и вносить эти суммы в бюджет. Если заработок члена семьи не превышает 100 рублей в месяц и других доходов у него нет, налог не взимается. Если заработок больше, налог взимается по шкале для рабочих и служащих. Если для вашего помощника — члена семьи — это побочный заработок, то налог взимается по таблице 1.

Учтите: в этой же декларации имеется другая графа: наличие иждивенцев. Иждивенцем может считаться лишь человек, не имеющий никаких доходов. Студент, получающий стипендию, учащийся профтехучилища — уже не иждивенцы. Если члены вашей семьи помогают вам в работе и получают свою долю дохода, они тоже не иждивенцы.

Но если у вас имеются четыре иждивенца, налог на ваши доходы за 1990 год должен быть снижен на 30 процентов. С 1991 года такая же льгота по налогу будет предоставляться при наличии трех иждивенцев.

Следующая графа — кто из других граждан помогал вам в работе. На каждого такого помощника должны быть соответствующие документы — копия трудового соглашения, расписка в получении заработка. Причем, если этот помощник заработал больше необлагаемого минимума или же работал у вас по совместительству, вы обязаны при расчете удержать с него подоходный налог. Этот налог вы уплатите вместе со своим. Собственно говоря, мы уже говорили об этом, когда рассматривали случай с помощниками — членами семьи.

Графу «расходы» выполнить нетрудно — каждый вид расходов должен быть подтвержден документально. Сюда входят все материальные затраты:

- приобретение материалов и оборудования;
- если работы производятся в специальном помещении, то арендная плата за помещение, плата за электроэнергию, тепло, водопровод и канализацию;
- расходы по всем видам ремонта используемого оборудования, а также амортизационные отчисления на полное восстановление основных производственных фондов;

— платежи по обязательному страхованию имущества и отчисления на государственное социальное страхование;

— оплата труда помощников;

— уплата процентов за краткосрочные кредиты банка.

Сведения об основном месте работы нужны, чтобы правильно определить размеры налога. Если индивидуальная трудовая деятельность является вашим основным местом работы, ставки налога одни, если основная работа имеется в другом месте — ставки другие. Но при доходах свыше 3000 рублей в год это уже не имеет значения. При заполнении графы «наличие индивидентов» нужно учесть, что эти сведения должны быть подтверждены справкой из жека (домоуправления).

Кроме индивидентов, у вас могут быть и другие основания, дающие право на льготу по налогу. Основания эти следующие:

— из налогообложения полностью исключаются суммы, потраченные на благотворительность — переведенные — в благотворительные фонды: Советский детский фонд имени В. И. Ленина, Советский фонд мира, Советский фонд культуры, Советский фонд милосердия и здоровья, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, экологические фонды. Исключаются из налогообложения суммы, переведенные конкретным предприятиям, учреждениям и организациям культуры, народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, если эти предприятия частично, или полностью финансируются из бюджета;

— сумма налога снижается наполовину для инвалидов первой и второй групп (кроме инвалидов Великой Отечественной войны и приравненных к ним, полностью освобожденных от уплаты налога);

— сумма налога снижается наполовину для родителей и жен погибших военнослужащих;

— размер налога снижается на 30 процентов для одиноких матерей, имеющих двух и более детей в возрасте до 16 лет. Ту же льготу имеют вдовы и вдовцы, не получающие пенсию по случаю потери кормильца;

— если в семье имеется инвалид с детства, нуждающийся в постоянном уходе и присмотре, то для одного из родителей сумма налога на доходы от индивидуальной трудовой деятельности также снижается на 30 процентов.

— **Есть еще одна графа — «другие сведения», которые учитываются при рассмотрении вопроса о налогообложении.**

— Этот пункт внесен «на всякий случай». Например, здесь следует указать причину низких доходов, например болезнь плательщика. В этой же графе указывается причина задержки подачи декларации, если такая задержка была. В общем, практика покажет, зачем нужна такая графа. В настоящий момент сведения, занесенные в неё, помогут налоговому инспектору убедиться в том, что налогоплательщик честно и добросовестно указал все сведения о своем доходе и расходах.

Завершая заполнение декларации, следует указать, какие доходы вы рассчитываете получить в следующем году. Такие сведения нужны для определения размеров авансовых платежей, которые вносятся ежеквартально, к 15 марта, к 15 мая, к 15 августа и к 15 ноября равными долями.

— **Виктор Александрович, давайте теперь вкратце ознакомимся с остальными налоговыми декларациями. Они, правда, во многом схожи с той, которую мы уже рассмотрели, и все же...**

— Декларация о доходах, полученных гражданами от работы в составе трудового хозяйства, заполняется точно так же, как и предыдущая — «индивидуальная». Нужно лишь учесть, что распределение дохода между членами хозяйства не должно зависеть ни от времени работы каждого, ни от чего другого — только лишь от соглашения между работниками.

Но в случае, если будут вскрыты нарушения налогового законодательства, сокрытие доходов, штрафные санкции будут распределены пропорционально поделенному доходу.

Следующая декларация — о полученных суммах авторского гонорара. Она тоже заполняется весьма просто, но...

Отныне каждому, получающему авторские вознаграждения, придется вести тщательный учет получаемых гонораров. Причем требуется учитывать не получаемые на руки «чистые деньги», а начисляемые суммы и удержанные налоги.

Более того, те же сведения нужно знать и о вознаграждениях, получаемых из-за рубежа. Причем это в ваших интересах: если там, по месту выплаты, с вас уже удержали подоходный налог, это будет учтено при исчислении подоходного налога у нас в стране.

Пункт 3 этой декларации подразумевает, что крупные суммы автор получает в счет заключенных договоров. В зависимости от того, на какой срок был заключен договор (допустим, книга должна быть представлена в издательство через пять лет), сумма гонорара делится на эти пять лет. Если же договор не был заключен, но гонорар за какое-то произведение, изобретение или промышленный образец (работа над которым шла, естественно, не один год) превышает 8400 рублей (сумма годового вознаграждения, после которой налог взимается с более крутой «прогрессией»), то вознаграждение для целей взимания налога будет разделено на три года в равных долях.

Графы льгот по налогу и понесенных расходов точно такие же, как и в предыдущих декларациях.

Декларации на прочие доходы и на доходы, полученные за границей или из-за границы, тоже не содержат новых пунктов.

Наверное, читателям было бы легче понять все налоговые премудрости, если бы все эти разъяснения были снабжены примерами, на которых легче понять механизм налогообложения. Но таких примеров могут быть миллионы: сколько людей — столько и ситуаций. И каждая требует самого тщательного рассмотрения. Журнальная же площадь, естественно, ограничена. Поэтому рекомендуем в каждом конкретном случае советоваться со специалистами — юристами, налоговыми работниками. Надеемся, что на первых порах, пока в стране практически нет налоговых консультаций, вашим первым помощником станет сам налоговый инспектор.

Но пока, на первый случай — всего два совета.

Совет первый: цените любой документ, свидетельствующий о ваших доходах или расходах. Зарабатывая деньги, побеспокойтесь о том, чтобы получить все документы, подтверждающие ваши заработки. Расходуя деньги, храните счета и квитанции, подтверждающие ваши расходы. Все это вам не раз пригодится.

Совет второй, главный: нужно быть честным человеком.

Проверка правильности уплаты налогов будет выборочной. Но каждая выборочная проверка будет проводиться обстоятельно и серьезно, с использованием всей имеющейся у налоговой инспекции информации, любыми законными средствами. Замеченный в попытке обмана государства будет наказан очень сурово.

Будет изъят весь укрытый от налогообложения доход.

Будет наложен штраф в размере скрытой суммы дохода.

При повторном таком нарушении накладывается штраф в размере удвоенной суммы дохода, скрытого от налогообложения.

Кроме того, за несвоевременное предоставление деклараций о доходах, за искажение данных, за отсутствие учета доходов и расходов налогоплательщика будет накладываться штраф в размере от 50 до 100 рублей, а за те же действия, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания — тоже штраф, но в размере от 200 до 300 рублей.

К тому же налоговые инспектора будут, как правило, действовать «по отклонениям» — нечестные налогоплательщики будут проверяться особенно тщательно. Стоит ли рисковать?

О СОВМЕСТИТЕЛЬСТВЕ

Постановлением Совета Министров СССР от 17 сентября 1988 года рабочим и служащим созданы более благоприятные условия для работы по совместительству. Для совместительства не требуется согласия администрации и профсоюзного комитета по месту основной работы. Однако принятый 25 апреля 1990 года Закон СССР «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства» установил, что о всех суммах, выплачиваемых за работу по совместительству не по месту основной работы (службы, учебы) и удерживаемых с этих выплат суммах налога, предприятия, учреждения и организации, осуществляющие такие выплаты, обязаны не позднее следующего за выплатой месяца сообщить по месту основной работы (службы, учебы) получателя дохода. По получении такого сообщения бухгалтерия по месту основной работы (службы, учебы) обязана сделать перерасчет налога за соответствующий месяц с учетом общего совокупного заработка от основного места работы (службы, учебы) и от работы по совме-

стительству. В зависимости от результатов перерасчета с гражданина взыскивается сумма дополнительно исчисленного налога или возвращается излишне удержанная сумма.

В этой связи Совет Министров СССР 17 сентября 1990 года принял постановление № 939 «О порядке и условиях уведомления предприятий, учреждений и организаций, в которых граждане работают по совместительству, о месте основной работы этих граждан». Этим постановлением установлено, что при поступлении на работу по совместительству не по месту основной работы (службы, учебы) граждане обязаны представлять справку об основном месте работы (службы, учебы). Прием на работу по совместительству без справки с основного места работы запрещается.

В случае изменения основного места работы (службы, учебы) граждане обязаны в месячный срок представить администрации предприятия, учреждения, организации, в которых работают по совместительству, сведения об изменении основного места работы.

Ну а если гражданин

все же был принят на работу по совместительству без представления справки с основного места работы, а должностные лица и он сам не сообщили своевременно на основное место работы о его доходах, выплачиваемых за работу по совместительству и удержанных с этих выплат сумм налога, или гражданин своевременно не представил сведений об изменении основного места работы? Что тогда?

В этих случаях наступает ответственность, предусмотренная статьей 32 Закона СССР «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства».

Соккрытие (занижение) фактически полученных доходов от налогообложения влечет за собой полное изъятие сокрытого (заниженного) дохода и наложение штрафа в размере сокрытой (заниженной) суммы дохода, а при повторном нарушении — штраф взимается в удвоенном размере. Это для граждан.

Л. КАРАТЕЕВ,
заслуженный юрист
РСФСР

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГОВ

ЦИВИЛИЗОВАННО ЛИ НАШЕ ОБЩЕСТВО

В мире существуют разные критерии определения степени цивилизованности общества. Один из них — отношение общества к своим инвалидам. Мы достаточно долго клеймили капиталистические страны за их бездушное отношение к человеку. Но вот железный занавес упал, и мы увидели многое, что нас особенно поразило. В том числе увидели, насколько, оказывается, благожелательно и милосердно западное общество к тем своим согражданам, которые по каким-то причинам поражены физическим недугом. Мы увидели легкие, удобные инвалидные коляски, обладатели которых имеют возможность въехать на них в любой магазин, театр и даже в автобус. Мы увидели систему государственной и общественной помощи инвалидам. Увидели, наконец, что для гражданина проклинаемого нами буржуазного государства дело чести помочь инвалиду перейти улицу или оказать какую-нибудь другую услугу.

Мы же десятки лет только обсуждали основы построения самого справедливого общества на земле, вырабатывали нормы морали. Написали даже Кодекс строителя коммунизма. А общество получилось прагматичным, сухим, жестоким. И, если честно признаться, к такому состоянию мы пришли не только благодаря увлеченным классово-вой борьбой руководителям государства. Во многом каждый из нас виноват. Ведь молодой человек, который не уступает место в вагоне метро инвалиду, очередь, которая не желает пропустить к прилавку калеку — это мы. При всех скидках на издерганность хроническими дефицитами. Хотя, конечно, и руководство тоже постаралось. Ведя народ к

светлому будущему, на инвалидов обращать внимание ему, судя по всему, было недосуг. И за последние десятки лет вопросы о положении инвалидов в СССР ни разу не ставились серьезно ни на государственном, ни на политическом уровне.

А в последнее время ситуация еще более обострилась. Процесс перехода к рынку сам по себе — достаточно простой и болезненный. Это хорошо видно на примере соседних государств. Но у нас он в значительной мере осложнен нерешительностью, половинчатостью мер, разладом управленческих структур. И основная тяжесть удара от всех этих наших неурядиц падает в первую очередь на самых незащищенных членов нашего общества. В том числе и на инвалидов.

На четвертой сессии Верховного Совета СССР во время обсуждения законопроекта о социальной защищенности инвалидов в СССР приводились вопиющие примеры без преувеличения катастрофического положения, в котором оказываются наши инвалиды. Положение с продовольствием, везде достаточно сложное, особенно стало тяжким в домах престарелых и в домах инвалидов. Поставщики продовольствия грубо нарушают все обязательства и договоры при молчаливом попустительстве как в центре, так и на местах. Сегодня в домах престарелых и инвалидов не хватает не только мяса, яиц, молока. Там не хватает элементарной картошки и крупы. Поставщики продовольствия, говорилось на сессии, предлагают домам престарелых обменивать продовольствие на экскаваторы, тракторы. Серпуховской завод мотоколясок — единственное предприятие такого рода в стране — предлагает поставлять их органам соцобеспечения только за валюту.

Да, в одночасье, директивой в сознание миллионов измученных и издерганных наших сограждан понятие «милосердие», естественно, не внедрить. Очевидно, нужны многие годы нормального развития для того, чтобы общество наше получило право называться по-настоящему цивилизованным и гуманным. Но очевидно и другое — сегодня, когда реалиями нашей жизни стали отсутствие продовольствия, отсутствие работы, рост цен, самая слабая часть нашего общества нуждается в крепкой правовой защите. Ведь, скажем, не секрет, что на большинстве предприятий при сокращении персонала старались в первую очередь избавиться именно от инвалидов...

И вот — на четвертой сессии Верховного Совета СССР, наконец, был принят и с 1 января 1991 года начал действовать Закон СССР «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР». В чем суть его, и насколько благодаря ему изменится жизнь миллионов инвалидов в нашей стране?

НОВЫЙ СТАТУС ИНВАЛИДА

Главное, пожалуй, чем отличается новый Закон от действовавших ранее инструкций и других нормативных актов, направленных на социальное обеспечение инвалидов, — это его принципиально новый подход к проблеме социальной защиты инвалида в целом. И, с этой точки зрения, надо отметить, его достаточно высоко оценили зарубежные эксперты, привлекавшиеся к подготовке законопроекта. Иными словами — Закон об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР вполне отвечает критериям, принятым в отношении подобных законодательных актов во всем мире. Что же в нем нового?

Прежде всего Закон радикально изменяет само понятие «инвалид». До недавнего времени инвалидность у нас в основном значила потерю способности к труду. И смысл государственной политики в отношении инвалидов сводился к тому, что устанавливался размер пенсий и пособий пропорционально потере трудоспособности. По новому Закону инвалидом считается лицо, ко-

торое в связи с ограничением жизнедеятельности, связанным с физическими или умственными недостатками, нуждается в специальной социальной помощи и защите. Под «ограничением жизнедеятельности» подразумевается полное или частичное отсутствие у человека способности или возможности осуществлять самообслуживание, передвижение, ориентацию, общение, контроль за своим поведением и только в последнюю очередь — ограничение способности заниматься трудовой деятельностью.

Эти критерии, разумеется, далеко не бесспорны. Очевидно в дальнейшем придется их уточнять. Ведь они носят не только гуманитарный, но и экономический характер. Достаточно сказать, что у нас в стране сейчас более 11 миллионов инвалидов. Из них 7,5 миллиона стоит на учете в органах социального обеспечения — получают специальную поддержку в виде пенсий, пособий и т. п. Но при этом у нас еще и 77 миллионов хронически больных людей. В том числе 20 миллионов из них имеют выраженные функциональные нарушения. При такой ситуации особенно понятно, насколько точными и выверенными должны быть критерии определения инвалидности.

Значительно изменена в Законе и правовая основа социальной защищенности инвалидов. Если раньше государство устанавливало им помощь по принципу — возместить ту часть (ее определяли ВТЭКи) заработка, которую инвалид теряет вследствие своего недуга, то теперь государство должно не просто откупаться от инвалидов деньгами. Закон обязывает государство гарантировать этим людям создание условий для обеспечения полноценной жизнедеятельности, для индивидуального развития, полного раскрытия творческих, производственных возможностей.

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ПОЛНОЦЕННЫЕ И ПОЛНОПРАВНЫЕ

В прошлом году, когда шла работа над подготовкой Закона, были проведены исследования того, в какой мере инвалиды имеют возможность доступа

к имеющимся в нашем обществе, пусть и немногим, социальным благам. Картина вырисовывалась удручающая. Оказалось, что инвалиды практически не пользуются домами отдыха, туристическими базами, санаториями. Право-то пользоваться они имеют. А вот средств для реализации этого права у них нет. Ни один санаторий у нас не оборудован самыми простейшими приспособлениями для того, чтобы инвалид мог в нем жить.

Каким образом инвалид мог получить квартиру, место в детском саду для ребенка, когда все эти и многие другие блага распределяются в основном на производстве?

Поразительно, но факт. В нашей трехсотмиллионной стране нет, оказывается, ни одного жилого дома, приспособленного для инвалидов. Нет ни одного автобуса, троллейбуса, железнодорожного вагона, в который инвалид мог бы подняться без посторонней помощи. Еще один мрачный парадокс: приемные ведомств, призванных защищать инвалидов и помогать им, Минсобеса РСФСР, к примеру, Верховного Совета СССР, Верховного Суда страны, не оборудованы даже элементарными пандусами. Так что инвалиду и пожаловаться-то крайне затруднительно.

В новом Законе предусмотрено, что через год, с 1 января 1992 года ни один строительный или машиностроительный проект, ни один автобус, трамвай, троллейбус, вагон не могут быть приняты к производству, если они не приспособлены для инвалидов. Ни одно общественное здание не может быть принято в эксплуатацию, если оно не приспособлено для посещения инвалидами. К 1 января 1995 года предполагается переоборудовать для доступа инвалидов все железнодорожные, авиационные, морские вокзалы, речные порты и междугородные автобусные станции. Переоборудование всех остальных объектов социальной инфраструктуры планируется закончить за десять лет, то есть к 1 января 2000 года. С этого срока эксплуатация всех неприспособленных объектов будет запрещена.

Надежду на то, что эти положения Закона могут быть выполнены, вселяет тот факт, что в нем, наряду с санкциями,

предусмотрены и экономические стимулы — льготы тем предприятиям, которые выполняют требования Закона.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Во многих случаях инвалидность не является постоянным состоянием человека. Медицина, условия жизни, наконец воля самого человека нередко способны восстановить утраченные способности, если и не полностью, то хотя бы частично. Но и здесь мы не преуспели. В мире к труду возвращается примерно 50 процентов инвалидов. У нас — в десять раз меньше. До сих пор в нашей стране нет удовлетворительной системы медико-социальной реабилитации, нет и реабилитационной индустрии. Потребность инвалидов в медицинской реабилитации едва удовлетворяется на 10 процентов. В стране сегодня существует 40 процентов медицинской реабилитации на 7 тысяч коек. Минимальная же потребность — 600 тысяч коек. Потребность в специальных условиях труда для инвалидов удовлетворяется примерно на 5 процентов. Во всем мире постоянно растет процент инвалидов, занятых трудом. У нас же он за последние 20 лет уменьшился в два раза и составляет всего 26 процентов. Неудивительно — мы выпускаем 20 видов приспособлений для инвалидов, а те же США — три тысячи.

Закон предусматривает коренное изменение такого положения. В данном случае цель — сформировать цивилизованный, научный подход к реабилитации инвалидов. Программы реабилитации должны быть индивидуальными, нужны условия для их реализации. Основой для реабилитационной программы, предполагается, будет служить круг личных потребностей инвалида. Прежде всего его желание — чего он хочет.

Совершенно иначе говорится в Законе и об условиях для образования инвалидов. Если раньше общество прятало своих калек по специальным «тайникам» — специальным детским яслям, специальным школам, специальным производствам, училищам, то теперь, наоборот, все учебные заведения, в том числе и дошкольные, должны быть при-

способлены для того, чтобы инвалиды могли их посещать. Таково требование Закона. И все мы, очевидно, должны будем подумать, как нам приспособить свою жизнедеятельность к тому, чтобы рядом с нами, на равных, могли также жить люди с физическими недостатками.

И ПРАВО НА ТРУД...

Уже говорилось, что одним из явлений отношений в экономике, стало, увы, жесткое и, порой, просто немилосердное отношение к тем инвалидам, которые могут и хотят трудиться. Они оказались в числе первых, кого увольняют, и в числе последних, кого принимают на работу. Что, кстати сказать, не раз давало поводы для политических спекуляций противникам рынка. И вполне естественно, что в новом Законе большое внимание уделено вопросам защиты прав инвалидов на труд. Надо отметить, что создатели Закона избрали на сегодняшний день, пожалуй, наиболее эффективную форму гарантии этого права.

Разумеется, можно было бы декларировать самые страшные кары за неприем инвалида на работу. Но, вот, испугается ли сегодня этих кар кто-нибудь? Разбушевавшаяся к концу прошлого года «война законов» давала повод к сомнению. Поэтому вполне разумно в новом Законе сочетаются меры административные и экономические.

Главная задача этого раздела Закона — запретить дискриминацию инвалидов и ввести в действие реальный механизм, обеспечивающий их занятость. Предусмотрено, что в этих целях государственные органы с участием общественных организаций инвалидов устанавливают нормативы по бронированию на предприятиях, в учреждениях и организациях рабочих мест для инвалидов, не менее 5 процентов от численности работающих (не менее 20 человек). Предприятия, учреждения и организации, не обеспечившие бронирования рабочих мест для инвалидов или уклоняющиеся от их трудоустройства, возмещают местным органам государственной власти расходы, связанные с трудоустройством инвалидов и

оказанием им материальной помощи.

Таков «кнут». Но есть и «пряник». Он вполне в духе цивилизованных рыночных отношений. В Законе четко сказано, что предприятия, учреждения и организации, в которых занято не менее 30 процентов инвалидов от общей численности работающих, пользуются правом на льготное налогообложение, финансирование и материально-техническое обеспечение. Если же численность работающих инвалидов составляет более половины работающих на предприятии, предприятия, учреждения и организаций вообще освобождаются от уплаты налогов и платежей. Учитывая суровую налоговую систему, начавшую действовать в этом году, согласимся, что «пряник» весьма заманчивой. И есть все основания надеяться, что эта часть Закона будет обеспечивать защиту интересов инвалидов гораздо эффективней, чем часть наказующая.

Кроме того Закон гласит, что ни один вопрос, затрагивающий интересы инвалидов, не может решаться государственными органами келейно. Приглашение представителей общественных организаций инвалидов обязательно.

Такова, если коротко, суть нового Закона. Разумеется, процесс его введения в действие непросто и нескоро. Многие здесь зависят от союзных республик, которым предстоит принять республиканские законы о социальной защищенности инвалидов. Предстоит привести в соответствие с новым Законом и многие действовавшие до его принятия нормативные акты. Но важность, острейшая актуальность вопроса позволяют надеяться, что произойдет все это в достаточно сжатые сроки. Чувство милосердия все же не до конца утрачено в нашем обществе.

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Наряду с участием в разработке Закона о защите инвалидов, специалисты Совета Министров СССР разработали и концепцию основных направлений государственной политики по проблемам инвалидности в СССР. В этой, рассчитанной на много лет программе действий государственных органов в отношении инвалидов по сути излагается

политика правительства в этой сфере. Она направлена в первую очередь на профилактику инвалидности, формирование здорового образа жизни, укрепление семьи, медико-генетическое обеспечение воспроизводства здорового поколения. Большое внимание уделено развитию системы медицинской и социально-психологической реабилитации, созданию инвалидам равных возможностей в получении образования, работы, участия в жизни общества. Концепция, как считают ее авторы, может служить основой для разработки республиканских и региональных программ по проблемам инвалидов, на базе которых могут быть составлены конкретные мероприятия.

Стоит, наверное, подробнее рассказать о том, как правительство намерено решать наиболее волнующие инвалидов проблемы.

Среди них, без сомнения, одно из главных мест занимает проблема реабилитации. Признается необходимым разработать и внедрить единую систему реабилитации, которая должна носить многопрофильный и многоэтапный характер. Участвовать в ней должны не только медицинские учреждения, органы социального обеспечения, но и предприятия, сами инвалиды, их семьи. Это предполагает как использование для реабилитации возможностей общей системы здравоохранения, образования и труда, так и создание сети специализированных центров медицинской, социальной и профессиональной реабилитации для инвалидов с тяжелыми последствиями травм и заболеваний.

В медицинской реабилитации, цель которой — восстановление функций организма, следует в полном объеме обеспечить инвалидов всеми видами медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях, на дому, в стационарах, в специализированных центрах. Предстоит охватить диспансерным наблюдением всех инвалидов, разработать такую систему диспансеризации в первые годы пребывания на инвалидности, чтобы максимально использовать лечение для восстановления трудоспособности.

Что же касается реабилитации социальной, то в числе обеспечивающих

ее мер предлагается создать сеть региональных центров медицинской, социальной и профессиональной реабилитации. Реабилитационное направление должно стать определяющим и в санаторно-курортном лечении. Прежде всего необходимо расширить сеть детских санаториев с целью реабилитации и оздоровления детей-инвалидов. При этом должна быть предусмотрена возможность пребывания там детей с родителями.

Одним из важнейших условий для создания инвалидам равных с остальными членами общества возможностей — собственно, это и есть главный смысл Закона — является обеспеченность современными, удобными средствами передвижения, приспособлениями. В концепции правительства говорится о том, что в ближайшие годы следует радикально изменить всю систему оказания протезно-ортопедической помощи. Потребуется создать современную отрасль по разработке и производству протезно-ортопедических изделий, обеспечить ее высококачественным сырьем и прогрессивными конструктивными материалами, создать сеть предприятий протезирования.

Необходимо также создать и систему выявления и учета лиц, нуждающихся в протезировании, разработать новые методики медицинской подготовки и хирургической коррекции, внедрить высокоэффективные методы послеоперационного восстановительного лечения, организовать обучение инвалидов пользованию протезно-ортопедическими изделиями, в том числе новыми, более совершенными по конструкции.

Нам предстоит создать и совершенно новую отрасль производства. По изготовлению специальных технических средств, облегчающих быт и труд инвалидов. Причем разработку и выпуск ориентировать на индивидуального потребителя. Первый этап — полторы-две тысячи наименований таких изделий, которые выпускаются в развитых странах.

Серьезные перемены предусматривает правительственная концепция и в сфере социально-бытового обслуживания инвалидов. Приоритетное направление здесь должно быть отдано надомным видам помощи. Дома-интернаты

должны быть ориентированы на предоставление помощи тем, кто утратил функции самообслуживания. Цель — создание условий для временного пребывания инвалидов и престарелых граждан в таких учреждениях, с тем чтобы восстановив способность к самообслуживанию, большинство из них могло вернуться к семье. При этом государство берет на себя ответственность за создание инвалиду таких условий проживания в доме-интернате, которые были бы не ниже общественно необходимого уровня жизни, обеспечение достаточного уровня медицинского обслуживания.

Мы долгое время считали, да и сейчас считаем, что одиночество и инвалидность — синонимы бедности. А это не всегда так. И, думается, совершенно справедливо в концепции предусматривается создание сети пансионатов, в которых инвалиды могли бы проживать за плату (разумно умеренную, разумеется) временно или постоянно. С соответствующим уровнем обслуживания.

Достаточно подробно сказано в концепции и о материальном обеспечении инвалидов и членов их семей. Признано, что оно должно осуществляться в виде денежных выплат, натуральных услуг и льгот. При этом денежные выплаты инвалидам должны быть не ниже уровня прожиточного минимума и гарантироваться государством. Следует решить вопрос о предоставлении равных прав работающим инвалидам в обеспечении пособиями по государственному социальному страхованию в связи с временной нетрудоспособностью. И в Законе, и в концепции немало сказано о важности для инвалидов сохранения привычной семейной и бытовой обстановки. Поэтому, считают авторы концепции, необходимо предусматривать материальные и другие льготы семьям инвалидов, родителям или лицам, их заменяющим, направленным на организацию ухода и реабилитацию инвалидов, особенно детей.

Предполагается также расширить и упорядочить систему социальных льгот, направленных на удовлетворение потребности инвалидов в сфере налогообложения, транспортных услуг, предоставления жилья, коммунально-быто-

вых услуг, лекарственного обеспечения, выделения транспортных средств, обеспечивающих их передвижение, торговли и прочего. То, что не предоставлено, должно быть компенсировано деньгами.

* * *

Нет, наверное, необходимости долго распространяться по поводу своевременности, гуманности, необходимости мер и шагов, предусмотренных новым Законом и правительственной концепцией. Все это — очевидно. Вопрос в другом — насколько в наших условиях могут быть реализованы все эти предложения? И не останутся ли они, как уже нередко бывало, в разряде благих пожеланий?

В этой связи вспоминается беседа, состоявшаяся у меня прошлым летом с руководителем одного кооператива, выпускавшего ножные протезы. Очередь на протезирование у него была на год вперед. А он не только не мог расширить свое производство, но и подумывал о закрытии. Причина — высокие налоги. И это при страшном дефиците на протезы, который существует в стране!

На мой взгляд, самым действенным разделом Закона имеет шансы стать тот, где говорится о праве инвалидов на труд. Потому что там четко оговорены налоговые льготы. И, думаю, успех кампании по восстановлению справедливости в нашем обществе по отношению к инвалидам заложен в том, насколько местные Советы, руководство союзных республик сумеют грамотно распорядиться имеющимися экономическими рычагами влияния. Как бы ни скуден был городской бюджет, не стоит пополнять его за счет тех, кто поприщем своим избрал благородное дело помощи инвалидам. Можно найти, при желании, и другие источники. Но, главное, если мы действительно хотим отдать долг милосердия тем, кто слабее и беззащитнее нас, не сидеть, не ждать, что по директиве правительства в один прекрасный день с неба упадут новые протезы, коляски, медицинские центры и прочее. Многого можно сделать уже сейчас. И это надо делать. Благо — есть поддержка Закона.

Сергей ЮРЬЕВ

Семнадцать с половиной лет проработал начальником следственного изолятора Комитета государственной безопасности СССР в Лефортово Александр Митрофанович ПЕТРЕНКО. Он содержал под стражей немало известных и «скандальных» личностей, о которых широко писали в газетах. Среди них были и безвинный Солженицын, и коррумпированный Чурбанов, и легкомысленный Руст. Однако до выхода на пенсию Александра Митрофановича в нашей стране знали только те, кто непосредственно общался с ним в следственном изоляторе КГБ СССР.

Я догадывался: абсолютно все, что расскажет этот человек, будет интересно. Причем не только мне. Поэтому, собираясь на встречу с ним, хотел передать в своей беседе не только информацию, но и интонацию. Но воспользоваться диктофоном и даже авторучкой во время знакомства не пришлось. Седой человек с офицерской выправкой и добродушными мягкими чертами лица сразу же предупредил:

— Пока ничего не надо записывать. Давайте просто поговорим.

— Но как же я буду делать с вами беседу без записи?

— Извините, давать интервью корреспондентам никогда не приходилось. В принципе, я даже сейчас не уверен: нужно ли нам вести разговор. Да и о чем, собственно, говорить?

Об Александре Митрофановиче я узнал, можно сказать, совершенно случайно. Брал интервью у предыдущего директора стадиона «Динамо» Дмитрия Каменева. Разговорились. Дмитрий Александрович оказался на редкость человеком интересным и коммуникабельным. Стал вспоминать о своих личных встречах с Брежневым и Тяжельниковым, другими сильными мира сего, которые в свое время покровительствовали спорту. Говорю: по вашим рассказам можно книгу написать. Каменев улыбнулся, мол, что бы вы сказали, если бы послушали моего зама.

Так я услышал о бывшем начальнике следственного изолятора КГБ СССР, который несмотря на свой возраст продолжает добросовестно трудиться на стадионе «Динамо». Давая телефон своего зама, директор стадиона пре-

дупредил, что, хотя Александр Митрофанович и согласился предварительно на встречу с журналистом, однако разговорить его вряд ли удастся. Петренко не любит делиться воспоминаниями с незнакомыми людьми. Забегая вперед скажу, что эта беседа — результат многих встреч и телефонных разговоров.

— Вы чего-то боитесь, когда отказываетесь поделиться своими воспоминаниями?

— Нет, конечно. Совесть моя чиста. Я всегда честно и добросовестно исполнял свой долг. Исповедоваться не умею. Критиковать, как это нынче модно, не хочу. А раскрывать секреты не могу.

— Может, тогда просто вспомните то, что вспоминается. Какие-нибудь необычные случаи, истории, встречи. Ведь вам же часто приходилось встречаться с известными людьми, мягко говоря, при необычных обстоятельствах, — я соглашался на любой вариант беседы. — Ну хотите, мы не будем называть вашу фамилию? Либо изменим ее до неузнаваемости?

Он угадал мои волнения и неожиданно пришел на помощь:

— Однажды я уже прибегал к такой хитрости. Когда знакомился с Солженицыным, представился ему под другой фамилией. Не хотелось, чтобы он трепал ее потом в своих сочинениях. После, конечно, он узнал мою настоящую фамилию, но представил меня в книге так, как я назвался — Королевым. Не скажу, что он отозвался обо мне лестно и читать его воспоминания о нашей встрече мне не приятно. Но начальник следственного изолятора в его книге «Бодался теленок с дубом» далеко не самая отталкивающая фигура.

— А что вы помните об этой встрече? Насколько известно из воспоминаний Александра Исаевича, именно во вверенном вам следственном изоляторе ему был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства. И прямо из камеры лэфортовского изолятора он был доставлен к трапу самолета в международный аэропорт и выдворен из Советского Союза.

— Да, было такое. Из Прокуратуры СССР мне позвонили и сказали, что привезут Солженицына. Готовь, мол,

место. Камеры в изоляторе все одинаковые. На троих. И режим тоже. Никаких поблажек и послаблений лично я никому не делал.

Солженицын прошел все круги сталинских лагерей, так что новый арест, как мне показалось, его никоим образом не испугал. Озлобил только. Узнав, что я начальник изолятора, он тут же потребовал карандаш и бумагу. «Александр Исаевич, — спокойно объяснил я, — вам дадут все, что положено законом. Но не более». — «Знаю я ваш закон», — возмутился Солженицын. И почему-то заговорил со мной оскорбительно грубым тоном...

Через несколько дней в моем присутствии ему зачитали Указ о лишении гражданства и увезли из изолятора. Правда, был еще один момент моего участия в судьбе Солженицына, о чем он даже не догадывается. Солженицын был уверен, что после ареста будет следствие, суд, а потом лагеря. И он соответственно экипировался. Взял даже так называемые очки — «восьмерки». Когда же встал вопрос о его выдворении, никто не придавал значения внешнему виду. И могло так случиться, что Солженицын оказался бы на Западе в неприглядной форме, которая не только унижала его достоинство как человека, но и подрывала бы престиж нашей страны. Пришлось обратиться к руководству с предложением подумать о внешнем виде человека, которого высылали из страны. Ему выдали новый костюм, пальто, обувь, ондатровую шапку.

— А как вы сами относились к Солженицыну? И не было ли потом угрызений совести, что принимали участие в постыдном для цивилизованного общества спектакле лишения гражданства за убеждения?

— Модно сейчас стало говорить о совести и покаянии. К сожалению, эти понятия нередко противопоставляются другой важнейшей нравственной категории — долгу. Но совесть без долга похожа на абстрактную доброту. Сама по себе она далека от реальной жизни и реальной нравственности. Так же, как и долг без совести. Люди, говорящие только о совести, легко впадают в отвлеченную мечтательность, а служаки, ра-

тующие только за долг,— в конкретную жестокость. И те и другие крайности считаю для себя неприемлемыми.

В разговоре с подследственными я всегда обращал их внимание на то, что ко мне не следует обращаться по существу выдвигаемого обвинения. Для этого есть следствие, прокуратура, суд. Я же как начальник следственного изолятора отвечаю лишь за режим содержания. Постельные принадлежности, пища и прочее.

Чувствуете разницу? Вот если бы подследственные жаловались на недоброкачественную пищу, тогда бы я действительно имел повод для угрызений совести. Однако таких жалоб не было.

Если же мы будем и дальше противопоставлять долг совести, то, честно говоря, дойдем до абсурда — паралича исполнительной власти. Мало ли кто мне может нравиться как человек. Но я не имею права его освободить, не имею права облегчить режим. Это будет незаконно.

Что же касается Солженицына, то он мне никогда не нравился как писатель. Лишение же его гражданства считал и считаю актом противоправным. (Александр Митрофанович говорил об этом мне еще до возвращения Солженицыну советского гражданства.— Ю. Б.).

— Хотелось бы узнать, как вы стали начальником следственного изолятора?

— Вы хотите спросить, за какие заслуги? Честно говоря, не знаю. До этого работал следователем КГБ. Могу только догадываться, почему эту ответственную должность доверили мне. Может это и прозвучит нескромно, но я был на хорошем счету у начальства. Не было ни одного порученного дела, с которым я бы не справился. Вероятно, поэтому и доверили. Я солдат партии и решений ее не привык обсуждать.

— Какими делами вам приходилось заниматься, будучи следователем КГБ?

— В основном экономическими преступлениями против нашей страны. Было начало шестидесятых годов. Пик так называемой оттепели. Воспользовавшись политическими послаблениями, дали о себе знать «теневики», спекулянты и валютчики разных мастей. Доходы их измерялись семизначными цифрами. В ходе следствия мы возвращали

государству миллионы рублей, золото, драгоценные камни, иконы и многое другое.

Лично мне самому не раз приходилось лопатой выкапывать из земли фантастические клады, собранные преступным способом. Полистайте подшивки газет тридцатилетней давности. Об экономических преступлениях тогда широко писалось в прессе. Я имел отношение ко многим шумным делам того времени. Многие мог бы рассказать о процессе Рокотова, Ройфмана. К сожалению, многих моих подследственных по экономическим делам суд тогда приговорил к исключительной мере наказания — расстрелу.

— Вы говорите о приговоре суда с сожалением, хотя он оперировал фактами, добытыми вашим следствием. Чувствуете за собой какую-то вину?

— Опять вы пытаетесь призвать меня к покаянию. Но и в этом случае совесть моя чиста. Недавно на западе появилась книга об экономических процессах шестидесятых годов. Ее автор, эмигрировавший московский адвокат, напрямую обвиняет меня в смерти Бориса Ройфмана. Дескать, я пообещал ему жизнь за чистосердечные признания. Он поверил, признался, и тем не менее его расстреляли.

Автор этой книги, юрист по образованию, не корректен в своем обвинении. Следователь не может гарантировать своему подследственному меру наказания. Это исключительно прерогатива суда, который также учитывает и чистосердечные признания. И любой более-менее образованный подследственный, а Ройфман был именно таким, прекрасно знает свои права и возможности следователя. И потому никогда не попадет на такой туфте. Во время следствий по экономическим делам мне приходилось иметь дело, в основном, с юридически грамотными преступниками. В ходе дознания я не мог обещать им то, что не мог. Это была бы непростительная следственная ошибка. Кроме того, прибегать к таким сомнительным методам мне совесть не позволяла.

Да и сам я был уверен, что дело Бориса Ройфмана не попадает под расстрельную статью.

— Откуда же у вас была такая уве-

ренность?

— А откуда следователь уверен, что к самогонщику не применима статья об изнасиловании? Здравая логика вместе с историей юриспруденции подсказывают. Дело в том, что мои подследственные совершили свои преступления до печально известных указов 1961 года, которые допускали смертную казнь за экономические преступления с ущербом в особо крупных размерах. А закон, как известно, обратной силы не имеет. И я был абсолютно уверен, что моих подследственных тоже будут судить по законам, при которых они совершали преступления.

Но, когда следственная работа была закончена и началось судебное разбирательство, последовало грубое вмешательство сверху, за подобными делами следил сам Хрущев, и суд вынужден был применить к ним расстрельную статью по новому указу. Смерть людей — на совести Хрущева. Именно он выкручивал руки нашей юриспруденции, дабы придать закону обратную силу.

— Но по современным понятиям этих людей можно вообще считать невиновными. Ибо они занимались естественным для свободного человека делом — свободным предпринимательством, к которому мы сейчас призываем своих сограждан. Но бизнесменов у нас крайне мало. Не потому ли, что в шестидесятых годах лучшие из них были расстреляны?

— Я до сих пор не сомневаюсь в виновности моих подследственных. Сожалею лишь о неправовой мере наказания. И прошу в данном случае не путать вину с наказанием. Я тоже за честное предпринимательство. Но заниматься бизнесом можно только исключительно в рамках закона. Все то, что противоречит имеющимся законам, является преступлением. Это аксиома юриспруденции. И аксиома правопорядка в обществе. Говоря о прошлом, можно подвергать сомнению несовершенство законов, но нельзя осуждать при этом исполнительную власть, действующую на основании этих законов. Иначе правовой нигилизм приведет нас к анархии в общественном умонастроении. Что очень опасно. Повторяю, экономические

преступления являлись таковыми. Они позволяли отдельным группам людей получать сверхприбыли. И с нынешним свободным предпринимательством они соотносятся примерно так же, как переход улицы на красный и зеленый цвет.

— А приходилось ли вам в ту пору вести следствие по делам, связанным с политическими преступлениями против нашей страны?

— К сожалению, о Комитете государственной безопасности в нашем обществе сложились во многом искаженные представления. Дескать, комитет только тем и занят, что кого-то и за что-то преследует. Это не соответствует истине. Когда заходит разговор о необходимости такой организации, как КГБ, я всегда спрашиваю у тех, кто его заводит: беспокоится ли он о безопасности своей квартиры? Закрывает ли он ее на замок, или двери у него всегда открыты настежь? В мире нет цивилизованного государства, где бы не было службы безопасности. В странах Восточной Европы, например, распускаются старые службы и создаются новые. Но никто без них не обходится. Так зачем же у нас некоторые деятели, стремящиеся к популярности, делают свою карьеру на огульной критике органов? КГБ — исполнительный орган. И если будут изменены в нашем государстве законы, то и деятельность нашей организации соответственно изменится.

Да, за время существования КГБ у чекистов были и ошибки, и просчеты. Завеса секретности, которая всегда окутывала деятельность органов безопасности, породила дополнительные слухи и вымыслы. Поэтому я поддерживаю позицию нынешнего руководства комитета, взявшего курс на максимальную гласность в ликвидации «белых пятен» в истории нашей организации. И по мере сил и возможностей тоже буду содействовать этому процессу. В этой связи рассматриваю и нашу с вами беседу.

Я пришел в комитет, когда там избавлялись от страшного и преступного бериевского наследия. Председателем тогда был Серов, руководитель сталинской школы, применявший бериевские методы. С моей точки зрения, которую я не изменил до сих пор, таких людей

надо отдавать под суд. Его сменил Шелепин. Несмотря на сильное противодействие, ему многое удалось сделать. Из комитета изгонялись «липачи», то есть следователи, которые лепили «липу». Комитет активно включился в процесс реабилитации незаконно пострадавших от сталинских репрессий. Вы спрашиваете, приходилось ли мне заниматься политическими делами? Приходилось. Но только не для того, чтобы осудить человека, а чтобы его освободить. По одному из таких дел допрашивал даже самого Ивана Дмитриевича Папанина.

— О методах дознания следователями КГБ — НКВД со времен Ежова и Берии в народе ходят самые невероятные и страшные слухи. Приходилось ли вам сталкиваться в своей работе с применением физических пыток к подсудимым?

— Мало кто знает, что после смерти Сталина весной 1953 года Берия издал один из первых секретных приказов об уничтожении всех предметов и помещений, предназначенных для физических пыток. Когда я, будучи следователем, впервые переступил порог следственного изолятора в Лефортово, там уже ничего не напоминало о прежних физических истязаниях. Желаящих вспомнить об этом тоже не было. Так что я знаю об этом больше других. Но могу авторитетно заявить, что потом в нашем изоляторе ничего подобного не было.

— А что представлял собой следственный изолятор, когда вы были назначены его начальником?

— Атмосфера лефортовского изолятора мне не очень понравилась. Затхлый воздух, грязные стены, отвратительный пищеблок. Это учреждение было построено еще при Екатерине Второй. И вплоть до революции в нем содержались в одиночках военные преступники. Так что сами понимаете, какое наследие мы получили. Важно было изменить отношение к тем, кто у нас содержится под стражей.

Руководство КГБ, в частности, Юрий Владимирович Андропов, поддержало и одобрило многие наши начинания по гуманизации содержания подсудимых. Тот, кого приводило туда несчастье, подтвердит, что по сравнению

с другими изоляторами у нас имеется даже определенный комфорт, если можно так сказать.

Хочу обратить особое внимание на то, что у многих людей сложились искаженные представления о следственных изоляторах. Их путают то с тюрьмой, то с местом, где ведется следствие. Ничего общего ни с тем, ни с другим изоляторы не имеют. Это прежде всего место предварительного заключения. Пользуясь поддержкой руководства КГБ, мы добились, чтобы наш изолятор был независим от следствия. Следователи в нем не бывают и допросов там не ведут. Наша задача лишь содержать под стражей подсудимых. Людей, вина которых еще не доказана. И потому гуманизация их содержания была одной из основных наших забот.

— Вы упомянули о председателе КГБ Юрии Андропове. Вам лично приходилось с ним встречаться? Если да, то какое впечатление он на вас произвел?

— Начальником следственного изолятора меня утверждал еще Семичастный. И хотя я должен быть благодарен ему за оказанное доверие, мнение об этом человеке у меня сложное и противоречивое. Прежде всего, не считаю его профессионалом в нашей работе. А вот о Юрии Владимировиче Андропове всегда вспоминаю с особой симпатией и уважением. Честный, преданный делу партии, самоотверженный человек и руководитель.

Естественно, мне довольно часто приходилось встречаться и разговаривать с Юрием Владимировичем. Следственный изолятор был постоянно в его поле зрения. Помню один из первых его приездов в Лефортово. Предшественники Андропова туда почему-то не заезжали. Побоялись, что ли. Юрий Владимирович очень внимательно ознакомился с содержанием подсудимых, одобрил перемены, которые мы проводили. Обратил внимание на портреты Политбюро, которые мы недавно развесили по стенам коридора. Спросил с хитрецой: «Вы считаете, что членам Политбюро место в следственном изоляторе КГБ СССР?» Признаться честно, я не ожидал подобного вопроса. Но с ответом нашелся: «Следственный изолятор является государственным учреждением.

И поэтому, как и другие учреждения, мы имеем право на портреты руководителей партии и правительства». Юрий Владимирович молча усмехнулся.

— Вы думаете, что Андропов догадывался, что от тюрьмы и от сумы даже в верхних эшелонах власти никто не застрахован? Но почему же тогда именно при Андропове коррумпированность номенклатурной элиты достигла чудовищных размеров. Да и охота на инакомыслящих продолжалась только в иных, чем прежде, формах.

— Юрий Владимирович, несомненно, был осведомлен о размерах коррупции. Не случайно борьба с ней началась сразу же после того, как он стал генеральным секретарем. Но что он мог сделать в одиночку при Брежнев, который приставил к нему на должности заместителей двух своих доверенных лиц — Цвигуна и Цинева?

— Не так давно в известном эмигрантском журнале «Референдум» была напечатана статья одного из последних советских политзаключенных Григория Куценко «Из личного опыта перестройки в тюрьме и лагерях». Автор, в частности, вспоминает в ней и свое пребывание в лефортовском следственном изоляторе, в котором «единственно слышимые звуки были только звуками строительства». Причем Куценко упрекает вас в стремлении к показушности и архитектурным излишествами. «Здоровенные голые древнегреческие богатыри из гипса поддерживали ажурный фронтон русской избы. Все это было покрыто лаком, блестело и, наверное, вызывало особую гордость начальника тюрьмы Александра Митрофановича Петренко при инспекциях его кеgebешного начальства. Оставить бы этот шедевр лефортовского ампира в веках!.. В кабинете Петренко, где в феврале — марте 1987 года меня уговаривали написать покаянное заявление и выйти из заключения, я видел на стене с десятков экранов телевизоров, показывающих всю тюрьму одновременно и с разных сторон».

— Я действительно горжусь тем, что нам удалось перестроить и переоборудовать в следственном изоляторе. Куценко не единственный критик наших архитектурных преобразований. И бла-

гоустроивали свой быт мы вовсе не затем, чтобы пустить пыль в глаза проверяющим. Наоборот, после инспекционных проверок мне довольно часто приходилось оправдываться перед руководством КГБ. В свое время, посещая в очередной раз наш изолятор, Юрий Владимирович Андропов даже заметил укоризненно: «А ну-ка, показывай свой кабинет! Говорят, он не меньше моего». Я объяснил председателю КГБ, что место заключения — не самое комфортное на свете. И тот, кто здесь работает, большую часть жизни вынужден проводить среди унылых и однообразных стен. Это очень тяжело сказывается на настроении человека. И те самые архитектурные излишества, о которых с возмущением пишет Куценко, хоть как-то облагораживают рабочий быт наших сотрудников. А это, в свою очередь, скажется на гуманизации содержания подследственных. Юрий Владимирович никак не прокомментировал мои объяснения. Но больше никаких упреков в излишествах со стороны проверяющих я не слышал.

— А кто привлекался на эти работы в вашем изоляторе? Не обошлось, наверное, без труда заключенных?

— При любом следственном изоляторе, как известно, имеется специальный контингент хозобслуги. Это заключенные, которые отбывают наказание в следственном изоляторе и поддерживают помещения в должном порядке. Обычно — это высококвалифицированные электрики, плотники, сантехники. Проблем с такими кадрами у нас никогда не было. Нужных заключенных подбирали себе на краснопресненской пересылке. Работали у нас на совесть. Так как условия содержания в нашем изоляторе были значительно лучше, чем в других местах заключения, никто не хотел быть переведенным из Лефортова.

Что же касается труда заключенных, то не вижу в этом ничего зазорного. Общественное мнение в своем абстрактном гуманизме иной раз теряет реальные критерии. И как-то забывает, что эти заключенные — не просто хорошие специалисты. Они прежде всего преступники: убийцы, мародеры, насильники, временно изолированные от общества. И для них же лучше работать,

отбывая наказание, дабы не потерять окончательно квалификацию.

— А не является созданный вами комфорт своего рода поблажкой для подсудимых? Ведь в лефортовский изолятор попадают, как правило, люди высокопоставленные. Случается даже прямо из министерских кабинетов. Насколько я знаю, у вас до суда содержался и Юрий Чурбанов. Кстати, на заседание суда он явился при галстуке, хотя подсудимым, как я слышал, галстук не положен...

— Ни о каких привилегиях в изоляторе и речи быть не могло. Нельзя считать привилегией человеческое отношение к подсудимому. Это, скорее, показатель культуры.

Что же касается галстука Чурбанова, то считайте, что в данном случае я отступил от нормы. А дело было так. Перед вызовом в суд Юрий Михайлович просится ко мне на прием. Приглашаю. Чурбанов говорит: «Я тут речь в защиту себя набросал. Может послушаете, посоветуете». А надо сказать, что с подобными просьбами довольно часто ко мне обращались. И всем я отвечал примерно одно и то же. Послушать послушаю, но советы давать не имею права. Юрий Михайлович зачитал мне свою речь. Мы обмолвились с ним парой ничего не значащих слов по поводу прочитанного. Но вижу, что Чурбанов не торопится покидать мой кабинет. Еще что-то хочет попросить. Спрашиваю, какие у него проблемы. Сетует: дескать, неудобно ему завтра в суд без галстука являться. Ну я и разрешил. Иной раз к человеческим просьбам следует прислушиваться более внимательно, чем к предписанным нормам.

Мне вообще кажется, что мы слишком преувеличиваем охрану подсудимых от самих себя. Будто каждый из них только и ищет возможность, как бы покончить с собой. Но ведь это же не так. В свое время мне приходилось бывать в следственных изоляторах бывшей Германской Демократической Республики. Так в камерах у задержанных даже лезвия для бритья имеются. И никто, между прочим, не спешит покончить с собой. А мы лишаем подсудимого даже галстука в суде.

— Вам, наверное, приходилось

встретиться и с женой Чурбанова — Галиной Леонидовной Брежневой. Какое впечатление она на вас произвела?

— Да, Галина Брежнева, кажется, два или три раза приходила в наш изолятор. Была у меня в кабинете, приносила передачи мужу, но с Юрием Михайловичем не виделась. Не положено. Да она и не настаивала.

Запомнился ее первый приход. Говорит мне: «Передайте Юрию, что в следующий раз я приду сюда не скоро». Я естественно выражаю удивление: почему, позвольте узнать? Отвечает многозначительно: «Ложусь в ЦКБ». И тут же спрашивает с развязным высокомерием: «Вы хоть знаете, что такое ЦКБ?» — «Откуда нам здесь знать», — отвечаю ей в тон. «Так вот, это центральная кремлевская больница, в которой на физиотерапевтическом отделении лечат от алкоголизма спившихся детей высокопоставленных партийных и государственных деятелей».

Через несколько месяцев, когда она снова появилась в моем кабинете изрядно подвыпившей, я не стал спрашивать ее о лечении в ЦКБ.

Кого только ни приходилось видеть за семнадцать с половиной лет работы в следственном изоляторе КГБ СССР?! И какие только разговоры и признания не выслушивать! Люди у нас, в основном, сидели деятельные, общительные. Однообразие камер им быстро надоедало. И они использовали любую возможность поговорить с человеком вне камеры. Я понимал, что многие подсудимые под любым предлогом записывались ко мне на прием, чтобы просто побеседовать, отвести душу. И я никогда не отказывал им в этом праве. Естественно, в рамках разумного.

Так что мой кабинет в некотором смысле становился местом для исповеди. Я никогда не злоупотреблял доверием подсудимых, не стремился выудить у них показания и признания. Единственное, так это советовал облегчить душу чистосердечным признанием. И сейчас не считаю вправе себя обнародовать многие разговоры, которые заводили со мной подсудимые в минуты душевной слабости. Эти тайны останутся со мной.

Ю. БЫЧКОВ

Словари, энциклопедии, справочники всегда полезно иметь под рукой. Встретилось ли в газете непонятное слово, разгадываете ли вы кроссворд, помогаете ли сыну подготовить к уроку литературы рассказ о великом русском писателе — они ваши первые помощники.

Обычно мы обращаемся к энциклопедии от случая к случаю, когда возникает необходимость. А человек, читающий ее от корки до корки, вызывает недоумение и насмешки. Ведь пользы от такого чтения немного. Оно утомительно, и масса разнообразных новых сведений быстро выветривается. Но нашу Домашнюю энциклопедию мы предлагаем прочесть именно так, от корки до корки. Ибо содержит она са-

мый минимум правовых знаний, необходимых каждому практически ежедневно.

Вы узнаете, например, что таксист, включивший зеленый огонек, становится оферентом и берет на себя определенные юридические обязательства перед каждым прохожим. А протянув продавцу 20 копеек и получив взамен мороженое, вы заключили конглюдентную сделку. Интересно? Тогда читайте.

Чтобы не злоупотреблять вашим вниманием, мы будем публиковать энциклопедию «малыми порциями». А вам рекомендуем вырезать и сохранять эти странички. Сброшюровав их потом, вы получите полноценную юридическую энциклопедию, к которой всегда сможете обратиться.

АБСЕНТЕИЗМ

(от латинского *absentia* — отсутствие) — уклонение от участия в выборах.

Во всех словарях в разъяснении этого юридического термина неизбежно присутствует оговорка «в буржуазных странах». Это там абсентеизм — типичное явление политической жизни, отражающее недоверие избирателей (как говорилось прежде, «широких трудящихся масс») к конкурирующим буржуазным партиям. И это во многом соответствует действительности. Абсентеизм «у них» был, есть и будет. Правда, причины его не столь примитивны, но от анализа мы здесь воздержимся. Ведь энциклопедия — домашняя, что нам до «загнивающего капитализма».

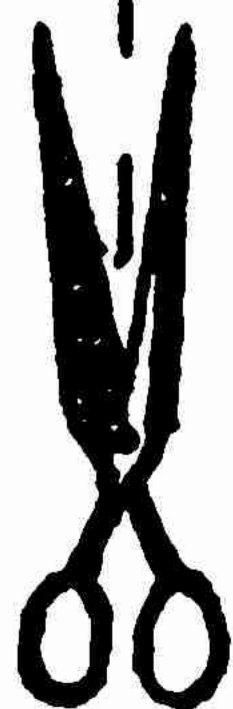
У нас же абсентеизма, согласно словарям и недомашним энциклопедиям, нет и быть не может. И это до недавнего времени тоже соответствовало действительности. В «застойные» годы явка на избирательные участки была почти стопроцентной. Каким образом это достигалось? Наверное, многие еще не забыли. За несколько дней до выборов вы находили в почтовом ящике красочную листовку, призывающую «отдать свой голос за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных». И дисциплинированные граждане шли «отдавать», благо

сделать это было не слишком обременительно. Идти голосовать каждому не было необходимости. Кто-нибудь, наименее занятый, собрав паспорта родственников и знакомых, заходил в ближайшую школу, клуб (где обычно располагался избирательный участок), опускал в урну (так красиво мы называем избирательный ящик) пачку бюллетеней и непременно заходил в буфет, там, как правило, по случаю «праздника демократии» продавали что-нибудь вкусненькое.

Но не все оказывались столь дисциплинированными. И кое-кто до избирательного участка все же не доходил. Тогда в конце дня члены участковой избирательной комиссии сами «бросали в урну» невостребованные бюллетени.

На заре перестройки, когда число «несознательных абсентеистов» стало увеличиваться, местные партийные органы (особенно в небольших сельских районах, где каждый на виду) занялись их «воспитанием». И делали это порой весьма круто.

По мере углубления перестроечных процессов ретивых партаппаратчиков одернули, а представители общественности, присутствующие при подсчете голосов, стали мешать членам избирательных комиссий голосовать за «недисциплинированных избирателей».

В итоге у нас тоже появился абсентеизм. Что полезно знать о нем избирателю?

Прежде всего то, что абсентеизм не наказуем. Нам часто предлагают, придя на выборы, «исполнить свой гражданский долг». Но в чем он? Что должен гражданин государству или обществу? Свободный гражданин? Нет у него никакого долга и быть не может. У него есть лишь права и обязанности. Участие в выборах представительных органов государственной власти — ваше право, а не обязанность. Никто не может вас принудить голосовать и наказать за «непослушание». Так что вы спокойно можете в выборах не участвовать. Тем более, что дефицитом теперь на избирательных участках не торгуют... Ходить на выборы приходится неоднократно, ведь редко кто из кандидатов проходит в депутаты за один тур. Да и сам процесс голосования перестал быть «бросанием бюллетеней в урну» и требует некоторого умственного напряжения. Каждый бюллетень содержит несколько (порой не один десяток) фамилий. И все их (кроме одной) надо вычеркнуть. А как выбрать самого достойного, надежного депутата. Не по внешним же данным? Мало кому удается что-либо узнать о кандидате до дня голосования. Да если и удастся, что из того?

Программы большинства кандидатов столь же хороши, сколь и нереальны.

В буржуазных (или, как теперь принято говорить, «цивилизованных») странах выборы проходят на партийной основе: есть несколько традиционных партий, с традиционными программами, неплохо известными избирателям, которые голосуют не столько за адвоката Смита, сколько за партию консерваторов. И то у них абсентеизм. Как же нам без него?

Все мы безмерно устали от предвыборных теледебатов, трансляций съездов и сессий, программ перехода к рынку и проектов Союзного договора. Страна все глубже вползает в кризис, и что может изменить один ваш голос? Но вспомните, сколько решений на съездах и сессиях принималось с перевесом всего в несколько голосов (например, избрание Б. Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР). Может быть, это были голоса тех депутатов, за которых голосовали (или не голосовали) вы. И как знать, возможно, в свое время именно ваш голос решил, быть или не быть им в парламенте. Большая политика складывается из малых величин.

Кроме того, когда в выборах принимает участие менее половины избирателей, они признаются несостоявши-

мися. И если абсентеизм станет уж слишком массовым, у нас просто не смогут сформироваться ни парламенты, ни местные Советы. А поскольку свято место пусто не бывает, нас ждет, вероятно, возврат к тоталитаризму или волна анархии.

Одним словом, не участвуя в выборах, вы все равно делаете свой выбор. И здесь тоже важно не ошибиться.

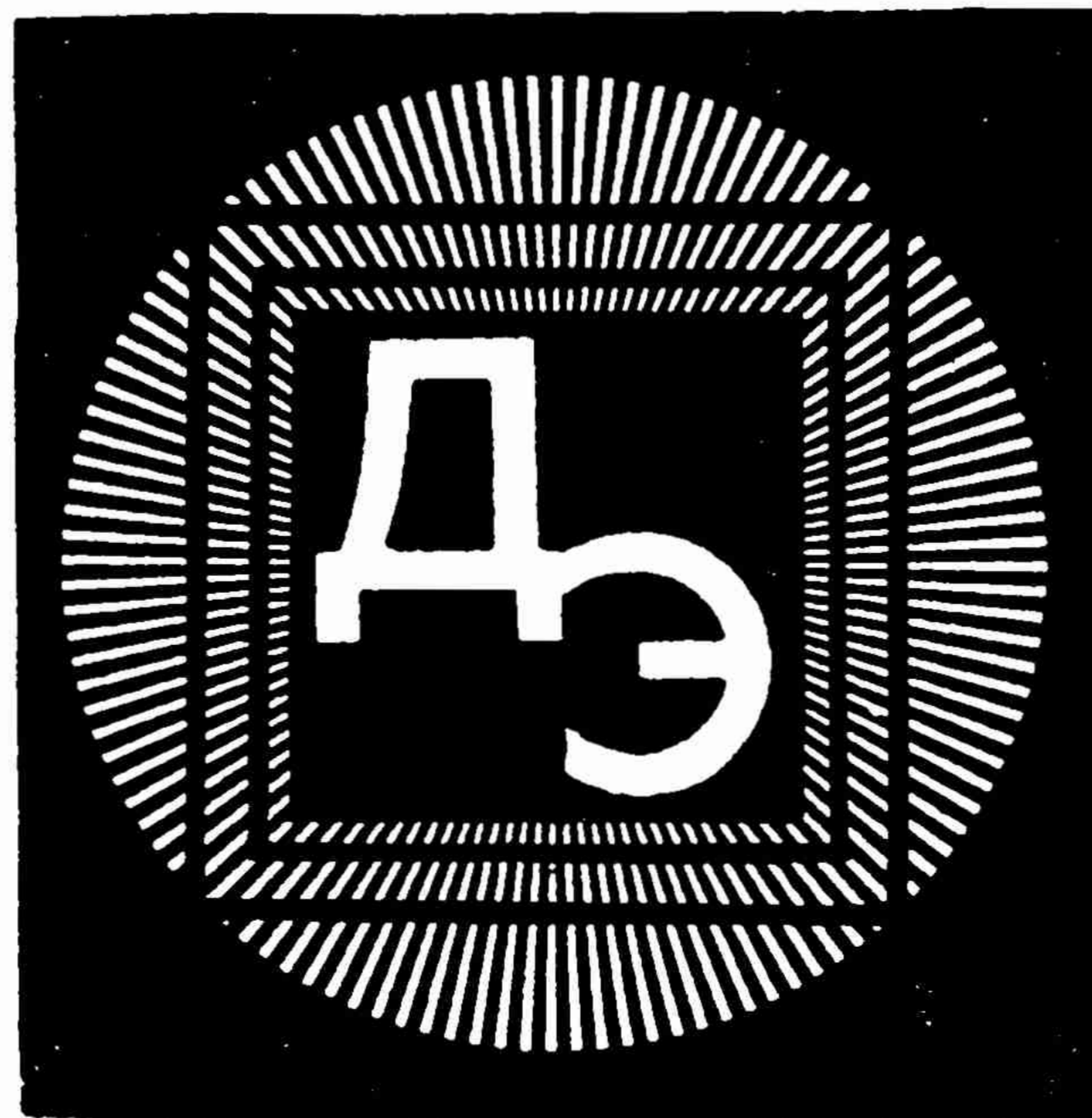
АВАНС (от французского *avance*) — денежная сумма (или другое имущество), выдаваемая в счет предстоящих платежей.

Допустим, вы договорились с приятелем, что купите у него собрание детективов за 500 рублей и сразу отдали 50 рублей. Вот эти 50 рублей и есть аванс.

В гражданском праве наиболее значимо отличие аванса от задатка. До задатка мы еще дойдем, а пока запомните: любой предварительный платеж — это аванс, если в договоре (обязательно письменном) не оговорено иное (то есть что он — задаток).

При невыполнении договора аванс подлежит возврату. Вы решили отремонтировать дачный домик и договорились с двумя умельцами: определили объем работы, условились об оплате и дали им 300 рублей, получили расписку. А потом знакомые порекомендовали вам других парней, которые

сделают все то же самое, только быстрее и дешевле. Разумеется, от услуг первых работников вы решили отказаться. Должны ли они вернуть вам 300 рублей? Тут очень важен текст расписки. Если там написано, скажем, «получили аванс 300 рублей» или «предварительно получили часть оплаты за работу — 300 рублей», то эти деньги вы назад получите. А если в расписке есть слово «задаток», то — нет. Задаток, в отличие от аванса, выдается не только в счет причитающихся платежей, но и в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения. И сторона, ответственная за неисполнение договора (а в данном случае это вы), задаток теряет.

ПРЕСТУПНОСТЬ:

ОРГАНИЗАТОРЫ

И ИСПОЛНИТЕЛИ

Разбой рассроочкой

Е. Мысловский

Из записок следователя

В лабиринте теневой экономики

Сегодня можно с уверенностью сказать, что правоохранительная система наконец-то сдвинулась с мертвой точки равнодушного созерцания и начала выполнять свои функции по охране имущественных прав граждан. Если всего лишь год назад в милиции человеку, подвергнувшемуся вымогательству, могли лишь посочувствовать, но отказывали принимать заявление под смехотворным предлогом отсутствия в законе указания на охрану имущества кооперативов, то новая редакция статьи 95 УК РСФСР положила конец этому издевательству над здравым смыслом. Пока еще, по инерции, не все верят в способность милиции противостоять

рэкету, но практика показывает, что почти каждый обратившийся за защитой получает ее и деятельность вымогателей пресекается самым решительным образом, вплоть до применения оружия.

Принимаемые меры дают надежду на сокращение вымогательства, направленного на добропорядочных кооператоров и индивидуалов, честно зарабатывающих свои деньги. Но остается еще огромный массив дельцов нелегального бизнеса, которым обращаться за защитой к закону явно не с руки. Что ждет их? Покажу это на примере двух историй.

Несколько лет в Ленинграде почти открыто действовала группа дельцов, которая занималась контрабандой, спекуляцией и валютными махинациями

в особо крупном размере. Именно валютные сделки стояли в центре и определяли механизм совершения этого преступления. Начинала группа свою «работу» в знаменитом Гостином Дворе.

Особенностью этого огромного торгового дома, построенного в стиле раннего русского классицизма, являются длинные сводчатые галереи, объединяющие изолированные торговые помещения. И кто бы мог предположить, что этот памятник архитектуры XVIII века не только станет местом паломничества большинства гостей города, но и получит на языке преступников мрачное название «галеры». Именно здесь, на галерее Гостиного Двора, как оказалось, уже много лет получают свое начальное образование в сфере нелегального бизнеса кандидаты в подпольные миллионеры. И делают это практически не таясь, на наших глазах. И невдомек начинающим бизнесменам, приобретающим валюту у иностранцев, что именно здесь, как на настоящей галере, их приковывают незримой цепью стяжательства к таким же невидимым веслам теневой экономики. Именно здесь в их души вселяется постоянный страх перед неизбежным разоблачением, страх перед возможным насилием со стороны более могущественного, более злобного конкурента, а то и просто завистника из уголовного мира.

Другая криминогенная точка на оперативной карте Ленинграда и области — шоссе вдоль Финского залива — дорога на отдых, к морю, лесу, пляжу. А для кого-то это всего лишь «трасса», место для валютных и контрабандных сделок, источник выкачивания валюты из иностранцев, еще только подъезжающих к городу.

Третья криминогенная точка — всемирно известный, без преувеличения, ресторан «Тройка». Если повезет и вы приобретете входной билет в это заведение, будьте уверены, получите определенное удовольствие. Вас обслужат на идеально высоком уровне и не допустят обсчета. В «Тройке» скандалов избегают.

Официально «Тройка» не относится к числу интуристовских, но многие иностранцы еще задолго до выезда в СССР

просят туристские фирмы включить посещение этого ресторана. Только ли из-за отличного обслуживания в этой точке?

Уже после ареста, объясняя, ради чего «крутятся» деловые люди в «Тройке», один из обвиняемых попытался свести все к гастрономическим удовольствиям. Дескать, они получают огромное удовольствие, кушая в ресторане, где тебя знают в лицо и подают любимое блюдо, уточняя с подобострастием тонкости меню. На самом же деле здесь собирался круг избранных, приближенных либо к сильным мира сего, либо к огромным денежным кошелькам. Как набивалась мощна, никого не интересовало. И обстановка содействовала заключению выгодных сделок. «Тройка» заменяла оффис: не в подворотне же сегодняшнему или завтрашнему миллионеру проявлять свои способности! Под музыку и под водку договориться легче и обмануть проще. Прейскурант был на все — и на как бы дружбу, и на как бы любовь.

В своем кругу эти встречи в ресторане назывались «передним краем», на котором вели войну за валюту мелкие пешки, свозившие добычу к пировавшим в «Тройке» боссам преступного бизнеса. Отсюда валюта перемещалась на другой плацдарм и начинала приносить доход уже в советских рублях. Там тоже был свой «передний край».

Элегантные залы магазинов фирмы «Березка» предназначались для обслуживания иностранных граждан, для получения валюты государству. Увы, за прилавками и кассовыми аппаратами стояли не только честные люди. На этом фронте преступники также действовали, почти не стесняясь. Фирменная вывеска была прекрасной ширмой для валютных операций.

Познакомимся с еще одним «укреп-районом» на переднем крае преступного бизнеса Ленинграда. Комиссионный магазин № 29. Сюда сдавались и предметы, доставленные контрабандой. Подкупленные работники магазина закрывали глаза на нарушения правил комиссионной торговли, когда один и тот же человек систематически сдавал на комиссию большие партии однородных товаров, сдавал не только на свое

имя, но и на имя подставных лиц, а деньги получал по чужим документам.

К сожалению, несколько подкупленных милицейских чинов помогали дельцам чувствовать себя безнаказанными. Сама мысль о возможной расплате казалась им фантастической. И все же расплата пришла. Началось все, как это обычно бывает, с прокола «на переднем крае». При таможенном досмотре на КПП станции Чой у следующих в Советский Союз югославов были изъяты предметы контрабанды — около 7 тысяч наручных электронных часов. Началось следствие, и ниточка потянулась в Ленинград. У одного из иностранцев был обнаружен телефон некоего «Володи», которому и были предназначены эти часы. В ходе следствия иностранцы показали, что, помимо «Володи», их постоянным клиентом в Ленинграде был «Миша». Они обрисовали его, но точных данных представить не смогли. Следствию пришлось немало потрудиться, прежде чем была установлена личность Миши и других контрабандистов из Ленинграда. Им оказался Дахья Михаил Яковлевич, ранее судимый за нарушение правил о валютных операциях. Последнее время этот человек нигде не работал, если не считать кратковременного пребывания в должности туалетчика пивного бара. Состоял в браке с польской гражданкой. До ареста два месяца скрывался от следствия. Первоначально показаний не давал, симулировал психическое заболевание.

Другим дельцом был Тараканов Владимир Николаевич, тоже нигде не работавший, в прошлом — официант гостиницы «Спутник». Вместе с Дахьей скрывался от следствия. Согласно медицинскому заключению нуждался в принудительном лечении от алкоголизма. Как установлено материалами дела, Дахья и Тараканов в составе трех контрабандных групп незаконно ввезли в СССР 16 277 наручных часов. Из Советского Союза ими вывезена иностранная валюта на общую сумму 40 444 рубля. Итоговая сумма перемещенных ими через границу СССР товаров и ценностей составляет 1 020 018 рублей.

Следующий «герой» нашего повествования — Рогинский Вячеслав Маркович, на момент ареста нигде не работал. До этого трудился официантом в ресторане гостиницы «Европейская», а затем в ресторане «Тройка». При Дахье выполнял роль личного секретаря и подручного в приобретении валюты.

К уголовной ответственности были привлечены и Гореликов Владимир Ильич (единственный из группы, получивший высшее образование), работник гребной базы ДСО «Буревестник», а также личный телохранитель Дахьи — Васильев Сергей Иванович, электрик специальной детской школы «Мотор», ранее принимавший участие в трюковых киносъемках, отличный механик и водитель автомашины. Была среди задержанных и дама — Ефимова Наталья Юрьевна, возлюбленная Дахьи, которая тоже нигде не работала (перетрудилась, вероятно, в мотеле, где она мыла посуду).

Сумма сделок, в которых участвовали обвиняемые, превысила по официальному курсу 300 тысяч рублей. От спекулятивной деятельности группа получила доход более 500 тысяч рублей.

Как и все ленинградские валютчики, Дахья начинал свою карьеру с «галеры». Валютчиком он не родился, и родители не стремились привить ему вкуса к красивой жизни, была у него даже попытка учиться в институте, но «галера» Гостиного Двора прочно приковала его к себе, оторвав от нормальной трудовой жизни, от сверстников. Потом ему захотелось руководить людьми, возглавить крупный клан дельцов. Дахья стал присматриваться к завсегдатаям «галер» и «трассы». Мелочь его не интересовала. Ему нужны были люди, уже достигшие определенного уровня, державшие эту мелочь в своих руках. Подбирал таких людей Дахья осмотрительно и по очень жестким критериям: по степени их полезности, по тому, какую нагрузку они могли нести, по тому, как они могли «работать». Так в его группу вошли все вышеперечисленные «деятели», которые потом и предстали перед следствием и судом.

Занятие валютным промыслом было не пыльным, но весьма доходным де-

лом. Когда следователи подбили финансовые итоги, то сами преступники, похоже, удивились: за три года Дахья скупил 525 455 финляндских марок, 93 354 марки ФРГ, 34 053 долларов США, 2 450 000 итальянских лир и другой валюты, заплатив за это 629 447 рублей.

Дело разворачивалось по законам детективного жанра. Тайника в гараже, лесу, шифрованные переговоры, тайные записи и деньги, деньги. Но сладкая жизнь в конце концов кончилась. Наступил час суда. Дахья был приговорен к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Тараканову дали 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Рогинскому — 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Гореликову — 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Васильеву — 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

С преступной группой Дахьи покончено, но на Невском проспекте уже подрастает новая смена — по «галере» бегают десятки, сотни молодых людей, стремящихся к открытой наживе, «интересной» жизни, когда можно тратить деньги не считая, покупать, что хочется. И практически никто из них не думает о том, что за эту «красивую жизнь» в конце концов придется обязательно отвечать перед законом.

Теперь посмотрим, какое отношение группа валютчиков Дахьи имеет к рэкету, к тому, что я называю «силовой мафией»?

В лабиринте теневой экономики

К сожалению, как показывает практика, все в преступном мире взаимосвязано. В этом лабиринте теневой экономики есть свой черный закуток, и не дай бог забрести туда дельцу. Страх перед этим закоулком постоянно пресле-

довал наших знакомцев. Чтобы как-то избавиться от него, каждый искал свой путь.

Вот что рассказал на следствии Дахья: «За нашей группой постоянно наблюдали. Одни для того, чтобы как-то ограбить нас, другие жили за счет тех денег, которые мы оставляли им в виде комиссионных, взяток, чаевых».

Нет, далеко не случайно держал всегда подле себя Дахья тихого и мало-заметного «любителя-коллекционера» Васильева, имеющего за плечами две судимости за совершение отнюдь не интеллектуальных преступлений. Но даже Васильеву временами было не по себе.

Участники группы признались в том, что ими постоянно владел страх, их донимали анонимные звонки с угрозами. На улицу они выходили, принимая всякие меры предосторожности, так как ждали нападений. Особенно страшно было выходить из дома вечером. Для целей обороны всегда держали дома у входной двери кусок железной трубы.

Надо отметить, что этим дельцам еще повезло. «Силовая мафия» в Ленинграде только приглядывалась к валютчикам, занимаясь в основном наперсточниками, мелкими спекулянтами и сутенерами, набирала силу для будущих схваток за сферы влияния и контроля. Подчиняя себе мелких фарцовщиков, они еще только собирали информацию об акулах преступного бизнеса. Но час настал — пробил «золотой колокол мафии». В своей квартире был убит Флейшман Максим Исакович, 1939 года рождения, работавший зубным врачом-протезистом. Из квартиры вынесли имущество на общую сумму около 130 тысяч рублей. Из своего дома был похищен и после жестоких пыток убит Векштейн Илья Изефович, работавший в системе общепита. В своей квартире шестью выстрелами из револьвера убит Виноградов Владимир Сергеевич, 1949 года рождения, работавший банщиком. В квартире обнаружены рации, настроенные на волну оперативных служб МВД. В своей автомашине шестью выстрелами из пистолета «Беретта» с глушителем убит Стеценко Анатолий Филиппович, 1950 года рож-

дения, периодически числившийся в разных организациях на временной работе, но фактически нигде не работавший. Все убитые относятся к одному кругу дельцов «теневой экономики», которые в течение длительного времени занимались спекуляцией, валютными сделками, мошенничеством. Из материалов этих дел прослеживается их длительная связь с преступными группами ныне осужденных Феоктистова, братьев Васильевых, Дахьи и Сидюка. Преступные связи тянулись к дельцам в Москву, Грузию, Прибалтику, Западную Украину...

Итак, четыре трупа за 9 месяцев. Для большинства жителей Ленинграда, даже слышавших об этих убийствах, это были всего лишь рядовые цифры судебной статистики. Но для определенного круга лиц убийство дельцов черного рынка прозвучало тревожным сигналом возможной смены уголовной власти. «Красивая жизнь» стала опасной, так как закон о кооперации выпустил из подполья на арену преступного бизнеса новые партии крупных и мелких дельцов.

Теперь зададим себе вопросы: почему многие кооперативы превратились в «крыши» и «прачечные» организованной преступности, почему так слаб финансовый и прокурорский надзор за теми, кто под сенью кооперативов «отмывает» наворованное?

В августе 1989 года только в Москве было задержано 22 группы вымогателей, действовавших с особой дерзостью и жестокостью. Среди них оказалось немало кооператоров. Все чаще стали выявляться факты, когда преступные группировки внедряли в нормальные кооперативы своих людей, чтобы получать от них информацию «изнутри». Метастазы рэкета проникли практически во все сферы городской кооперативной жизни.

Из справки МВД СССР.

«Только за 4 месяца 1989 года от кооперативов и государственных служащих поступило более полутора тысяч заявлений с жалобами на вымогательство. По ним возбуждено 1107 уголовных дел. К ответственности привлечено 687 человек».

Уголовная статистика бесстрашно

свидетельствует о том, что именно с развитием индивидуальной трудовой деятельности и кооперативной формы собственности произошел резкий рост корыстных насильственных преступлений, в том числе и совершенных организованными преступными группами.

Можно ли было предусмотреть такое развитие событий? Несомненно, если бы к обсуждению проекта Закона о кооперации были привлечены специалисты. Однако этот вопрос рассматривался лишь с хозяйственно-экономической точки зрения, без учета имевшихся в стране на тот момент реальных условий функционирования даже государственных предприятий. А ведь не секрет, что уже к 1987 году у криминологов был накоплен достаточный материал по преступности в отраслях местной промышленности и службы быта, то есть в тех самых видах хозяйственной деятельности, где предполагалось развитие индивидуального труда и кооперативов.

Существование в этих сферах криминогенных факторов носило столь стабильный характер, что многие негативные стороны нового законодательства можно было бы не только предусмотреть, но и найти им противодействие. Самоустранение государственных органов от контроля за кооперативной деятельностью породило столь острые социально-политические проблемы, что понадобилось специальное обсуждение этого вопроса на сессии Верховного Совета СССР.

Как показывает анализ уголовных дел, именно против кооперативов в сфере бытового обслуживания, торгово-закупочной деятельности и производства товаров народного потребления были направлены удары рэкетиров. Ни сельскохозяйственные, ни подлинно производственные кооперативы вымогателей не заинтересовали. Случайное ли это явление или определенная экономическая закономерность? Попробуем разобраться в этом вопросе.

«Деятельность кооперативов, высокая производительность труда и система его оплаты призваны стимулировать развитие экономического соревнования, конкуренцию на рынке товаров, работ и услуг как между кооперативами, так и

кооперативов с государственными предприятиями и организациями, способствовать всемерному повышению эффективности хозяйствования» (пункт 5 статьи 1 Закона о кооперации в СССР).

Предусмотренные процитированной статьей закона цели и задачи кооперации явно не достигнуты. Пока что возлагаемые на кооперативы надежды себя не оправдали. И это не случайно. Если государство, разрешая кооперативную деятельность в новом виде, предполагало, что конечным результатом будет насыщение потребительского рынка товарами и услугами, доступными простому советскому гражданину, то сами кооператоры увидели в новом законе возможность прежде всего получать неограниченные доходы при полной бесконтрольности за их экономическим обоснованием. Именно поэтому многие кооперативы стали возникать там, где можно было быстро и без всяких затрат получить большие доходы, а не там, где есть дефицит особо нужных товаров и услуг. Таким образом основная цель кооператоров — получить возможно большую прибыль любыми средствами — лежала, как говорится, на поверхности и не представляла большой сложности для криминологического прогнозирования. И при организации «своего дела» кооператор исходил прежде всего из возможного или желаемого ему уровня дохода, а уже потом из необходимости данного товара или услуги для населения. Отсюда проистекают и непомерно вздутые цены на товары или услуги. По существу первоначально кооператор хотел получить доход в два-три раза выше, чем он мог бы заработать в соответствующей государственной организации. Но очень быстро многие поняли, что цены на дефицитные товары установлены государством с безобразным превышением общественно необходимых затрат, то есть являются монопольно высокими, и кооператоры в условиях значительного дефицита стали устанавливать на свои изделия такие же высокие цены. Если учесть, что накладные расходы у кооператоров действительно низкие, то рентабельность таких кооператоров стала просто фантастической. Поэтому нет ничего удивительно-

го в том, что посреднические кооперативы стали извлекать прибыль из игры на ценах, они сами ничего не производили, а лишь оказывали услуги по продвижению тех или иных товаров от производителю к потребителю. При этом чем выше была стоимость товара и чем дефицитней он был, тем больший доход приносили сделки таких кооперативов.

Экономическая независимость кооперативов была на практике подменена экономической бесконтрольностью. Следует признать, что Закон о кооперации был рассчитан исключительно на честных людей. Но именно честные люди на первых порах и не спешили создавать кооперативы. Формально закон предусмотрел необходимость не допускать различных проходимцев к кооперативной деятельности. В пункте 5 статьи 12 Закона о кооперации говорится:

«Лица, которым по суду запрещено заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, не могут быть членами кооператива соответствующего вида деятельности, привлекаться к работе в нем по трудовому договору или занимать в кооперативе соответствующие должности.»

Лица, имеющие судимость за хищения, взяточничество и другие корыстные преступления, не могут быть избраны председателем или членом правления, председателем или членом ревизионной комиссии (ревизором) кооператива, а также занимать другие руководящие должности и должности, связанные с материальной ответственностью».

И в этой части реализации Закона произошла неизбежная путаница. Известно, что за кооперативами контроль осуществляется финансовым отделом райисполкома. Но, не получив своего развития, финансовая служба оказалась не в состоянии должным образом выполнить все свои функции, а тем более не могла изначально обеспечить контроль за кадрами кооператоров. Органы же УВД от этой работы были практически отстранены. А органы прокуратуры, как всегда, когда прямо что-либо не получается, предпочли держаться в стороне от возник-

ших коллизий.

Не этим ли объясняется довольно странная, правда только на первый взгляд, ситуация, сложившаяся в 1988 году? Тогда, в первый год действия Закона о кооперации, органами МВД СССР по собственной инициативе было выявлено более 600 случаев рэкеты, а в милицию с просьбой о защите обратились кооператоры лишь 139 раз. Да, именно те, кто постоянно привык извлекать нетрудовые доходы, даже когда появилась возможность легально много зарабатывать, именно они добровольно платят дань рэкетирам, поскольку суммы денег, которые они утаивают от финансовых органов, намного превосходят по размерам сумму дани, которую платят рэкетирам. Получается, что платить гангстерам выгоднее, чем отдавать законный налог государству и требовать за это правовой защиты от соответствующих органов. Видимо, вполне естественно и то, что лица, постоянно совершающие хозяйственные преступления, предпочитают полюбовно договориться с вымогателями. Стоит ли поэтому удивляться, что члены торгово-закупочного кооператива в Москве «Зоосервис» П. Дудников и Е. Ярославский работали в этом кооперативе, исправно платили налоги и одновременно находились во всесоюзном розыске. Ведь надежную крышу им обеспечили председатель этого кооператива и его ревизор, сами ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности за взяточничество.

Подобный «кадровый состав» кооперативов также можно было прогнозировать еще на стадии разработки закона, и, соответственно, нужно было все же предусмотреть реальную возможность не допускать подобных дельцов к кооперативной деятельности, дабы не скомпрометировать все полезное, что заложено в этом законе.

Жизнь и смерть под «крышей»

Но не только недостатки экономического характера выявились в ходе реализации Закона о кооперации. Гораздо опаснее для общества было превращение некоторых кооперативов в ле-

гальные прикрытия активной преступной деятельности, в том числе и для «отмывания» преступных доходов.

Юрий Т. обратился в исполком за разрешением заниматься индивидуально-трудовой деятельностью по пошиву хозяйственных сумок. Получив такое разрешение, он привез на один из московских рынков ларек, повесил на нем соответствующее объявление, образцы сумок и исчез. Несколько раз к нему наведывался инспектор райфинотдела, но в ларьке его не застал. Обычно на закрытом окошечке висело объявление о том, что киоскер уехал в магазин. Отчитываясь за свою работу, Т. представлял в исполком копии чеков на материал, нитки, молнии, которые он якобы тратил на изготовление сумок. Однако зарплата его была невелика и редко превышала 80 рублей в месяц. Короче говоря, для райфинотдела фигура Т. никакого интереса не представляла. Зато в одном из престижных ресторанов Т. знали как дельца теневой экономики. Правда, никто толком не мог сказать, чем именно занимается Т., но крупные суммы, оставляемые им в ресторане, внушали уважение.

Участковый инспектор знал, что Т. ранее пять раз судили за самые различные преступления, однако теперь ничего плохого за ним не замечал. Было известно, что Т. занимается индивидуально-трудовой деятельностью, то есть является личностью с определенным социальным статусом. Поэтому у участкового не было к этому человеку никаких претензий. Зато московские группы картежных шулеров знали Т. как человека весьма интересной специальности. Еще до первой судимости сей «супермен» успел получить разряд по боксу и продолжал тренироваться, выколачивая долги из проигравших, что и приносило ему основной необлагаемый налогами доход. Свой ларек на рынке Т. запродавал кооперативу, в который сам вошел на правах его члена. Однако шил сумки, как и раньше, некий пенсионер, исправно получавший 80 рублей за свои труды из рук благодетеля.

Вступление в кооператив позволило Т. мгновенно приобрести совершенно иной социальный статус. Во-первых,

участковому сразу была представлена справка о том, что его зарплата составляет в среднем 2000 рублей в месяц. На этом основании не стало нужды ездить на автомашине, оформленной на чужое имя, и теперь он открыто ставил свой личный автомобиль у своего подъезда, требуя, чтобы милиция бдительно охраняла его собственность. Жизнь на широкую ногу, посещение ресторанов, покупку драгоценностей для жены Т. уже не скрывал, благо финансовый контроль был практически не в состоянии определить уровень расходов дельца и их соответствие доходам. Кооператив превратился для него в «крышу», под которой он создал свою бригаду по выколачиванию денег из других кооперативов. Официальное же положение его было скромным — он числился работником охраны кооператива.

В поле зрения правоохранительных органов Т. попал после того, как по наводке одного из картежников предстал перед человеком, который присвоил и проиграл крупную сумму государственных денег. Т. представился игроку ответственным работником ОБХСС МВД СССР и сорвал с него 20 тысяч рублей за «предотвращение разоблачения хищений».

Пока я не могу назвать подлинное имя «вышибалы» и его «соратников», но утверждаю, что примерно по такой же схеме «отмываются» и многие другие нетрудовые доходы. Патент на занятие индивидуальной деятельностью или справка о членстве в кооперативе дают предпринимателям возможность свободно распоряжаться своим временем, устанавливать нужные контакты, подыскивать очередные жертвы. Преступник с патентом становится привычной фигурой.

И еще одна история о том, как бандиты расправляются со своими конкурентами или с теми, кто так или иначе перебежал им дорогу.

Новоявленный делец и предприниматель Лев Миронович Молодуха не любил тратить время попусту. На последний разговор с Осетровым, которого пригласил к себе, он отвел не более полутора часов. Осетров нервно мялся около входной двери, не решаясь сде-

лать лишний шаг по коридору квартиры преуспевающего дельца. Заметив нервозность Осетрова, Молодуха удовлетворенно хмыкнул, считая, что вчерашний их разговор достаточно вразумил этого дубину, возомнившего себя новым «высокоблагородием». «Ничего, падла, посмотрю на твою харю, когда выложу окончательные условия», — подумал Молодуха и громко крикнул находившейся на кухне жене: «Лиза, я вернусь через полтора часа. Вот только разберусь с этим кооперативом!»

...В полуподвальном помещении мастерской кооператива «Ель» приятно пахло стружками. Недалеко от входа в полу была вырыта траншея, а за траншеей, вплотную к стене стоял верстак. Открывший дверь в мастерскую неказистый человек молча уставился на Молодуху. Осетров, приехавший вместе со Львом Мироновичем, легко оттер его плечом и небрежно бросил: «Силкевич, идите работайте. Нам с заказчиком надо поговорить». Силкевич молча перешагнул через траншею и взял в руки большую киянку. Осетров заспешил к двери в противоположной стене и, как бы оправдываясь, сказал: «Извините, шеф, сами видите, у нас ремонт». Молодуха молча прошел по самому краю траншеи, стараясь не запачкать изящные светлые туфли, и в тот момент, когда он с гордо поднятой головой проходил мимо Силкевича, тот резко опустил киянку на его затылок. Повернувшийся к ним Осетров так же молча подхватил под руки обмякшее тело Молодухи. Откуда-то из-под верстака Силкевич извлек пару больших полиэтиленовых мешков и один из них надел на голову Молодухи, во второй погрузили нижнюю часть туловища. Они быстро обвязали веревкой превратившуюся в бесформенную куклу тело, затем затянули петлю на шее. Делали все молча и споро, но тут Осетров вспомнил, что впопыхах забыл сделать то, ради чего затевался весь этот спектакль. Глухо выругавшись, начал распаковывать «куклу», однако петлю с шеи решил не снимать, сдернул только нижний мешок и бросил Силкевичу: «Ищи ключи от квартиры и записную книжку». Тот молча вывернул карманы пиджака жертвы, затем брюк,

Рис. В. Родина

аккуратно подобрал с пола и положил на верстак все, что высыпалось из них и снова одел второй полиэтиленовый мешок на труп Льва Мироновича. Потом его положили в траншею, забросали опилками, стружками и завалили землей.

Закончив работу, Осетров прошел во вторую комнату и из-под кучи тряпья вытащил стальной ящик. Извлек из него толстый конверт и протянул Силкевичу: «Здесь пять кусков, как договаривались. А это,— Осетров достал из кармана 50 рублей,— тебе на цемент. Пока я буду в его квартире, ты все должен закончить». Только теперь, протягивая деньги, Осетров увидел, как мелко дрожат его руки. Силкевич пересчитал деньги, сунул конверт в задний карман брюк, а пятидесятирублевую купюру положил в нагрудный карман пиджака. Потом, усмехнувшись, покачал головой: «Ну что ты весь трясешься? Я же говорил, человека замочить для меня раз плюнуть. Да и ты привыкнешь. Страшно только первый раз. Сейчас бабу его кончишь, и все пройдет. Только веди себя спокойно и не психуй. Да плитуса не забудь. И не вздумай дверь в его квартиру его же ключами открывать — засветиться можешь. Я к твоему приходу все кончу».

Так и не уняв дрожь в руках, Осетров собрал с пола несколько связок плитуса, взял большую спортивную сумку и вышел на улицу. Подъехав к Охтинскому мосту, он остановился и, глядя на красный сигнал светофора, вдруг с облегчением подумал о том, что от Молодухи избавился без единой капли крови. И тут же удовлетворенно заметил, что лежащие на баранке руки перестали дрожать, словно одна эта мысль вернула ему утраченное спокойствие. Осетров с детства панически боялся крови. С годами это чувство он кое-как научился подавлять, но до конца избавиться от него так и не сумел. Пять дней назад, договариваясь с Силкевичем о цене за убийство Молодухи, он поставил ему неременное условие: убить Молодуху без крови. Силкевич сначала запросил восемь тысяч, потом согласился на пять, но выдвинул и свое условие: Осетров должен присутствовать при убийстве. Все ос-

тальное придумал сам. Даже траншею подготовил. Осетров пытался уговорить его и на убийство жены Молодухи, но Силкевич категорически отказался, заявив, что зараз двух трупов не делает.

Оставлять в живых жену было нельзя. Осетров и Силкевич понимали это хорошо, так как были уверены, что Молодуха рассказал ей о трениях, существовавших между Львом Мироновичем и их кооперативом. Оставалось только одно — после убийства Молодухи убить Лизу, и сделать это должен был сам Осетров, пройдя краткий курс специфических наук у Силкевича. Тот доказывал, что сделать это будет нетрудно, если все точно рассчитать. Пока что все шло по плану, и, подъехав к дому Молодухи, Осетров совсем обрел потерянное было спокойствие. Связка плитусов должна была служить предлогом для входа в квартиру. Немного подумав, Осетров решил не брать с собой все связки, чтобы потом не тащить их обратно. Решил, что хватит и одной. Припарковав машину рядом с подъездом, он не спеша, как и следует настоящему деловому человеку, вытащил одну связку, небрежно надавил на крышку багажника и, убедившись, что поблизости нет любопытных пенсионеров, быстро вошел в подъезд.

У дверей квартиры Молодухи Осетров перевел дыхание, поправил на плече связку плитусов и, прикинув примерный обзор из дверного глазка, позвонил и встал, чтобы хозяйка сразу увидела его в полный рост. Когда Силкевич разрабатывал эту акцию, он несколько раз повторил: «Главное, не напугать ее, чтобы впустила в квартиру. Все остальное потом будет просто».

Елизавета Владимировна была женщиной молодой, без предрассудков и даже отчаянной. Она настолько привыкла к мысли об авторитете мужа как в спортивном, так и в преступном мире, что ей даже в голову не могло прийти, что кто-то посмеет посягнуть на ее Левушку и тем более на его квартиру. Она знала не только о валютных операциях своего благоверного, но и о крепких связях среди отпетых уголовников, помогавших ему выколачивать деньги из строптивых владельцев антиквариата и кооператоров. Сна-

чала эта сторона деятельности мужа пугала её, но, убедившись в практической безнаказанности, которую муж объяснял тем, что у него все «схвачено», она успокоилась и стала вести вполне светскую жизнь. Деньги они не считали, и очередная затея с ремонтом полов не вызывала каких-либо финансовых затруднений. Стоило Лизе заикнуться о своем желании сменить паркет, как Левушка посмотрел на нее и сказал: «Замечательная идея! Мы в этом кооперативе ещё не были». Примерно две недели назад выяснилось: в кооперативе этом что-то не заладилось, и начало работ затягивается. Молодуха не любил ждать, тем более это было противно его жене. Пять дней назад она слышала, как муж, разговаривая с кем-то из этого кооператива по телефону, сказал, что если они не выполнят договор, то он пришлет к ним своих мальчиков, которые помогут подобрать материал по его вкусу, а заодно их прочит.

Два дня назад к мужу заглянул кто-то из его ребят-шестерок, как их презрительно называл Левушка, и муж велел им подготовиться к визиту в кооператив «Ель» на субботу. Елизавета Владимировна догадывалась, чем могут закончиться такие «визиты», но в дела мужа не вмешивалась, считая, что так как он сам в этих мероприятиях не участвует, то ему лично ничего не угрожает. Однако она твердо знала, что «его мальчики» умели такой страх наводить, что стоило клиентам мужа с ними познакомиться, как они сразу же превращались в мирных ягнят. Поэтому ее не смутило сообщение мужа о том, что сегодня, за день до назначенного им визита, ему позвонил председатель кооператива и сказал, что они выполнили все условия договора. А еще через два часа председатель лично приехал домой, чтобы изучить состояние полов в квартире. Правда, муж его в квартиру практически не пустил, заставил топтаться около двери, но теперь они свое место знают.

Открыв дверь Осетрову, Елизавета Владимировна с интересом посмотрела лишь на пачку плитусов. Самого Осетрова она как бы не замечала. Упреждая ее вопрос, тот сказал, что

Лев Миронович задержится буквально на 15 минут, так как по пути заехал к кому-то из своих товарищей, чтобы отменить назначенную на завтра встречу. Аккуратно положив плитуса в коридоре около стенки, он попросил Елизавету Владимировну набрать в ванну воды, объяснив ей, что ему надо замочить много тряпок, поскольку работа пыльная и надо соблюдать чистоту. Пока Елизавета Владимировна наполняла ванну, Осетров вытащил из сумки рабочую куртку, одел ее, затем достал и встряхнул руками мешок из грубой ткани. Расправив горловину мешка, он шагнул в ванную комнату.

Расчет у Осетрова был простой: накинуть мешок на голову женщины, опрокинуть ее в ванную и держать под водой пока не задохнется. Обсуждая этот вариант с Силкевичем, они пришли к выводу, что, когда труп жены будет обнаружен, сначала будут искать мужа. Исчезновение Льва Мироновича только укрепит подозрение милиции, и все силы розыска будут направлены на его поиск. Начнут трясти его шестерок, и команде Молодухи будет уже не до какого-то там нового кооператива. Они же за это время сумеют достаточно крепко обосноваться на внутреннем «деловом рынке».

Однако в расчеты Осетрова вкралась довольно большая ошибка: Елизавета Владимировна не хотела умирать в расцвете лет. Она царапалась, кусалась, отчаянно била Осетрова кулаками. Сопrotивление женщины не давало возможности одеть ей мешок на голову и серьезно напугало Осетрова. Отбросив ненужный теперь мешок, он схватил Елизавету Владимировну за волосы и потянул к уже наполнившейся водой ванне. У самой воды она резко рванула всем корпусом назад, вырвалась из рук убийцы, но не удержалась на ногах, упала на раковину и ударилась головой о стеклянную полку у зеркала. Осетров саданул кулаком по голове женщины, и она затихла у его ног. С минуту он не мог отдышаться, а потом подхватил под руки свою жертву, пытаясь втащить ее на край ванны. И тут случилось непредвиденное. Осетров увидел кровь. Она струйкой текла из рассеченного затылка Лизы. Преступнику стало дурно. Бросив тело

женщины на пол, он выбежал в коридор, попытался закурить на кухне и тут заметил, что его снова бьет дрожь. Бросив сигарету, прошёл в комнату, схватил видеомэгнитофон, в трюмо обнаружил шкатулку с золотыми изделиями и тут увидел, что Елизавета Владимировна выползает из ванны. Осетров присел перед ней на корточки и, глядя прямо в расширенные от ужаса зрачки, медленно с расстановкой прошептал: «Левушку твоего мы кокнули. Собаке собачья смерть. Тебя добивать не буду, живи. Но запомни, если пикнешь — убьем и тебя. В милиции скажешь, что не знаешь напавших на квартиру. Позвони туда через два часа. И не вздумай вилять. Второй раз не помилуем». Осетров поднялся, взял пачку плитусов и вышел на лестницу.

Он не помнил, как довел машину до мастерской. На двери висело объявление: «ремонт». Силкевич уже ушел. Свою работу он выполнил добросовестно: пол мастерской был залит ровным слоем цемента.

Вот такая история, вполне, кстати, типичная. А теперь о том, как борются правоохранительные органы с новым страшным злом — рэкетом.

Естественно, трудно ожидать мгновенного улучшения криминальной обстановки в целом, но в борьбе с рэкетом определенный сдвиг произошел. Вот мнение заместителя министра внутренних дел СССР, начальника ГУВД исполкома Моссовета, генерал-лейтенанта милиции П. С. Богданова:

«Нам удалось стабилизировать обстановку в столице. На уровне прошлого года остались такие виды преступлений, как разбой и грабежи. Но за то же время увеличилось более чем в два раза количество задержаний за вымогательство — рэкет. Все больше людей стали обращаться к нам за помощью. Следовательно, поверили, что и с этим видом преступности мы можем бороться. Уже появился определенный опыт. Было отдано распоряжение — всему оперативному составу постоянно иметь при себе оружие. В стране мы сделали это первыми, поскольку преступные формирования поделили сферы влияния в городе, а выясняя между собой отношения, применяли огне-

стрельное и холодное оружие. Следует сказать, что в результате наших действий за три месяца 1990 года у преступников изъято 61 единица огнестрельного оружия, в том числе 36 — нарезного, 17 — гладкоствольного и 8 — самодельного. Цифры говорят сами за себя, и поэтому можно утверждать, что наши сотрудники стали действовать более решительно».

Итак, война преступности объявлена. Определены не только цели, но и силы, которые должны вести эту войну. В подразделениях МВД СССР созданы специальные группы, нацеленные на борьбу с организованной преступностью. На что можно рассчитывать в этой войне? Вот что говорит по этому поводу начальник 6-го Управления МВД СССР доктор юридических наук полковник милиции А. И. Гуров: «Ожидается дальнейшая интеграция преступных объединений, активное использование ими для отмывания денег кооперативов. Это в значительной мере связано с повсеместным распространением рэкета. Он уже сейчас катализирует организованную преступность, меняет ее структуру. На почве раздела сфер влияния утверждаются более сильные группировки, грозя действительно быть государством, если не в государстве, то, по крайней мере, в городе. По выборочным данным, рэкету подвергаются практически все кооперативы, при этом доход преступников составляет 20—25 % от прибыли кооперативов. Кооператоры активно нанимают для охраны себя и имущества целые сообщества уголовников и срачиваются с ними в конечном итоге. Это крайне опасный симбиоз. Явно также намечается более четкая специализация преступных кланов не только на занятие рэкетом, но и на контроле азартных игр, наркобизнеса, проституции. Уже сегодня отмечаются неединичные факты выхода наших мафиози на преступный мир западных стран. А это значит, что в недалеком будущем, когда наши предприятия начнут в полную меру реализовывать прямые договорные отношения с зарубежными партнерами, организованные преступники обязательно этим воспользуются».

СУМЕЙ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ

То, что человек должен уметь постоять за себя, вероятно, понимает каждый. Однако всякий ли может это сделать! Ведь даже физически сильный и тренированный порой теряется в критической ситуации. Что уж говорить о тех, кто не очень дружен с физкультурой и спортом. Может быть, им поможет хотя бы приблизительное представление о том, как вести себя в случае, если помощи ждать не откуда. Поэтому мы предлагаем вашему вниманию новую рубрику «Сумей защитить себя», вести которую будет инструктор по рукопашному бою Владислав ШУРЫГИН.

ИЗБЕГАЙТЕ КОНФЛИКТОВ

Предложение вести в журнале раздел самообороны застало меня несколько врасплох. И, проанализировав эту свою растерянность, я пришел к выводу, что идет она от большой сложности задачи. Обучать рукопашному бою подготовленных людей достаточно просто и привычно. Однородный контингент — молодые крепкие мужчины, в большинстве своем военные или прошедшие армейскую закалку. И задачи, стоящие перед рукопашным боем, серьезно отличаются от тех, которые возникают, скажем, в конфликтной ситуации на улице. Поэтому для начала хотелось бы остановиться именно на этих особенностях, потому что многое, о чем будет говорить-

ся в дальнейшем, происходит из них.

Итак, особенность первая — индивидуализм. Искусство самозащиты нужно всем, молодым и старым, худым и полным, сильным и слабым. Мужчинам и женщинам. Одно это перечисление дает представление о том, что универсальных приемов или систем нет. Что является хорошим и удобным для одного человека, то совершенно не приемлемо для другого. И потому лучший совет тем, кто хочет серьезно научиться постоять за себя, — это предложение выбрать то, что ближе по духу, и прийти в спортивную секцию. К вашим услугам самбо и дзюдо, бокс и у-шу, айки-до и многое другое. Ни одна книга или наставление не заменит хорошего тренера.

Поэтому в нашем разделе не будет какой-то одной системы или проповеди какого-либо боевого искусства, стиля. Мы будем исходить из особенности второй — ситуационной.

К сожалению (а может, и к радости), уличные конфликтные ситуации во многом похожи друг на друга. Имеют частую общие завязки, развитие и, отметим с грустью, финал. Есть ситуации, в которых может оказаться только женщина. Есть «мужские» конфликты.

Поэтому обучение, а точнее — наши советы мы будем давать исходя из ситуации, которая может

возникнуть в той или иной обстановке. Самозащиту условно будем делить на мужскую и женскую. Вторая, понятно, будет рассчитана на физически более слабых людей.

Итак, перед началом несколько советов.

СОВЕТ ПЕРВЫЙ

В случае любой опасности прежде всего посмотрите вокруг. И если в поле зрения есть милиционер или военнослужащий, не постесняйтесь обратиться за помощью в экстремальной ситуации.

СОВЕТ ВТОРОЙ

Если есть малейшая возможность избежать конфликта, воспользуйтесь ею. Шутка, извинение, в конце концов просто проходной двор или оживленная улица — это реальный шанс избежать опасности.

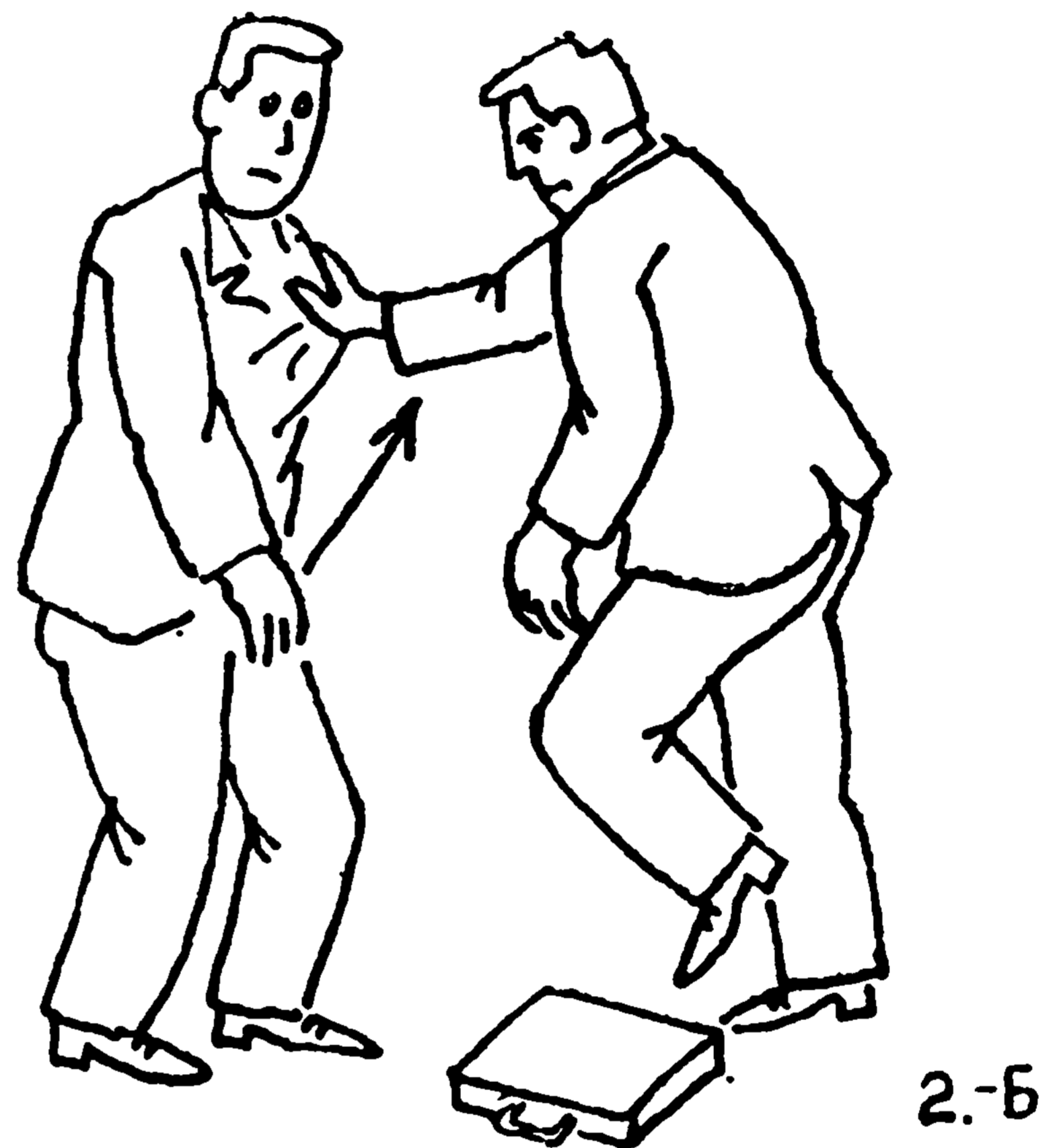
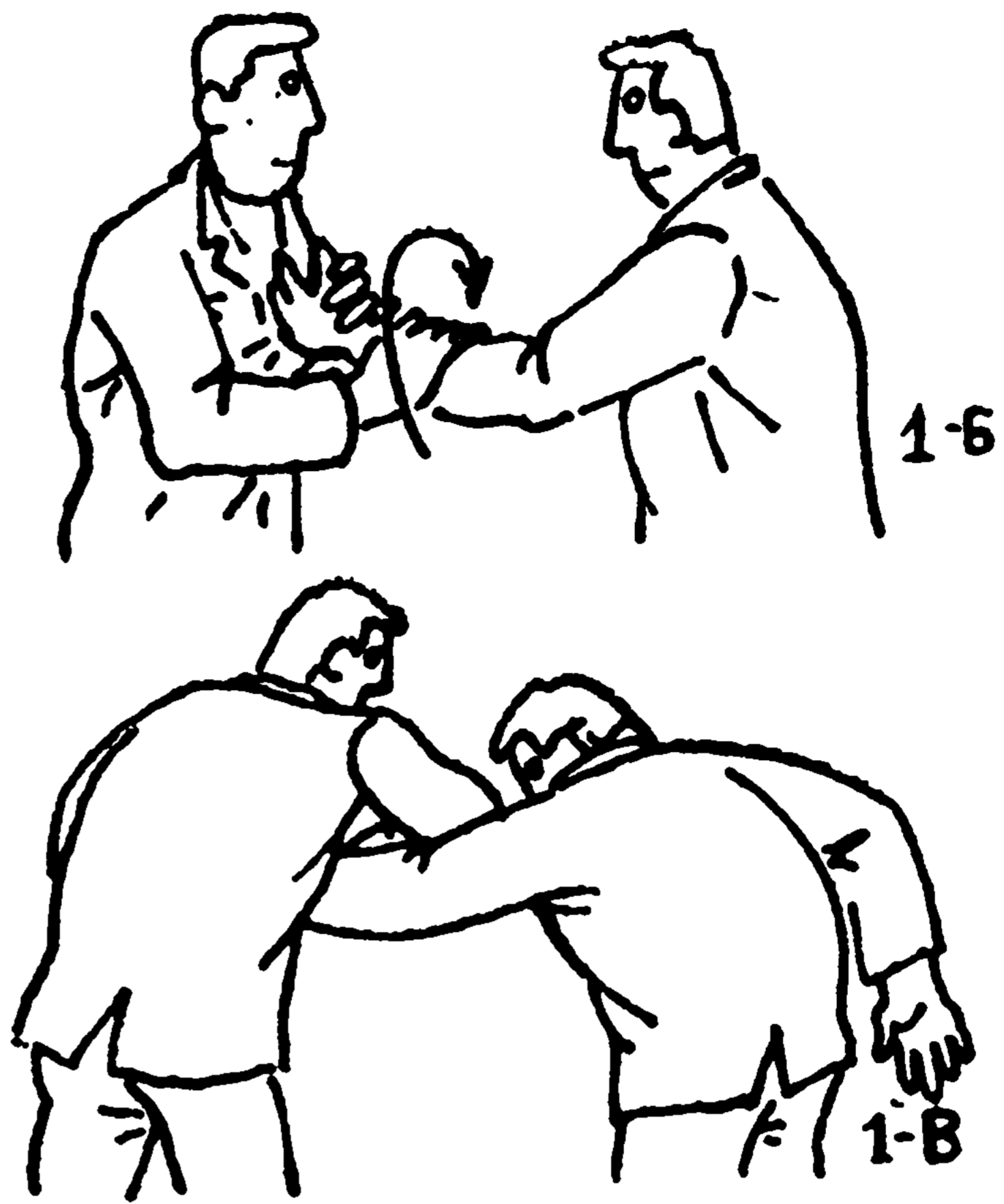
СОВЕТ ТРЕТИЙ

Пользуйтесь обстановкой и оценивайте ее. Избегайте криминогенных обстоятельств и ситуаций. Алкогольное опьянение, незнакомые, малонаселенные районы, полуночные, незнакомые компании — все это факторы риска.

СОВЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Если конфликта избежать не удалось и вы оказались в сложной ситуации, отбросьте сомнения. Вы сделали все, что могли, и теперь зло должно быть пресечено. Помните, закон на вашей стороне.

Сегодня мы разберем две первые ситуации, в которых вы можете оказаться.

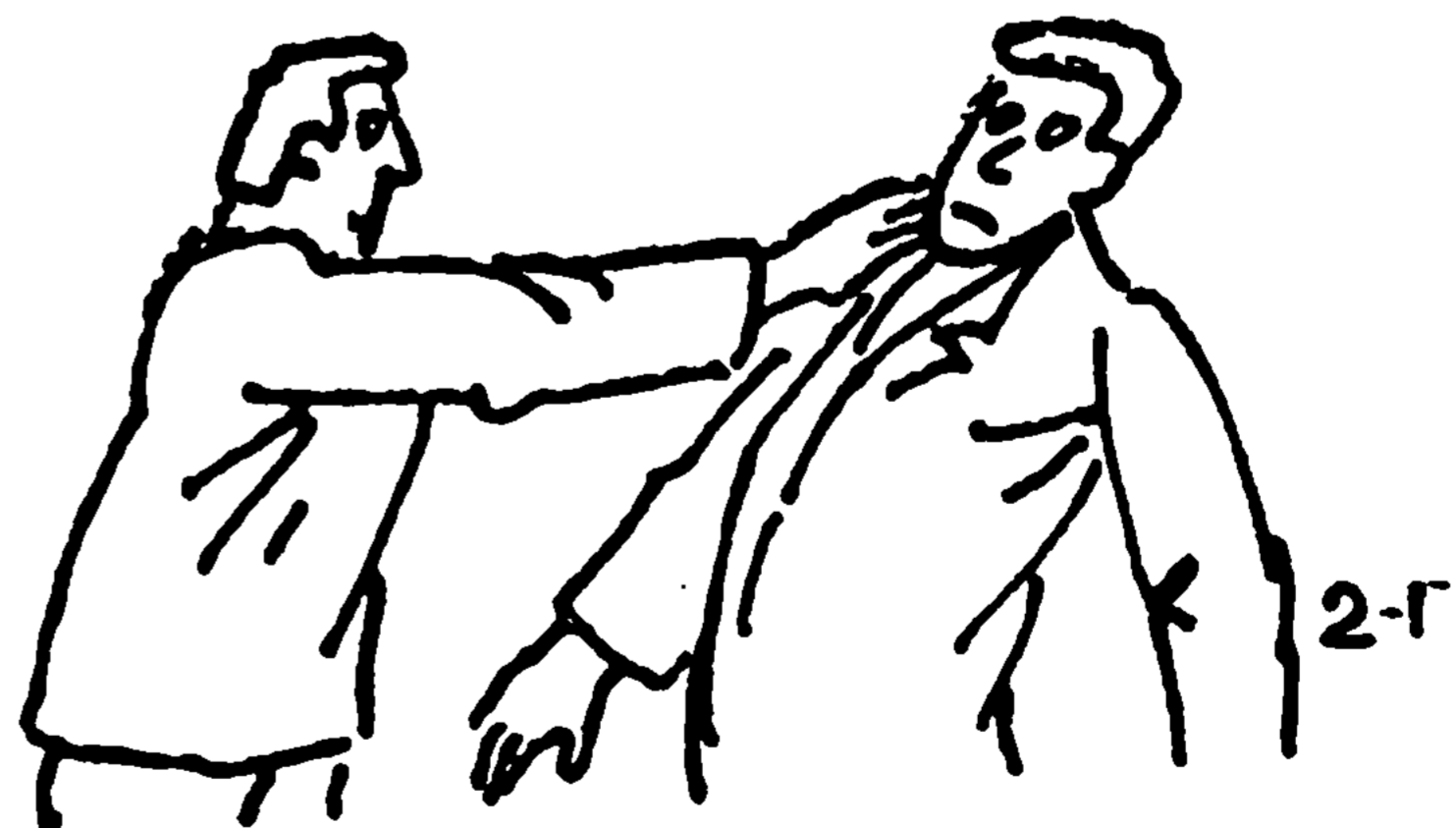
Конфликт первый. Хулиган, распоясавшись, хватает вас за отворот. Предлагаем два варианта.

Первый вариант, когда у вас есть возможность его задержать.

а) Удар дипломатом в пах и бросок портфеля в ноги нападавшему (при отсутствии в руках сумки или портфеля рекомендуем удар мыском обуви в надкостницу голени) (рис. 1—А).

б) Залом руки (рис. 1—Б, 1—В).

Второй вариант предлагаем применить в условиях дефицита времени и невозможности задержать хулигана.

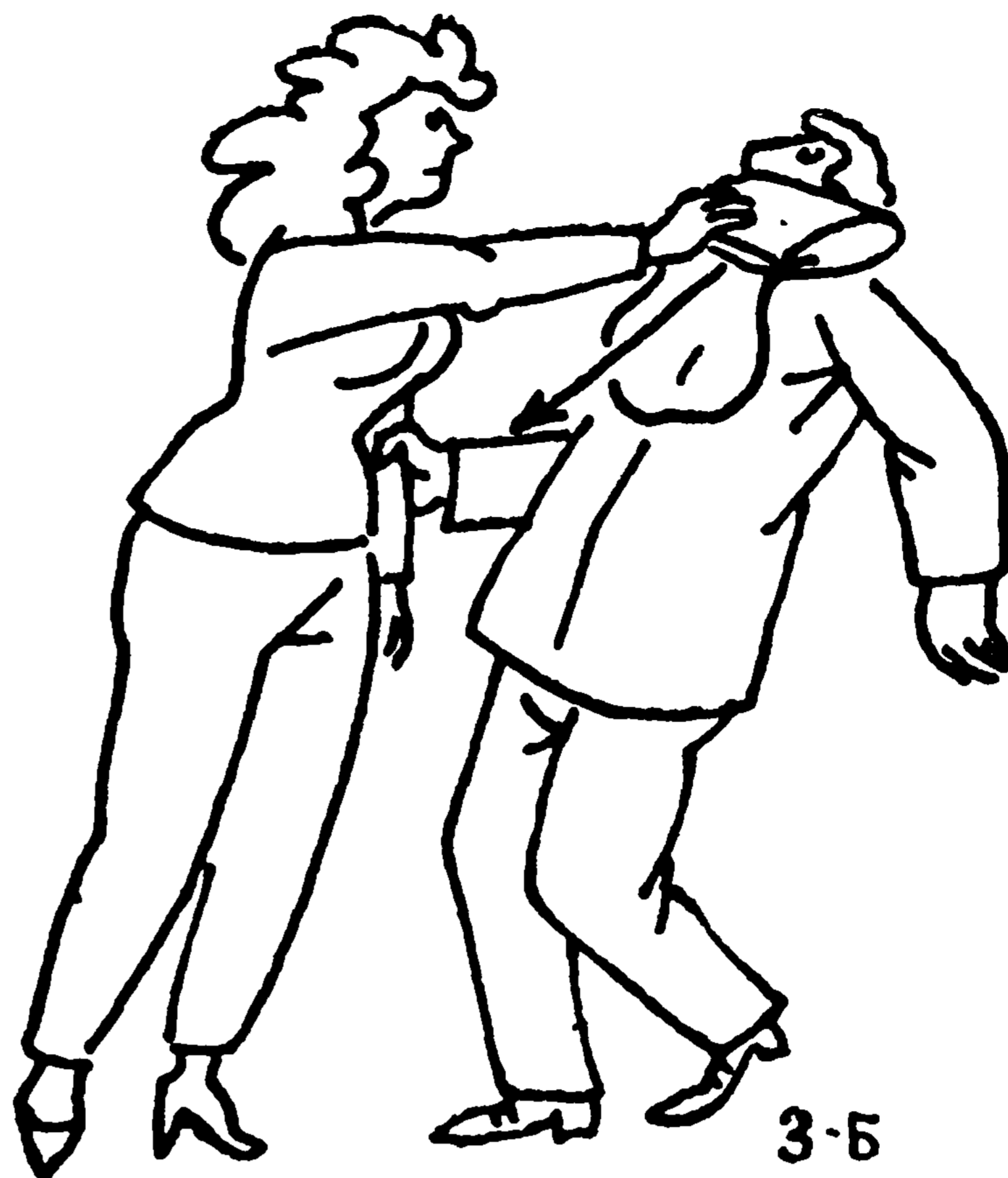

а) То же, что и при варианте 1 (рис. 2—А, 2—Б).

б) Сбив захватывающей руки и удар в шею (рис. 2—В, 2—Г).

3-А

3-Б

3-В

3-Г

Конфликт второй. Вас попытаются задержать за руку.

Первый вариант. Вас схватили за левую руку (рис. 3—А).

Если в руке есть сумочка, постарайтесь ею со всей силой ударить нападающего в голову или шею (рис. 3—Б) и ею же сорвать руку, ударив в сгиб локтя (рис. 3—В). Если в руке нет предмета, вам помогут ваши ногти и удар коленом в пах (рис. 3—Г).

Второй вариант. Вас схватили за правую руку. Предлагаем каблук сапога (зимний вариант) или шпилькой туфли ударить в стопу ноги или свободной рукой ударить нападающего в пах. Дамская сумочка в руке в этой ситуации становится очень грозным оружием.

В обоих случаях второго конфликта не лишним будет совет: после освобождения от захвата следует по возможности быстрее покинуть опасное место.

До следующей встречи.

В ИНТЕРЕСАХ СЕМЬИ И ИНВАЛИДОВ

Как известно, с 1 октября 1990 года по нормам и правилам новых пенсионных законов начали получать пенсии все инвалиды и участники войны. С 1 января нынешнего года к ним присоединились все те, кто получает пенсии по Закону СССР от 28 апреля 1990 года «О пенсионном обеспечении военнослужащих», а также пенсионеры, получающие по Закону от 15 мая 1990 года «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» социальные пенсии, пенсии по инвалидности с детства вследствие ранения, контузии или увечья, связанных с боевыми действиями в период Великой Отечественной войны либо с их последствиями, дети — круглые сироты, матери детей-инвалидов с детства I и II групп, участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Начали действовать все нормы этого закона, не касающиеся размеров пенсий. Повышаются на 5—40 рублей пенсии, назначенные до введения в действие Закона «О пенсионном обеспечении граждан в СССР».

В минувшем году наш журнал неоднократно публиковал материалы, в которых разъяснялись основные нормы новых пенсионных законов. Тем не менее анализ читательской почты показывает, что поток писем на эту тему не уменьшается.

Во многих письмах содержатся просьбы рассчитать будущие пенсии конкретным лицам. Их авторам мы должны сообщить, что редакция при всем желании сделать этого не может, поскольку не располагает документами, необходимыми для назначения, исчисления или перерасчета пенсии. Ответы на все вопросы подобного рода можно получить в районных (городских) отделах социального обеспечения, а при сомнении в их достоверности — в вышестоящих органах социального обеспечения.

Авторы же других писем просят еще раз прокомментировать те или иные нормы новых пенсионных законов. Эти вопросы редакция обобщила, и наш корреспондент обратился к одному из авторов предыдущих публикаций, кандидату юридических наук М. ПОЛУПАНОВУ, с просьбой дать необходимые разъяснения.

— «Как-то так получилось, что в публикациях о новом пенсионном законодательстве пишется преимущественно о пенсиях по возрасту. А что нового несут принятые законы пенсионерам-инвалидам?» Вопросы эти волнуют О. Краснову из Томска, М. Гусева из Курска, П. Хоменко из Тольятти, а Г. Черток из Одессы даже выражает неудовольствие, полагая, что в этой области, «видимо, мало что изменилось». Так ли это?

— Давайте разберемся. Что касается первой части вопроса, то здесь, видимо, упрек достаточно справедливый. Действительно, больше всего уделяют внимания тем новеллам, которые коснулись пенсий по возрасту. Но нельзя не учитывать того обстоятельства, что пенсионеров-инвалидов у нас 6,6 млн. человек,

а тех, кто получает пенсию по возрасту, более 44 миллионов. Естественно, что и вопросов здесь больше.

Что же касается существа дела, то надо сказать: новые пенсионные законы внесли достаточно крупные изменения и в правила пенсионирования по инвалидности. Возьмем условия возникновения права на этот вид пенсий. Если раньше, скажем, для возникновения права на пенсию по инвалидности до 23 лет мужчинам требовалось 2 года трудового стажа, то теперь — всего год. (Напомню, что в этот стаж включается и время учебы в вузах, техникумах, училищах; время ухода за инвалидом I группы, престарелым, достигшим 80-летнего возраста; время ухода неработающей матери за ребенком до трех лет и др.). При установлении инвалидности в 40 лет раньше для полной пенсии мужчинам требовалось 10 лет стажа, теперь — 7 и т. д.

Немаловажно также то, что требуемый стаж теперь определяется к моменту наступления инвалидности, а не ко дню обращения за пенсией.

Однако наибольшие изменения коснулись тех норм законов, которые устанавливают правила определения размеров пенсий. Если по старым правилам у рабочих и служащих основной размер пенсий по инвалидности I и II групп устанавливается в соотношении к величине соответствующей пенсии по старости и при общем заболевании не может превышать соответственно 100 и 90 процентов этой пенсии, то теперь пенсия по инвалидности I и II группы будет исчисляться в размере 55 процентов среднемесячного заработка, учитываемого при назначении пенсий. Если раньше пенсия по инвалидности III группы при общем заболевании на обычных работах назначалась в размере 45 процентов заработка до 40 рублей плюс 10 процентов оставшегося заработка, то теперь она будет исчисляться в размере 30 процентов ежемесячного заработка. А в случаях, когда у инвалидов I и II групп имеется трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по возрасту (в том числе и на льготных условиях), пенсия по инвалидности назначается в размере пенсии по возрасту с учетом всего имеющегося стажа работы.

Для того чтобы эти сухие цифры как-то ожили, из массы возможных примеров приведу всего два. Самых простых. Предположим, человек зарабатывает ежемесячно 250 рублей. Ему 53 года. Стаж с учетом учебы и службы — 34 года. При установлении ему III группы инвалидности от общего заболевания сегодня он будет получать пенсию 39 рублей (45 процентов от заработка 40 рублей плюс 10 процентов от оставшихся 210 рублей). С введением в действие Закона от 15 мая 1990 года размер этой пенсии будет 75 рублей (30 процентов от 250 рублей). Если этому человеку установят II группу инвалидности, то по действующим правилам пенсию ему будут выплачивать в сумме 120 рублей (максимальный размер). По новому закону он будет получать 160 рублей (55 процентов от 250 рублей — 137 рублей 50 копеек — основной размер плюс 9 процентов от 250 рублей — 22 рубля 50 копеек — увеличение за 9 лет стажа, превышающие требуемые 25 лет).

По Закону от 28 апреля 1990 года пенсии назначаются также в новых, более высоких размерах. Теперь они составляют: у инвалидов войны I и II групп — 75 процентов суммы денежного довольствия, инвалидов III группы — 50 процентов. У других инвалидов из числа военнослужащих — 55 и 30 процентов, соответственно. Здесь можно было бы отметить и то, что сняты ограничения максимального размера пенсий, повышен их минимум, установлено повышение пенсий по инвалидности участникам войны и некоторым другим категориям пенсионеров.

— Многие наши читатели просят помочь разобраться, в каких размерах будут начисляться надбавки к пенсиям по инвалидности по новым пенсионным законам. В частности, О. Алексеенко из Краснодарского края пишет: «Много раз прочитал статью 35 нового закона, но так и не понял, как же выглядят эти надбавки в рублях».

— Получить ответ на этот вопрос не так сложно, как, наверное, громоздко. Для этого необходимо внимательно изучить статьи 35, 40—41, 43—44, 120 Закона «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» и статьи 27, 33—34 Закона «О пенсионном обеспечении военнослужащих». Анализ этих статей и их взаимосвязь покажут, что и по одному, и по другому закону могут быть начислены (как по отдельности, так и вместе) две группы надбавок к пенсиям по инвалидности: 1) на нетрудоспособных иждивенцев — членов семьи и 2) на уход за самим инвалидом-пенсионером.

Первая из названных надбавок по обоим законам начисляется неработающим инвалидам I и II групп, имеющим на своем иждивении нетрудоспособных членов семьи, относящихся к кругу лиц, обеспечиваемых по нормам данного закона пенсиями по случаю потери кормильца. Это, в основном, дети, братья, сестры и внуки, не достигшие 18, а учащиеся ПТУ, техникумов и вузов — 23 лет или ставшие инвалидами до достижения 18-летнего возраста; отец, мать, муж, жена, достигшие пенсионного возраста либо являющиеся инвалидами; дедушки и бабушки, не имеющие лиц, обязанных содержать их по закону, и супруг, один из родителей либо дедушка, бабушка, брат или сестра, если кто-то из них не работает, потому что занят уходом за не достигшими 8-летнего возраста детьми, братьями, сестрами или внуками умершего кормильца. При этом на иждивенцев-инвалидов I группы, инвалидов с детства I и II групп и детей-инвалидов надбавка начисляется в размере 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту (сегодня — это 70 рублей). На инвалидов II группы, престарелых и детей — в размере 50 процентов минимальной пенсии по возрасту (35 рублей). А на инвалидов III группы — 30 процентов пенсионного минимума (21 рубль).

Надбавка на уход по Закону от 15 мая 1990 года начисляется: инвалидам I группы по зрению в размере минимальной пенсии по возрасту (70 рублей); всем другим инвалидам I группы и одиноким инвалидам II группы, нуждающимся в посторонней помощи, в размере 50 процентов указанного минимума (35 рублей).

По Закону от 28 апреля 1990 года названная надбавка начисляется: инвалидам войны I группы, инвалидам I группы по зрению и одиноким инвалидам войны II группы, нуждающимся в посторонней помощи, — в размере 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту (70 рублей). Всем остальным инвалидам I группы и инвалидам II группы, нуждающимся в посторонней помощи, — 50 процентов такого минимума (35 рублей).

Надбавки на иждивенцев и на уход могут начисляться одновременно. Однако надбавки на иждивенцев выплачиваются, если сам иждивенец не получает соответствующей социальной пенсии.

Здесь уместно также напомнить, что наряду с надбавками пенсии по инвалидности участникам Великой Отечественной войны, назначаемые по Закону от 15 мая 1990 года, увеличиваются на 25 процентов минимальной пенсии по возрасту, то есть на 17 рублей 50 копеек.

— Кстати, об учащихся ПТУ, техникумов и вузов. Многие читатели хотели бы уточнить: они считаются нетрудоспособными до 18 или до 23 лет. А то «даже у работников органов социального обеспечения нет единства по этому вопросу», — пишет в редакцию москвичка Т. Коновалова. Что им можно ответить?

— Да, вопрос, что называется, на засыпку. Дело в том, что, говоря строго, статья 40 Закона от 15 мая 1990 года к нетрудоспособным членам семьи относит детей, братьев, сестер и внуков при условии, что они либо не достигли 18 лет, либо стали инвалидами до достижения этого возраста. Однако для учащихся профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений сделано исключение в том смысле, что они имеют право на получение пенсии по случаю потери кормильца до окончания указанных учебных заведений, но не более чем до достижения ими 23-летнего возраста. В Законе же от 28 апреля 1990 года эти категории учащихся прямо названы в качестве нетрудоспособных членов семьи (пункт «а» статьи 33).

Мне представляется, что и в том, и в другом случае законодатель имел в виду одно и то же, а именно: эти члены семьи рассматриваются нетрудоспособными только в том смысле, что на них нужно выплачивать пенсию по случаю потери кормильца, поскольку они по уважительным, с точки зрения общества, причинам не имеют своего заработка как основного источника существования. Поэтому, видимо, будет совершенно правильным и вывод, что на учащихся ПТУ, техникумов и вузов до достижения ими 23-летнего возраста должны начисляться и предусмотренные законом надбавки к пенсиям по инвалидности.

— Н. Сизов из Красноярска просит уточнить, каков все-таки минимальный размер пенсий по инвалидности слепым. По его словам, в одних консультациях называется цифра 70 рублей. В других — вдвое большая. Где истина?

— Здесь необходимо иметь в виду вот что. В соответствии со статьей 31 Закона от 15 мая 1990 года и статьей 24 Закона от 28 апреля 1990 года пенсия по инвалидности по зрению I группы (слепым) не может быть менее 100 процентов минимальной пенсии по возрасту (на сегодня — 70 рублей). Но в обоих законах содержатся статьи, предусматривающие инвалидам I группы по зрению надбавку к пенсии по инвалидности на уход. Размер этой надбавки в обоих случаях также 100 процентов минимальной пенсии по возрасту. Таким образом эта категория инвалидов не может получать пенсию менее 140 (70+70) рублей.

— У нас в стране, как известно, действует широкая сеть предприятий и цехов, специально предназначенных для использования труда слепых. В связи с этим возникает вопрос: если инвалид I группы — слепой будет работать и приобретет право на пенсию по старости, то тогда надбавка на уход как пенсионеру по инвалидности ему же не будет положена?

— Во все нет. Право на эту надбавку инвалид потеряет только в том случае, если он вообще предпочтет получать пенсию не по инвалидности, а по возрасту. В принципе это возможно. В соответствии со статьей 6 Закона от 15 мая 1990 года человек, имеющий одновременно право на различные государственные пенсии, может выбрать любую из них по своему усмотрению. Однако в данном случае это нецелесообразно, поскольку по названному закону основной размер пенсии по инвалидности I и II групп и пенсии по возрасту определяется одинаково (55 процентов от среднемесячного заработка).

Согласно статье 31 Закона инвалиды I и II групп, имеющие трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по возрасту (в том числе и на льготных условиях), могут получать пенсию по инвалидности в размере пенсии по возрасту. Это правило установлено для того, чтобы инвалиду при наличии соответствующего трудового стажа не требовалось дожидаться общеустановленного пенсионного возраста и он мог бы получать пенсию с повышением ее основного размера на 1 процент за каждый полный год работы сверх 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин (что предусмотрено при исчислении пенсий по возрасту, но не применяется при пенсионировании по инвалидности). Природа пенсии в этом случае не меняется, из пенсии по инвалидности пенсией по возрасту она не становится. Поэтому надбавки, предусмотренные к пенсиям по инвалидности, здесь должны начисляться, а к пенсиям по возрасту — нет.

Например: инвалид-слепой проработал в соответствующем производстве 27 лет. Среднемесячный заработок — 180 рублей. Пенсия по инвалидности ему будет исчислена в размере пенсии по возрасту, то есть в размере 57 процентов от заработка (55 процентов — основной размер пенсии, плюс два процента за превышение на два года требуемого стажа). Итого: 102 рубля 60 коп. — основной размер пенсии плюс 70 рублей — надбавка на уход. Всего 172 рубля 60 коп.

— Как известно, пенсии, назначенные до введения в действие Закона от 15 мая 1990 года, при перерасчете повышаются до установленных им размеров с начислением соответствующих надбавок, но не менее чем на 5—40 рублей в зависимости от числа лет пребывания на пенсии. В редакционной почте часто встречаются письма, авторы которых, участники Великой Отечественной войны,

сетуют на то, что при решении этого вопроса учитываются все надбавки, в том числе и на уход, и на иждивенцев. Ведь эти надбавки могут носить временный характер — дети вырастут, старики умрут, здоровье, к счастью, улучшится. И получится так, что пенсионер и возможность повышения не приобрел, и надбавку потерял.

— Такие опасения напрасны. При наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение выплаты надбавок, пенсия пересматривается без их учета. Но размер пенсии в каждом конкретном случае не должен быть ниже того, который был бы исчислен до введения в действие нового Закона с учетом предусмотренного повышения на 5—40 рублей в зависимости от числа лет пребывания на пенсии.

Поскольку все это людям, далеким от пенсионных дел, наверняка кажется китайской грамотой, поясню на конкретном примере.

Участнику войны с 1 февраля 1970 года была назначена пенсия в максимальном размере 120 рублей, а у него сейчас на иждивении дочь-студентка. С 1 октября прошлого года пенсию ему выплачивают в сумме 192 рубля 50 коп. (140 рублей — основной размер пенсии в соответствии с его заработком и стажем плюс 35 рублей — надбавка на одного нетрудоспособного члена семьи плюс 17 рублей 50 копеек — повышение как участнику войны). Увеличение на 30 рублей за 21 год пребывания на пенсии в данном случае не производится, поскольку новый размер пенсии с надбавкой на дочь превысил прежний более, чем на эту величину.

В июле дочь получает диплом, и надбавку на нее к пенсии отца выплачивать перестанут. Но это не означает, что и общий размер пенсии уменьшится на эти 35 рублей. Нет. Пенсия теперь будет пересчитана с учетом ее повышения за 21 год «пенсионного стажа», и общий ее размер составит 167 рублей 50 коп. (120 рублей плюс 30 рублей за годы пребывания на пенсии плюс 17 рублей 50 коп. как участнику войны).

— «Слышала, что с 1 января этого года матери детей-инвалидов с детства должны получать какую-то особую пенсию», — пишет наша постоянная читательница из Ставрополя Л. Кошоева. Она просит более подробно рассказать, что это за пенсия и кто ее может получать.

— Сведения, которыми располагает автор письма, не совсем соответствуют действительности. Специальной, особой пенсии матерям инвалидов с детства новые законы не устанавливают. Новые пенсии (социальные) в соответствии со статьей 119 Закона от 15 мая 1990 года предусмотрены как раз для самих инвалидов с детства I и II групп, а также для детей-инвалидов до 16 лет по специальному перечню медицинских показаний.

Для матерей, имеющих детей-инвалидов с детства I и II групп, этим Законом установлены новые льготы: с 1 января этого года они имеют право получать пенсию по старости не с 55, как это было предусмотрено законодательством, а с 50 лет. При этом в трудовой стаж им будет засчитываться и время, в течение которого они не работали и ухаживали за ребенком-инвалидом до достижения им 16-летнего возраста, а если ему затем будет установлена I группа инвалидности, то весь такой период засчитывается в полном объеме независимо от возраста ребенка.

— Л. Чистякову из города Ельца интересуется вопрос, правда ли, что пенсия по случаю потери кормильца по новым законам может быть больше, чем заработок умершего работника?

— Да, это возможно. В соответствии со статьей 47 Закона от 15 мая 1990 года и статьей 39 Закона от 28 апреля 1990 года пенсии по случаю потери кормильца будут по новым правилам назначаться в размере 30, а в случае смерти кормильца из числа военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, умерших вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей), либо вследствие заболевания, связанного с пребыва-

нием на фронте или выполнением интернационального долга в странах, ведущих боевые действия, — 40 процентов заработка или денежного довольствия.

Естественно, что при наличии в семье нетрудоспособных иждивенцев пенсия по случаю потери кормильца, назначенная по этим правилам, может превышать заработок умершего. Например, в семье четверо детей. У мужа, средний заработок 350 рублей, у жены 230 рублей. Муж умер. Поскольку пенсия по случаю потери кормильца выплачивается полностью независимо от заработка другого родителя, в данном случае матери, она на каждого ребенка будет назначена в сумме 105 рублей (30 процентов от 350 рублей). В сумме ее размер будет равен 420 рублям (105 рублей \times 4).

— Бывший колхозник В. Ильин из Тамбовской области пишет, что пенсия по старости ему была назначена в апреле 1966 года, когда ему исполнилось 65 лет. Сейчас она составляет 87 рублей. Василия Тимофеевича интересует вопрос, какая прибавка ему положена и должны ли ему в пенсионный стаж засчитывать те пять лет, на которые в 1966 году пенсионный возраст колхозников превышал тот, который был установлен, как он выразился, «трудящимся городским».

— Не сомневаюсь, что Василию Тимофеевичу уже выплачивают пенсию в размере не ниже 117 рублей, поскольку он находится на пенсии свыше 24 лет, а в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 мая 1990 года «О порядке введения в действие Закона СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» тем, кто пребывает на пенсии от 20 до 25 лет, с 1 января этого года пенсии повышаются на 30 рублей.

Если бы В. Ильин к 1 января нынешнего года находился на пенсии более 25 лет, тогда ему пенсия была бы повышена на 40 рублей. И вполне понятен его вопрос: нельзя ли в стаж пребывания на пенсии засчитать и те пять лет, на которые колхозникам когда-то пенсию по старости назначали позже, чем рабочим и служащим. Однако ответить на этот вопрос я могу только отрицательно, потому что такого правила в новом пенсионном законодательстве, увы, не содержится.

— А если так случится, что к 1 января 1991 года у кого-то будет равно двадцать пять или двадцать лет пенсионного стажа?

— Тогда нет и вопроса. Если к 1 января 1991 года у человека уже будет 25 или 20 лет пребывания на пенсии, ему без всяких сомнений будет прибавка соответственно 40 или 30 рублей. Более того, даже если именно 1 января 1991 года у кого-то исполнится 25 или 20 лет, то все равно прибавятся эти же суммы, поскольку в законе записано: «до 5 лет», «от 5 до 10 лет», «от 10 до 15 лет» и т. д. Другой вопрос, если у кого-то не будет хватать одного-двух дней до этих пределов. Вот им будет обидно: 25 и больше лет — прибавляется к пенсии 40 рублей, а на один день меньше — и уже 30 рублей; от 20 до 25 лет — 30 рублей, а на один день меньше 20 лет — уже 20 рублей. И ничего тут не поделаешь. Таково уж свойство всех норм о льготах. В них всегда есть тот конкретный человек, на котором льгота заканчивается, и всегда есть следующий, кому до нее не хватает самой малости.

— И наконец, самый распространенный в последнее время вопрос. По нормам какого закона — союзного или российского — будут назначаться пенсии всем живущим в РСФСР. Ведь Верховный Совет Российской Федерации 20 ноября 1990 года принял свой собственный, отличный от союзного, пенсионный закон. Нам пишут встревоженные письма по этому поводу лесозаготовители из Братска, строители из Красноярского края, моряки-промысловики из Мурманска и даже рабочие-пенсионеры из Калуги. Все они обеспокоены, не ухудшатся ли условия их пенсионного обеспечения с принятием этого закона. Можно ли их успокоить?

— Вопрос не простой. Как юрист я в таких ситуациях могу лишь сказать, как должно быть по закону. По закону вообще. В самом общем его смысле. А смысл такой: в соответствии со статьей 74 Конституции СССР, подчеркну Основного Закона, все законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных

республик и в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР. Это может кому-то нравиться, кому-то не нравится, но если мы собираемся всерьез строить правовое государство, отступить от этого нельзя.

Ну давайте себе представим такую вполне реальную ситуацию. В статье 14 Закона СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» женщинам-дояркам, свиарям-операторам, например, предоставлено право уйти на пенсию по возрасту на 5 лет раньше при наличии соответствующего специального стажа. По этому поводу на заседании Верховного Совета СССР была острейшая, многочасовая дискуссия. Весь народ слышал и наблюдал ее. А в российском пенсионном законе этой льготы не содержится. И вот приходит такая женщина в райсобес где-нибудь на территории великой России, а ей говорят: «Извините, но ничего такого вам не положено». Что человек в этом случае будет делать? Правильно, звонить во все колокола и стучаться во все двери. И рано или поздно дойдет до тех органов, которые по закону должны этот спор разрешить. А как его разрешить, если есть два взаимоисключающих законодательных решения? Только одним способом — одно из этих решений должно быть признано имеющим, как говорят юристы, большую правовую силу. И сегодня эту большую правовую силу Конституция СССР отдает союзному закону. Значит, спор этот может быть решен только в пользу работника. Если решить по-иному, значит все наши разговоры о правовом государстве лишь пустое сотрясение воздуха.

— Так, может, тогда российский пенсионный закон вообще не более, чем пустая бумага?

— Вовсе нет. В соответствии со статьей 129 Закона от 15 мая 1990 года союзным и автономным республикам предоставлены широкие права в сфере улучшения социального обеспечения населения. В пенсионном обеспечении, в частности, они могут за счет соответствующих республиканских бюджетов устанавливать: доплаты к минимальному размеру пенсий, гарантируемому Союзом ССР, ко всем видам государственных пенсий в соответствии с изменением стоимости жизни и ростом заработной платы в республике; надбавки на уход к пенсиям одиноких пенсионеров, нуждающихся в посторонней помощи; более льготные по сравнению с союзным законом условия выплаты пенсий работающим пенсионерам, а также выхода на пенсию по возрасту для женщин, имеющих детей, с учетом демографической ситуации. Поэтому все новеллы подобного рода нужно, безусловно, считать правомерными.

Что же касается тех норм российского пенсионного закона, которые ухудшают по сравнению с общесоюзным законодательством положение граждан в сфере пенсионного обеспечения и о которых, по-видимому, ведут речь обеспокоенные авторы писем, то вывод здесь очевиден — Верховному Совету СССР, Президенту СССР и другим компетентным органам придется принимать имеющиеся в их распоряжении меры, направленные на обеспечение действия союзного пенсионного законодательства и соблюдение законных прав и интересов всех советских граждан.

Вероника Кононенко

Где почерпнуть вдохновение...

В конце января 1943 года перешедшие в наступление бойцы Ленинградского и Волховского фронтов по-братски обнялись: блокада Ленинграда была прорвана. Память о славных защитниках Ленинграда пребудет вечно. И сегодня мы обращаемся к почти еще неисследованным страницам истории блокады. Расскажем о церкви и верующих, которые сделали все, чтобы укрепить духовное сопротивление сограждан.

Алексий погасил свечу и подошел к окну. Прикоснулся рукой к стене — ледяная. Черный толь маскировки стал жестким, как желье. Ноябрь, а на улице — минус тридцать. В храме чуть-чуть теплее. Собор промерз — батареи на лестницах давно застыли. Если бы не печь в его покоях на третьем этаже, пришлось бы совсем туго. Конечно, кабинет не отопишь, он слишком велик, и все же, пока в печи держится тепло, здесь можно работать, сидя за письменным столом, или читать стоя, прижавшись к нагретому кафелю. Да, дрова, кажется, на исходе и где их достать — неизвестно. С продуктами тоже плохо... Сестра, что ведет хозяйство, никогда не далала запасов, а по карточкам норму опять снизили... Но голода он не боится: к скудной пище привык — с тех пор, как стал иноком. Привыкнет и к холоду. И не уйдет отсюда, что бы ни случилось! Так велит долг и его убеждения...

От окна пахнуло морозом. Сразу же охватил озноб. Он плотнее затянул шарф, поднял воротник шубы и с трудом отогнул маскировку. Долго стоял у окна, всматриваясь в ночь. Привыкнув ко тьме, глаза его начали различать запыленные снегом улицы, всю в инее колокольню собора, черную гладь канала в гранитных берегах, перспективу домов. Все было пусто и немо. Казалось, перед ним не город — кладбище, тишина вокруг звенящая, настороженная. Где люди, где жизнь? Все замерло, затаилось, исчезло. Только треснет вдруг

сломанная морозом ветка...

В памяти вспыхнули зловещие слова Гитлера, их привел Алексей Толстой, выступая на митинге в Москве: «Славяне, как расовый отброс, недостойны владеть своими землями — они должны отойти в руки германских господ». «Славяне — масса рабов...» Митрополит содрогнулся. «Господи,— прошептал он,— спаси и сохрани этот город, спаси и сохрани мой народ!» В мозгу его билась, постоянно повторяясь одна и та же мысль: «Нельзя проиграть эту войну! Фашистское иго будет страшнее татарского. Нас станут уничтожать методично и зверски. Погибнет все, что накоплено веками: культура, храмы, язык. Речь идет о судьбе нации. Нам нельзя проиграть эту войну!..»

Глаза его были сухи. Нет, он не позволит себе впасть в уныние! Будет сражаться всеми доступными ему средствами. Слово многое может. И не только слово. Он укрепит паству своим примером. Все вытерпит и научит этому других. Он не один — с ним вся Русская православная церковь.

Алексий наизусть помнил слова, с которыми на второй день войны обратился Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей к пастырям и пасомым России: «Не в первый раз,— писал он,— русский народ переживает нашествие иноплеменных, не в первый раз принимать ему и огненное крещение для спасения родной земли. Героизм наших современников глубокими историческими корнями восходит к прошлому народа. Мы победим потому, что века истории воспитали доблесть славянства, потому что было у нас Ледовое побоище, Куликово и Бородинское поле. Нам есть где почерпнуть вдохновение. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге своем перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же и мы их славного имени!»

Помнил он и то, что сказал Сергей 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе Москвы на молебне о даровании победы. Он предостерегал от малодушия, просил всех свято хранить заветы предков и всемерно содействовать обороне страны. «Родина в опасности. Спасите ее от иностранного порабощения. Все в ряды, все на защиту земли, ее святынь и ее независимости! Изменникам не будет пощады!» С ними поступят так же, как с епископом Владимиро-Волынским. Поликарп Сикорский встал на путь сотрудничества с врагом, и Сергей заклеил его позором, а тем, кто попал под влияние предателя, напомнил, что «кроме слов увещевания вручен ему духовный меч для строгого вразумления». Поликарп Сикорский был лишен сана и монашества, а также всякого духовного звания. В отлучении изменника от церкви принял участие и он, митрополит Ленинградский и Новгородский, Алексей.

Гитлеровские войска рвались к столице и городу на Неве. Глубокий старик, тяжело больной Сергей вынужден был уехать в Ульяновск. Вместо него в Москве остался митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. В самые грозные дни он ездил по церквам прифронтовой полосы, призывал верующих помогать Красной Армии, сопротивляться врагу.

Сомкнулись клещи блокады Ленинграда. Начались страшные бомбежки, голод. И тогда в обкоме партии митрополиту предложили вылететь на самолете в Ульяновск, куда его не раз уже приглашал Сергей. «Нет, никуда не уеду»,— решил Алексей. Что бы ни случилось. Он здоров и еще полон сил. В дни великих испытаний его долг остаться на посту, разделить страдания своего народа, поддержать дух паствы.

Опустив штору, Алексей возвратился к столу. Во мраке храма снова затеплился огонек. Он придвинул к себе свечу, поднес к огню замерзшую чернильницу, согрел руки и вывел первую строку своего послания.

«Патриотизм русского человека,— писал Алексей,— ведом всему миру. Кажется, ни на одном языке рядом со словом «Родина» не поставлено слово «мать», как у нас. Мы говорим не просто «Родина», но мать-Родина. Как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для русского человека слов! Он бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех

стран мира. Ему особенно свойственна тоска по Родине. В разлуке он думает о ней, постоянно о ней мечтает. Когда Родина в опасности, в сердце русского человека разгорается особая любовь. Он рвется в бой за Отчизну, проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Для русского человека защита Отечества не просто священный долг, который он готов беспрекословно выполнить, это непреодолимое веление его сердца, порыв любви, который он не в силах остановить. Во все времена русские грудью вставали на защиту Отечества. Так и сейчас. Недавно я видел совсем маленького мальчика, который потушил четыре зажигательные бомбы, утешил старика, который плакал, потому что его не записали в добровольцы...»

Митрополит отложил ручку, задумался. Впереди ждут темные, холодные, полные мук дни. Но ему есть в ком черпать вдохновение, есть на кого опереться. С ним его прошлое, его предки.

Алексий принадлежал к дворянскому роду Симанских, который насчитывал уже более четырех сотен лет. Родился он 28 октября 1877 года в Островском уезде Псковской губернии, в имении, расположенном на берегу реки Великой. Родители нарекли его в честь Сергия Радонежского. Мальчику в будущем предстояло стать или военным, или государственным деятелем, так как все члены династии Симанских занимали высокие государственные посты или командные должности в вооруженных силах России. Они были истинными патриотами Отечества и свято выполняли перед ним свой долг.

Один из пращуров Сергея, Александр Лукич Симанский, в екатерининскую эпоху был вице-адмиралом, участвовал в далеких морских походах в Белом, Балтийском и Черном морях. Командуя кораблем «Мадонна», он отличился в схватках с врагом и был награжден орденом Святого Георгия 4-го класса.

Сподвижник А. В. Суворова Александр Симанский строил фортификационные сооружения на шведской границе и не дожидаясь двух лет до Отечественной войны 1812 года. На поле брани пошел его сын Лука Александрович. Он был ранен под Бородино. В 1823 году генерал-майор Л. Симанский, которого хорошо знали и ценили фельдмаршал Кутузов и генерал Ермолов, организовал школу военных прапорщиков, стал первым руководителем и попечителем этого учебного заведения. В 1828 году Лука Александрович пал смертью храбрых во время атаки турецких позиций под Варной. Только мертвым он сдался в плен. Изуродованное турками тело своего командира солдаты отбили у врага в тяжелом бою.

Многие из рода Симанских участвовали и в первой мировой войне. Один из них, командир корпуса, был удостоен высокой награды — ордена Александра Невского. Дед Сергея служил в Сенате, был генералом. Однако отец избрал другой путь — решил стать юристом.

Владимир Андреевич Симанский получил блестящее образование. Его домашними учителями были лучшие педагоги того времени. Гимназический курс с ним проходили историк В. О. Ключевский, составитель русской грамматики Сосницкий и автор известного учебника математики Буренин. Семья была близка с Филаретом Петровичем Мусоргским, братом великого композитора.

После окончания юридического факультета университета Владимир Симанский был пожалован званием камергера Высочайшего двора, участвовал в похоронах Александра II и торжественной коронации Александра III. Однако отцу Сергея не очень хотелось прислуживать при дворе, поэтому он скоро стал хлопотать о должности правителя дел московского Воспитательного дома и вскоре получил ее. Потом долгие годы жил за границей. Но на чужбине не остался. Вернулся в Россию. Когда началась революция, родители Сергея Владимировича остались в Петрограде. Прах их покоится в Александро-Невской лавре, в родной земле.

Сын сначала пошел по стопам отца — закончил юридический факультет Московского университета. Потом его призвали в армию. Сергей служил вольно-

определяющимся гренадерского самгойтского полка, получил звание прапорщика. После армии богатого, красивого, прекрасно образованного юношу ждало блестящее будущее. Родители хотели видеть его государственным деятелем, но Сергей решил иначе: поступил в Духовную Академию, стал кандидатом богословия. Затем в пещерной церкви Гефсиманского скита в Троице-Сергиевой Лавре постригся в монахи, приняв имя Алексия.

Во время первой мировой войны епископ Тихвинский Алексий напутствовал уходящих на фронт, облегчал страдания раненых. Теперь он будет делать то же самое. Но не просто облегчать страдания, а разделять их.

На черном куполе неба растаяли облака, и в центре опрокинутой над городом чаши, как прожектор, зажглась луна. Алексий этого не видел, но знал, что каждую ночь она поднимается сюда, чтобы озарить город ярким, предательским светом. И тотчас вой сирены вспорол тишину. Загрохотали зенитки. Надсадный рев бомбардировщиков приближался к собору. Раздались взрывы снарядов и бомб. Потом все стихло. И вдруг страшный удар потряс здание храма. Взрывная волна ударила в окна, сорвала маскировку и задула свечу. Послышался звон осыпающегося стекла. Всполохи пожара осветили кабинет. Симанский замер в своем кресле. Потом встал и молча смотрел, как рядом горел дом. И вдруг где-то совсем близко раздался оглушительный взрыв. Алексий отпрянул от окна, и в этот момент собор вздрогнул от второго взрыва, что-то просвистело над головой Алексия. Он нагнулся и подобрал в углу кабинета три осколка — подержал на ладони искаженные кусочки металла и небрежно бросил их в ящик письменного стола. Светало. Пора было собираться к службе.

Огонь в печи погас. Алексий пожевал кусочек хлеба, запил холодным чаем, облачился в рясу, поддев под нее меховую безрукавку, и стал медленно спускаться с хоров третьего этажа. В зимнем храме Никольского собора его уже ждали люди. Пора было начинать службу.

На бледном лице митрополита неистово горели огромные глаза. Лицо его всегда поражало мужеством и вдохновением, сегодня же оно излучало особую силу и свет. Легкая, сухая фигура словно устремилась ввысь. Никто не мог отвести от него взгляда.

— Братья и сестры! — проговорил он, обращаясь к собравшимся, — какие бы несчастья ни посетили нас в этой борьбе, мы будем твердо верить в победу. Среди всех испытаний, среди всех ужасов войны мы не дрогнем душой. Сомкнем свои ряды, постоим за Родину, за ее честь, отыщем ей славу и свободу! А если придется погибнуть в этой борьбе, завещаем детям и внукам нашим любить Отечество больше жизни и, когда придет их черед, постоять за него и спасти его! Призываю благословение Божие на град сей, на братьев сопастырей моих. Помолимся вместе о наших дорогих воинах и о павших в боях за Родину, увенчанных за подвиг свой венцом славы!

Затаив дыхание, слушали прихожане страстный призыв Алексия. Ослабевшие поднимали головы, согбенные расправляли плечи. Мужчины и женщины, старые и молодые сплотились теснее, словно почувствовали себя в едином строю. Это была уже не толпа, пришедшая сюда за помощью и поддержкой. Это были люди, сами способные помочь Родине в ее страшный час.

ЗАЩИТИ, ЗАЩИТИ!

Передо мной сидит симпатичная, очень домашняя женщина с добрым, мягким лицом. Ее глаза все время меняют свое выражение, и сама она постоянно меняется: то волевая и энергичная, то задумчивая и уже не молодая. Впрочем, я все время думаю: что же такое молодость? Наверное, умение каждый раз открывать в жизни что-то новое, удивляться ему. У некоторых эта способность не проходит с годами, для них не тускнеют краски бытия, душа не устает трудиться, радоваться и огорчаться. Такова Мария Васильевна Долгинская. А стареет она, когда рассказывает о юности. Нет, не стареет даже, преображается —

из уютной и мягкой становится суровой и строгой, напряженной, как натянутая струна.

Ее молодость оборвалась в тот день, когда началась война. Нет, еще раньше — когда по навету арестовали отца, священника маленькой церквушки на Волковом кладбище в Ленинграде. Много лет спустя его реабилитируют, но это будет потом, а тогда Маше как дочери «врага народа» пришлось расстаться с мечтой о консерватории. Удалось только закончить музыкальное училище по классу скрипки. У нее был прекрасный голос, и, чтобы прокормиться, девушка начала петь в хоре Преображенского собора, что на углу Пестеля и Литейного. Вышла замуж, родила ребенка, но и семью ее разметала война.

Мария Васильевна показывает мне фотографию — балтийский моряк в бескозырке, широкою грудь туго обтягивает полосатая тельняшка. Достает коробочку с орденами. Она бережно хранит в ней награды мужа — орден Красной Звезды, медаль адмирала Ушакова.

Дьякон Преображенского собора, Иван Иванович Долгинский, был призван во флот на второй день войны. Плавал на буксирах, переделанных в тральщики, выживал фашистские мины в Балтийском море и Финском заливе, защищал Кронштадт. Был контужен, но скоро вернулся на свой корабль.

В первую блокадную зиму его тральщик вместе с другими кораблями стоял на Неве у Петровского острова. Долгинский ходил в Дом Красной Армии за почтой для экипажей судов и по дороге на Литейный забегал к семье на улицу Рубинштейна, приносил обед — суп и немного каши. Позднее Иван Иванович рассказывал, что боялся: не выдержит, умрет по дороге. Моряки в Ленинграде получали тогда тыловой паек, голодали, как все блокадники, а он еще отрывал от себя для семьи. Товарищи заметили, что Ивана шатает от слабости, и начали украдкой совать в его мешок кто что мог. Добравшись до дома, он находил в мешке завернутый в тряпку обмылок, кусочек сахара или лепешку из дуранды. И все же настало такое время, когда он больше к семье заходить не смог — началась дистрофия. Нет, моряк выдюжил, долго потом воевал, после войны восстанавливал флот, работал на заводе, а вот маленькая дочь его Таня погибла...

В ту страшную зиму из ста певчих Преображенского собора осталось двадцать. Первыми, как и в Никольском, умирали мужчины. Но и женщины тоже начали сдавать. Наверное, погибла бы и Маша со свекровью — те, кто получал иждивенческие карточки, выживали редко. Спасибо Клавдии Михайловне, у нее был железный характер — свекровь делила хлеб на несколько частей, не разрешая невестке съесть всю пайку сразу. А тут еще случилось чудо: в самые страшные дни, когда хлеба совсем не давали, Маша обнаружила за буфетом две пачки овсяного кофе, три сушеных гриба и несколько конфет. В тот вечер она шла на службу уже бодрее.

В блокаду Преображенский собор не закрывался ни на один день. Там, как и в Никольском, службу отправляли в десять утра и в пять вечера, по всем правилам. Во время причастия верующим даже выдавали по крошечной просфорке — горисполком выделял для нужд церкви немного муки и кагор. Настоятель Павел Фруктовский и протодьякон Лев Игоревский тоже не покинули Ленинград. Они жили в подвале собора, куда во время бомбежки прятались прихожане, а те, кому после службы далеко было добираться до дома, ночевали там, грелись у буржуйки. Сквозь мощные стены подвала было почти не слышно звуков стрельбы.

Увидев Машу, регент, Александр Федорович Шишкин, несказанно обрадовался. Из певчих осталось несколько женщин, да и те таяли на глазах. У всех началась цинга. Ноги распухли, посинели, покрылись язвами — им все труднее было выстаивать службу, многие теряли голос. Стала прихварывать и Маша.

В первые дни войны Александр Федорович написал для хора музыку и слова молитв о победе русского оружия, теперь же сочинял новые — по случаю разгрома врага. В том, что это случится и блокада кончится, регент не сомневался. Беспокоило его только, что он не доживет до светлого дня, а музыку песнопения, которую он начал разучивать с певчими, некому будет исполнить.

Мария дожила до Дня Победы. Считает, что выжила еще и потому, что квартира их находилась на пятом этаже: стоило тогда перестать двигаться, и конец был неминуем. И еще потому, что постоянно о ком-то заботилась. В пение вкладывала душу.

Впрочем, смерть тогда, наверное, не выбирала, косила всех подряд, сильных и слабых, альтруистов и эгоистов. И все же Долгинская убеждена: те, кто думал только о себе, умирал, имея даже запас продуктов. «Вы обязательно об этом факте напишите,— просила меня она.— С нами на одной лестничной площадке холостяк жил. Так не поверите, когда умер, стали его сослуживцы из квартиры выносить и штук десять шоколадных плиток нашли, консервы, пакет сахару. Все в детский дом отдали, себе — ни крошки. Уверена, умер сосед не от голода, от отчаяния и страха. В беду нельзя одному, надо друг к другу прибиваться. Свекровь моя сыновей ждала, тем и держалась. И мне помереть не давала. Ругалась, если я спевки пропускала. «Иди,— говорит,— порадуешь людей. Постоит в церкви, послушают хор, оттают душой, все легче будет».

Музыку и слова, написанные Шишкиным, Мария Васильевна помнит до сих пор: «Защити, защити страну нашу!..» Тогда она понимала, что призыв этот обращен и к ней лично. Весной сорок второго Мария пошла служить в войска ПВО. Командовала зенитной батареей, потом была заместителем командира взвода саперной роты. Эта рота работала в очагах поражения: разбирали завалы, выносили раненых, трупы возили на Пискаревку. До сих пор не может Мария Васильевна забыть газогенераторные машины, переполненные трупами. Их подбирали на улицах, во дворах и сбрасывали во рвы.

Спрятав лицо в платок, она долго сидит молча, потом опускает руки на стол, и я вижу ее остановившиеся глаза: «Сколько ни рассказывай о блокаде, все равно тот, кто ее не пережил, ни понять, ни представить не сможет, что тогда было...— продолжает она осевшим от боли голосом.— Часто пишут: «героизм ленинградцев!» До того затерли эти слова, что они словно гляncем покрылись, блестят, а что за ними — не видно. Души нет, один звон. Повторяют их как заученный урок, не вглядываясь в прошлое, не интересуясь правдой. А правда, она ведь всякая. Надо не елей лить, а посмотреть правде в глаза, не бояться. И нельзя всех уравнивать. Тех, что от себя последнее отрывал, и тех, кто спекулировал, воровал. Ведь были и такие, кто на чужом горе наживался, а были и те, кто от голода рассудок терял. Например, мы женщину одну знакомую приютили — в ее дом снаряд попал, а она наши карточки украла. Когда умерла, я их под её подушкой нашла — втихомолку наш хлеб ела... Только не вам осуждать мертвых! Вы на это права не имеете. Понять надо! Я и то ей давно простила. Ну, а тогда? Тогда мы из-за этой женщины чуть не погибли! Надо об этом говорить или нет? По-моему, надо, чтобы мужа моего и товарищей его оценить по достоинству. С того света нас вытащили, а ведь сами с голоду пухли...»

Мария Васильевна замолкает, долго думает о чем-то своем, потом опять начинает говорить, как будто спорит с кем-то. «Мертвых, бывало, не успевали убирать. Иной раз зло возьмет: тащат и тащат. К аптекам, к больницам подбрасывали. А у нас у самих уже ноги подкашиваются. За ночь так опухнешь — ткнешь в щеку пальцем, ямка появляется, как в гнилом яблоке, и долго потом не затягивается. Ну, а от работы этой никуда не денешься! Могильщиками мы были, да! Кому-то ведь и хоронить людей надо было. Сколько лет прошло, а я иной раз ночью заснуть не могу, все эти рвы вижу и мертвых. Холодные, как камень. Точь-в-точь рыбины высушенные. Может, не стоит об этом рассказывать — ваш покой тревожить? Сейчас все другое. Но чтобы то время правильно оценить, о нем правду знать надо — война дело грязное, античеловеческое... Так вот... У многих умерших руки были заломлены, видно, с них одежду срывали. Карманы вывернуты. Почти все разутые. Мародерство, скажете? Нет! Морозы тогда были страшные. Вот люди и раздевали мертвых, чтобы живых спасти... Так их почти голых и хоронили. За страшную работу эту давали нам дополнительный паек: стопку сахарного песку и стопку спирта: иначе не выдержать... Я, надо

сказать, не долго смогла...»

Свекровь Долгинской подкосила смерть старшего сына. Как получила похоронку, так и слегла. Умерла, когда жить уже стало легче. Пришлось Маше отдать дочь Таню в детский дом, там она погибла во время обстрела. Вот почему, рассказывая о своей молодости, стареет на глазах эта женщина. Молодость ее изломала война. Изломала, но не уничтожила. Наверное, если человек молод душой, это навсегда. Что бы с ним ни случилось.

Так что же такое героизм ленинградцев? Об этом я у многих блокадников спрашивала. Не любят они высоких слов. Потому видно, что они не совсем точные. Но тогда какие надо? Никто мне не дал ответа. И вот недавно в очень искренней книге блокадника Георгия Кулагина «Дневник и память» я нашла ответ. Вот что он пишет:

«Есть такое истинно русское качество — стоицизм, стойкость. Мы просто стоим. Так было при Бородине, так было в Севастополе. Так и у нас, в Ленинграде. Стоим и делаем это удивительно просто, обыденно, без всякой позы, без догадки, что в этом есть великое благородство и героизм. И врагу нас не сломить».

Точнее, пожалуй, не скажешь... Эти слова и о Марии Васильевне Долгинской.

По праздникам одевает она нарядное платье. На нем рядом с церковным орденом — Владимира III степени сияет орден Отечественной войны II степени. Мария Васильевна гордится своими наградами, гордится тем, что с честью выполнила свой долг.

Сейчас она на пенсии, работу оставила, а в храме по-прежнему поет, помогает регенту руководить хором, теперь уже в Никольском соборе. И очень любит рассказывать о своей встрече с митрополитом Алексием. О нем многие понаслышке знают, а она видела воочию. Вот как это было.

Как-то возвращалась Маша в свою казарму на Фонтанку, шла мимо Никольского собора. И вдруг начался налет. Выстрелы зениток рвали барабанные перепонки, ухали взрывы. Маша побежала к собору, чтобы укрыться. И вдруг из его ворот появились люди. Они двигались вокруг храма гуськом, держась в темноте друг за друга, как слепые. Впереди всех шел митрополит Алексей с воздетыми к небу руками. Он держал «Знамение» — икону с изображением Божьей Матери. Так он обходил с ней собор каждый вечер после литургии, верил — Божья Матерь охранит собор, его город и его сограждан.

МЫ ПРОСТО СТОИМ

В январе город начал вымирать. В соборе еще в начале зимы отключили электричество, и зимняя церковь погрузилась во мрак. Лики святых смотрели сурово и печально. Перед иконами никто уже не ставил свечей — их, стыдясь и страдая, верующие унесли по домам, да и делать свечи было некому. Зажигали в храме только лампы, веретенного, из нефти, масла еще хватало.

Один за другим погибали певчие, многие падали тут же, на хорах. Во время богослужения умер регент. Не в силах подняться на хоры, теперь пели на клиросе три еле живые женщины. Страшно опух звонарь Андрей Андреевич Климанов. Ноги у него отекали, налились водой. Но все-таки каждый день он приходил в собор. Большой колокол сняли, отправили на переплавку, осталось восемнадцать средних и маленьких, но и они казались звонарю пудовыми. На открытой площадке было холодно, гулял ветер, добираться до нее становилось все тяжелее. Но перед каждой литургией Климанов поднимался на колокольню, и над городом плыл тревожный торжественный перезвон. Еще он топил печь в покоях митрополита, но добывать дрова уже не мог. Его заменил инок Евлогий. Для нужд церкви на Охте выделили деревянный дом, инок с прихожанами разобрали его и на санках привезли бревна и доски к собору.

До войны помогавший по хозяйству сестре Алексия Евлогий по торжествен-

ным дням готовил обед, и теперь, когда есть стало совсем нечего, он с тоской вспоминал об ухе, киселе и салатах, которые, бывало, подавал к праздничному столу. Ед. мерещилась ему постоянно. И Евлогий, где только мог, пытался раздобыть ее. Закинув за спину торбу или захватив крепкую парусиновую противогазную сумку, он ходил по базару, когда там кое-что еще можно было купить за деньги. Потом стал менять вещи. Но все чаще возвращался с рынка ни с чем. Евлогия утешало только то, что осенью он догадался набрать побольше трав, грибов, высушил их у печки и теперь подавал Алексею пахнувший лесом настой.

Пробираясь Евлогий и в прифронттовую зону, раскапывал снег, доставал из-под него мороженую брюкву и капусту. Многие поля были заминированы, к тому же его мог задержать патруль, но инок хорошо изучил расположение постов, ни разу не попался, и до середины декабря они с сестрой Алексия Ефросиньей варили грибницу и хряпу — суп из капустных листьев. Потом и эти запасы кончились.

Иногда из обкома партии митрополиту присылали продукты: немного крупы, сахару, прозрачные лепестки сыра. Но это случалось редко, и Евлогий видел, что Алексей менялся буквально на глазах: он совсем высох, лицо его осунилось и стало восковым. Однако дух митрополита был по-прежнему крепок. Он, как и раньше, строго следил за чистотой в храме, тщательно убирал свой кабинет, сокрушался, что на клиросе плохо поют и отдавал певчим свои продукты. Однажды Евлогий обнаружил, что исчез кусок сахара, который он приберег к рождеству. Оказалось, Алексей отдал его помощнице старосты Евдокии Ивановне Леонович, у которой заболела дистрофией дочь. Инок осмелился поворчать по этому поводу, но, получив от владыки выговор, обиженно замолк и забился в свою кровать.

Владыка видел, что люди начинают опускаться, перестали следить за собой. Он понимал, что это — начало смерти, и усилил свою требовательность к окружающим. Утром он появился в закутке Евлогия. Строгим взором окинув грязную постель и одежду инока, заставил его подняться и идти за водой. Алексей знал, что Евлогий обессилел от голода, но, чтобы жить, надо было двигаться, и он, невзирая на протесты инока, приказал ему помыться, постирать рубаху и белье.

Евлогий натянул на себя все, что мог, кряхтя спустился во двор, привязал ведро к санкам, взял из сарая багор и, пошатываясь, поплелся к каналу. Он уже привык к обстрелам, не обращал на них никакого внимания, научился распознавать опасность: если слышен вой, значит, снаряд пролетит мимо, если издает характерный звук — хрюкает, надо мгновенно падать — разорвется рядом. Но в тот раз все было спокойно.

Когда Евлогий во второй раз поднялся с ведрами на третий этаж собора, его мутило от слабости. Но он все же согрел воду и, задыхаясь и охая, принялся за стирку. Вечером благообразный и помолодевший — от всех хождений и хлопот у него, как ни странно, прибавилось силы — инок чисто вымыл и прибрал свой закуток, сварил суп из остатков крупы. Когда он принес его Алексею, тот, как всегда, сидел за своим столом и что-то писал крупным, летящим почерком.

Но вот настал день, когда по карточкам ничего не дали. Потом второй, третий. На четвертый, отстояв полдня в очереди, Евлогий вернулся из магазина пустым. В булочной у него вырвал хлеб какой-то мальчишка и тут же запихал его в рот. Люди набросились на обезумевшего от голода парня, но инок загородил его от разъяренной толпы. Он смотрел, как парень, давясь, глотает его хлеб, и плакал от жалости и горя. Вернувшись в собор, Евлогий слег. Проклиная себя за то, что не уберег паек, он думал о том, что ему нет и не будет прощения: третий день у владыки не было крошки во рту. Занемогла и сестра Алексия — Ефросинья. И во всем этом виноват он, только он!

Евлогий сполз с кровати, пошарил спички — вспомнил, что они кончились с месяц назад и принялся развязывать мешок, который постоянно носил у пояса. Пальцы не слушались, он долго не мог распутать узел. Наконец веревка ослабла, он извлек обломок рашпиля, кресало и, несколько раз ударив по нему огнивом, высек сноп искр. Загорелся кончик шнура, пропущенный сквозь винтовочную гильзу. Он поднес его к лампаде и зажег огонь. Евлогий просил Бога только о том, чтобы

он послал ему смерть в начале месяца. Тогда его карточка останется владыке...

Алексий не чувствовал голода. Он открыл книгу и попробовал почитать, чтобы отвлечься от боли. Его то знобило, то кидало в жар, ныли все кости, болели суставы, ломило поясницу. Неужели отнимутся ноги и он не сможет больше служить? Нет, этого он не допустит! Алексий приказал себе встать. Страшным усилием воли поднялся из кресла и, держась за стены, сделал два шага вперед. Окна кабинета покачнулись, все закружилось перед его глазами, и он рухнул навзничь на ковер.

Услышав шум, Евлогий бросился к покоям владыки и увидел его распростертым на полу. Тело митрополита было почти невесомым, но инок с трудом поднял Алексия и уложил его в постель. Потом кинулся к лестнице, стал звать на помощь, но из летнего храма отозвалось только гулкое эхо. Евлогий опустился на колени перед кроватью владыки и в немом отчаянии заломил руки.

Алексий метался в жару и бредил. Ему казалось, что он снова в храме, со всех сторон окруженный людьми. Они словно вырезаны из картона, пошатываются из стороны в сторону и молчат, смотрят стеклянными глазами, тянут к нему руки. Губы сжаты — нет сил произнести молитву. Звучит громкий, тысячеголосый хор. Люди падают на колени. Поднимаются только единицы. Остальные остаются лежать на холодных плитах. Мертвых выносят из храма. С каждым днем их становится все больше и больше. Он не успевает их отпевать. «Что это, сон или явь?» — спрашивал себя Алексий, на мгновение приходя в сознание. «Это сон, страшный сон», — старался он убедить себя, сознавая, что все это правда. Так было вчера. И так будет завтра... Алексий застонал, хотел встать, но силы снова покинули его.

«Успокойся, родной, выпей-ка отвару», — гладил горячий лоб и разметавшиеся седые волосы Алексия Евлогий. Он обнял его за худенькие плечи и почти насильно влил в рот целебный настой из трав.

На лестнице слышались чьи-то шаги. Дверь кухни отворилась, и на пороге появился закутанный по самые глаза человек. В руках у него был сверток. «Наверное, кто-то из прихожан пришел поддержать владыку. Из тех, кто живет в пригороде, где еще осталась какая-то еда, — догадался инок. — Там в избах тепло, топится русская печь и колодец рядом, а в подполе кое у кого сохранилась даже картошка», — почти с завистью думал он, разглядывая пришельца, пока тот возился со своим свертком. Евлогий вытянул шею, пытаясь разглядеть, что же извлечет из него посетитель, но, заметив его взгляд, тут же принял равнодушный, полный достоинства вид.

В свертке оказался небольшой узелок с осевами, кусок дуранды и плитка столярного клея. Кроме того, сказал пришедший, на санках у него лежит еще мешок со свеклой — трудно одному поднять. Евлогий обрадовался и, окончательно потеряв самообладание, почти бегом — откуда только взялись силы! — бросился вниз по лестнице. Через полчаса он уже вовсю занимался готовкой. Ошпарил кипятком осевы — сушеную скорлупу овса, пропустил ее через сито — получилась масса, похожая на протертый суп. Заставил владыку проглотить две ложки, поел сам, отнес дуранду Ефросинье и уже собирался улечься спать, когда Алексий пришел в себя и приподнялся в кровати. «Что это?» — грозным шопотом спросил он, разглядев в углу кухни мешок. «Подношение», — упавшим голосом пролепетал инок, пытаясь прикрыть дверь своего закутка. «Немедленно — в детский дом!» — сдвинув брови, приказал владыка. Глаза его вспыхнули гневом. Прекословить было бесполезно. Евлогий всхлипнул, украдкой сунул три буряка под одеяло, два за пазуху и бросился выполнять приказание.

ТОЛЬКО БЫ ОНИ БЫЛИ ЖИВЫ!

Отслужив в Никольском соборе вечернюю литургию, отец Владимир возвращался домой. Он жил в Свечном переулке и каждый день ходил в храм,

не пропустив ни одной службы. Ходил в любую погоду, сквозь снег и ветер, седой, как лунь, худой и страшный, страшный своей несгибаемостью.

В тот вечер после службы он еще долго сидел у постели занемогшего Алексия, очень устал и теперь шел из последних сил. Скоро он начал замерзать. Валенки постоянно спадали с худых ног, застревали в снегу и совсем не грели. Ему очень хотелось лечь в этот снег и заснуть, чтобы ничего не видеть, не слышать и не страдать. От Ларисы с фронта уже неделю не было писем, уехала на передовую и Милица. Она должна была вернуться три дня назад, но почему-то задерживалась. Сердце его обливалось кровью за дочерей. От мысли, что они погибли, слабело тело и дух, подкашивались ноги.

Дубровицкий сам благословил младшую на ратный труд — Лариса ушла на фронт добровольцем. Только перед самой смертью отец узнает, что дочь его командовала «катюшей», награждена боевыми орденами и медалями. О ней напишут книгу, которую отцу так и не доведется прочитать. Но он всегда будет гордиться ею, как и старшей, Милицей, — солисткой балета Кировского театра. Он ни слова не сказал против, когда Милица стала ездить на фронт с концертной бригадой. «Война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды и отечества. Берущие оружие совершают подвиг и, приемля раны и страдания, полагая жизнь свою за родину, идут в след мучеников к нетленному и вечному венцу», — повторял он слова Алексия, день и ночь молясь за своих дочерей.

«Только бы ничего не случилось, только бы они были живы», — думал протоиерей Владимир, с трудом пробираясь по узкой тропинке, вытопанной в сугробах. Жена его умерла рано. Он растил дочерей один. И сейчас жил только ради них и своих прихожан. «Кто будет им опорой, кто поддержит в трудах и скорби, если я умру?» — думал он, через силу заставляя себя продвигаться к дому.

Думал он и о том, что Милица, тоненькая, как тростинка, стала совсем прозрачной. Ее бледно-голубое, словно из фарфора, лицо приобрело необычное выражение одержимой одухотворенности. Оно было похоже теперь на лики святых. Верно, такими в годину испытаний были русские женщины древности и такими их изобразили иконописцы.

Владимир Антонович остановился передохнуть. В темноте взгляд его различил брошенную в снег елку. Ветер шевелил на ней обрывки серпантина, нити серебряного дождя. Дубровицкий покачал головой, на глаза навернулись слезы восторга, умиления и печали: стойкость этого города была подобна чуду. Он знал от Милицы, что для детей недавно устроили новогодние праздники, перед ребятами выступали артисты. Но дети смотрели только на подарки, получили их и разошлись. Они давно уже разучились смеяться. «Кому нужен балет на передовой? — подумал он вдруг, вздохнул и сделал еще несколько шагов к дому. — Больше, наверное, подходит эстрада». Одна из знакомых дочери, дрессировщица животных, рассказывала, что любит выступать на передовой с попугаем. Когда она появляется перед зрителями, попугай кричит: «Жакомо жрать хочет!» Ее номер всегда имеет успех. Красноармейцы аплодируют, смеются и всегда чем-то угощают артистку. Многие, когда едут давать концерты, прикрепляют к поясу баночку с крышкой, пакетики или мешочки, чтобы сложить туда все, что дадут. Поездки эти помогают выжить артистам и их близким. А Милица стесняется взять что-то с собой. Только раз привезла в пудренице щепоть сахарного песка. Нет, нет, ему ничего не надо, а вот выдержит ли дочь? У нее такая физическая нагрузка! Он и то теперь еле выстаивает службу, как же может она танцевать, такая маленькая и хрупкая? Правда, он чувствует, что нужен людям, и это поддерживает. Наверное, нужен и балет, раз ее приглашают...

Дубровицкий опять остановился. Достал из-за пазухи сырую свеклу, которую дал ему Евлогий, отгрыз кусочек, пожевал и вдруг почувствовал страшный голод. Нет, все есть нельзя — надо донести до дома, сварить суп для Милицы.

«Господи, за что так мучаются люди? — подумал он и вспомнил младенца, которого сегодня крестил. — Зачем это дитя появилось на свет в такое время? Кто его выводит, если мать в роддоме отморозила ноги и сама уже почти на смертном одре?»

В церковь младенца принесла бабушка. Должно быть, нестарая женщина, а похожа на ветхую старуху. После того, как свершился обряд крещения, она протянула отцу Владимиру что-то завернутое в тряпицу, горсть крупы или гороха...

Он властно отстранил подношение. Так всегда поступал митрополит Алексей и требовал того же от других, но поступать так, как он, было невероятно трудно. Особенно сегодня — после того, как он не ел три дня...

Из репродуктора выполз противный ноющий вой. Захлопали зенитки. «Опять налет», — равнодушно отметил отец Владимир, не сбавляя шага. «Стой, кто идет?» — раздался в темноте строгий голос. — Предъявите документы!» Дубровицкий достал ночной пропуск и протянул его милиционеру. Осветив фонариком документ, тот внимательно изучил его и, возвращая обратно, козырнул. И тут же сказал: «Прошли бы в убежище, батюшка, береженого Бог бережет». «Я уже дома, благодарю», — открывая дверь парадного, ответил Дубровицкий и, в надежде увидеть дочь, стал торопливо подниматься на второй этаж.

В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Я познакомилась с Николаем Дмитриевичем Успенским, когда его привели в Никольский собор под руки, наверное, в последний раз — проститься. Он сидел в домике коменданта, склонив на грудь крупную седую голову, вспоминая о днях, которые здесь никто, кроме него, уже не помнил.

В первые месяцы войны этот человек, долгие годы потом занимавшийся изучением древнерусской церковной музыки, автор многих книг о старинном певческом искусстве, профессор консерватории, выдающийся регент и богослов, был директором музыкального училища и начальником МПВО объекта.

В блокадные дни, когда пострадал театр оперы и балета имени С. М. Кирова, бомба попала и в музыкальное училище. Николай Дмитриевич Успенский в то время был на своем посту. Его подхватило взрывной волной и сбросило с чердака на лестницу. Очнувшись, он с трудом раскидал обломки досок, кирпича и кровельного железа, стал звать на помощь, но не услышал своего голоса — оглох.

Николая Дмитриевича вытащили из развалин, но жизнь его все время висела на волоске — он был ранен и тяжело контужен. Даже тогда, когда Успенский немного поправился, его постоянно мучили головные боли, мозг сверлил какой-то визг — казалось, где-то лопались туго натянутые струны, в ушах стоял звук, похожий на школьный звонок. Он страшно страдал от этого шума и болей, долгое время не мог ходить — земля плыла под ногами. Есть было почти нечего, но он не чувствовал голода. Жена решила, что он не выживет.

Выручила собака Микки. Наталья Ивановна варила ее поводки, которых в доме оказалось предостаточно. Резала на кусочки сыромятные ремешки, кипятила, снимала пленку, потом разбухшую кашу пропускала через мясорубку. Провернутую массу выносили на холод, получался студень, который можно было есть. К тому же у Микки давно был замечен талант ищейки, поэтому ее взяли на работу в милицию. Вернее, туда пошла Наталья Ивановна. Она охраняла объекты, получая за это рабочую карточку и вместе с овчаркой задержала несколько дезертиров и ракетчика. Но собака погибла, и для семьи наступили тяжкие времена.

Успенский не мог жить без дела, но из-за своей инвалидности работать тоже не мог. Как-то, проходя мимо Никольского собора, он увидел старца, который пытался расчистить от снега дорогу, ведущую в храм. Он делал это неловко и неумело, но несмотря на то, что старика шатало от слабости, он ожесточенно кидал и кидал снег. Успенский решил ему помочь, и они разговорились. Так Николай Дмитриевич познакомился с Алексием Симанским. Узнав о том, что бывший директор музы-

кального училища глубоко интересуется древнерусским певческим искусством, митрополит пригласил его руководить хором собора, вернее заново создать его, потому что в хоре к тому времени почти никого не осталось.

Наступили самые страшные месяцы блокады. В феврале 42-го прибавили норму хлеба, но истощенным это уже не помогало — в городе с каждым днем увеличивалась смертность. И все же Успенский сумел отыскать тех, кто еще мог петь. Это были его ученики, артисты эвакуированных театров, участники самодеятельности. И хор ожил. Выяснилось, что некоторые чиновники, ссылаясь на то, что церковь отделена от государства, выдавали певчим только хлебные карточки. Успенский, указав на незаконность таких действий, добился для них продуктовых. На иждивенческие карточки выдавали крохи, и все-таки это поддерживало людей.

Кроме руководства хором, Николай Дмитриевич, когда окреп, стал выполнять еще одно ответственное поручение — ходил за мукой для просфор и кагором. Дорога до биржи, рядом с которой в переулке находился склад, тогда казалась очень далекой. Он одевался потеплее и спозаранку отправлялся в путь. К концу зимы тащить на санках тридцатилитровый бидон ему стало не под силу, и тогда в путь отправлялись вдвоем, впрягались в санки вместе с протоиереем Ломакиным и, поддерживая друг друга, за несколько часов добредали до места.

Наступил апрель. Сугробы подтаяли на солнце, и из-под снега появились жухлые кустики прошлогодней травы и трупы. Воздух наполнился зловонием грязных дворов. Надо было спасти город от эпидемий.

Протоиереи Дубровицкий и Ломакин, инок Евлогий и Николай Дмитриевич Успенский вышли расчищать переулок у Кировского театра и часть набережной Крюкова канала. Ослабевшие руки еле поднимали кирки и лопаты, но люди упорно долбили лёд, сбрасывали в канал снег и нечистоты.

И все же город начал оживать. Иногда даже слышались шутки и смех. Николай Дмитриевич рассказывал, что в начале апреля уже по-другому оплакивали мертвых. Их снова хоронили в гробах, соблюдая обычаи и обряды, отпевали. Не было больше жуткого, тупого равнодушия к смерти.

Приближалось семисотлетие со дня Ледового побоища. В Ленинграде шли разговоры, что в эти дни враг непременно начнет новый штурм города. Но жители ко всему привыкли, знали, что выстоят и на этот раз.

Накануне жена Николая Дмитриевича прибрала кухню и комнату, их квартира приняла довоенный уютный вид. Наталья Ивановна поставила в банку с водой ветку тополя, и, несмотря на то, что в комнате было еще холодно, из почек проклюнулись первые бледнозеленые листочки. Пахло весной. На душе у Николая Дмитриевича было радостно и почему-то спокойно. Он сидел у рояля и при свете коптилки просматривал ноты, проигрывал музыку предстоящего пасхального богослужения. Взглянул на часы — было без пяти минут семь вечера. И тут загрохотали зенитки. Раздался страшный взрыв, запахнулось заделанное фанерой окно, и комната наполнилась гарью и дымом.

Успенский бросился в коридор, и в это время раздался второй удар — в комнате обвалился потолок. Николая Дмитриевича снова, как в первый раз, сбilo с ног, обсыпало штукатуркой. Он не помнит, как оказался на улице. А там творилось что-то невообразимое. Казалось, это был самый страшный за все блокадное время налет и обстрел. В воздухе стоял непрерывный визг летящих снарядов и бомб. Оседали стены соседних домов. В небе строй за строем шли самолеты. Они летели так низко, что Успенский легко различал фашистские знаки на их крыльях. Наших ястребков почему-то не было, только ожесточенно хлопали зенитки да рыскали лучи прожекторов. Слепительные вспышки вспарывали тьму и все ближе подступали к Никольскому собору.

Николай Дмитриевич увидел, что их дом горит. Суетились жильцы из других подъездов, вытаскивая свой скарб. Успенскому выносить было нечего. Рояль, вещи, а главное, старинные ноты, лежали под грудой кирпича и штукатурки. Когда он окончательно пришел в себя, то увидел, что держит в руках невесть

как попавшую к нему ветку тополя с оборванными листьями. Николай Дмитриевич вздохнул и уселся на камень, поджидая жену. Она пришла с работы поздно вечером. В соседнем доме им дали комнату, владельцы которой уехали в эвакуацию.

Отдохнув полчаса на чужой кровати, Успенский вскочил и побежал в собор. От взрыва бомб там вылетели последние стекла, с фасада обрушилась лепнина. Увидев регента, Алексей, волнуясь, заговорил: «Послушайте, дорогой, что рассказала мне одна прихожанка. Она попросила меня помолиться о здравии своего сына. Помните слепого, который раньше приходил в храм, а потом вдруг исчез, высокий такой, красивый юноша? Это и есть ее сын. Я думал, что он умер от голода. Так вот, не поверите, этот человек и еще пять абсолютно слепых его товарищей в январе добровольно ушли в армию! Да, да, абсолютно слепые люди! Их зачислили бойцами на слуховые установки. Сын этой женщины находится на Средней Рогатке. Прекрасно справляется со своими обязанностями и уже получил благодарность от командования. Такой народ не сломить. Я верую — победа близка!»

Приближались пасхальные праздники. Никто не знал (это так и осталось тайной), где помощница старосты, Евдокия Ивановна Леонович, достала огромные стекла для окон собора. Их, впрягшись в телеги, привезли прихожане. И накануне праздника храм радостно засиял только что вставленными, чисто вымытыми стеклами. Но, как рассказал мне Успенский, весенние дни сорок второго были особенно тревожными. Даже в пасхальную ночь враги не оставили город в покое. Тогда был особенно жестокий налет. «В самую великую ночь для всех христиан мира фашисты обрушили на нас град бомб. Нет слов, чтобы выразить всю мерзость и гнусность этого злодеяния,— с возмущением говорил мне Николай Дмитриевич.— На улице Пестеля, рядом с Преображенским собором, было разрушено два дома. Бомба попала и в здание рядом с храмом на Большой Охте. Настоятель церкви протоиерей Михаил Славницкий вынес из разрушенного дома несколько стариков и детей. Те, кто шел на богослужение, уцелели только потому, что оно было перенесено на ранний утренний час».

7 апреля 1942 года в Никольском соборе было темно и холодно. К празднику сумели изготовить несколько десятков свечей, но все равно их не хватало. Слабый свет лампад едва рассеивал мрак зимней церкви. В любую минуту мог снова начаться налет. «Но враг не в силах был погасить свет, который горел внутри нас. Мы хранили в себе этот свет, верили в победу»,— так писал об этих днях в своих воспоминаниях Алексей Симанский.

Во всех церквях Ленинграда было прочитано обращение митрополита к пастве. Привожу его почти полностью:

«Победа достается силой не одного оружия, но и силой всеобщего подъема и мощной веры в победу,— писал Алексей.— И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия: в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения, которым живет теперь весь русский народ. Несмотря на невероятные трудности современной войны, мы не только не ослабели, но, наоборот, окрепли в ратных подвигах; силе и искусству врага мы противопоставили нашу силу и наше воинское искусство и, что важнее всего, неизнемогающее ни перед какими трудностями всенародное воодушевление. Подлинно, сам Господь «научает руки наши на ополчение». Слава доблестному русскому воинству! Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву жизнь. Да умножит Господь силу нашего воинства для окончательного одоления врага... Довольно торжествовали смерть и печаль! Да пошлет Господь торжество жизни и радости. Да сохранит он град сей и живущих в нем! Неправедно взявший меч от меча и погибнет! Поистине домокловым мечом висит наше воинство над головой преступного фашизма, и близко время, когда этот карающий меч всею тяжестью неизбежного рока опустится на врага и сокрушит его. Победа грядет как светлое воскресение! С нами древние просветители — все прошлое и все настоящее нашего народа, слитые воедино. Мы верим, что победим во имя будущего, сохра-

ним навеки неугасимый свет Родины и нашей культуры».

Алексий стоял перед алтарем, облаченный в торжественное одеяние. Но все видели, какой след оставила блокадная зима на его облике: он страшно исхудал, был немощен и болен. Но на изможденном, сильно постаревшем лице митрополита по-прежнему вдохновенно горели его яростно-молодые глаза. Алексий страдал вместе со своей паствой от голода и холода, подвергался таким же опасностям и был непоколебим. Он выстоял вместе с народом. Поэтому каждому слову своего пастыря люди верили.

Алексий молился за победу русского оружия. Ему вторил мощный, слаженный хор, которым руководил Н. Д. Успенский. Во время вечерней службы из алтаря под грохот канонады на середину храма вынесли плащаницу. Все склонились перед ней в глубоком земном поклоне. Убеждена, блокадники, собравшиеся тогда в храме, преклонили колена не только перед изображением Христа, но и перед своим митрополитом, разделившим с ними все тяготы осады.

На пасхальной обедне в Никольском соборе прочитали только что полученное послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия.

«Фашисты и Гитлер, — писал он, — лютые враги христианства. В этом году, как раз в самую пасху, исполняется 700 лет со дня знаменитого Ледового побоища, когда под руководством князя Александра Невского русские разгромили немцев на Чудском озере. Как тогда их сила была сломлена упорством и искусством русского воинства, так и теперь не за горами день, когда их сила будет в конец сокрушена.

Враги наши идут во имя утверждения своего личного блага, своей корысти, своей алчности, мы идем во имя утверждения начал и идеалов мира, всестороннего преуспеяния народов, во имя того, чтобы даровать угнетенным и страдающим под пятою фашистских насильников свободу и жизнь. За нас история и наша нравственная сила, которая все так же велика у русского народа и у русского воинства, как и 700 лет назад».

Протоиереи Дубровицкий и Ломакин обошли верующих. На груди у каждого висел плакат с надписью: «Пожертвуйте в фонд обороны». За ними, держа в руках блюдо, шла одетая в черное худенькая старая женщина. Когда-то ее звали Анна. Она училась в институте благородных девиц и блистала редкой, изысканной красотой. Потом по примеру брата постриглась в монахини и стала сестрой Ефросинией. Помогала Алексию во многих его делах. Давным-давно, в двадцать первом году, епископ Тихвинский Алексий, да и не только он, делал пожертвования в помощь голодающим Поволжья, теперь же все священнослужители русской православной церкви старались помочь своей стране и народу. В день Красной Армии одни только храмы Москвы выделили на подарки бойцам полтора миллиона рублей. В Горьком собрали миллион. В Ленинграде свыше шести миллионов, даже колокола собора пустили на переплавку.

СЫНОВЬЯ ОТЕЧЕСТВА

Близился к концу первый блокадный год, впереди было еще 545 полных горя и опасностей дней. Но осажденные не знали, когда придет конец их мучениям. До митрополита Алексия доходили сведения об ужасающих фактах вандализма фашистов. Позднее, когда враг будет изгнан, он поедет по своей епархии и так опишет увиденное:

«Прекрасный Петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золоченные листы, с разбитыми стенами и зияющими окнами. Говорят, фашисты стреляли из пистолетов в иконы Петергофского собора. Другие церкви представляют еще более удручающее зрелище. Разбита церковь Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежки, верующие. Теперь, как памятник позорного фашистского зверства, лежит на земле огромная груда красных кирпичей, напоенных кровью русских жертв германского злодейства...»

В Пушкине была та же картина страшного разрушения. Знаменская церковь, около Лицейского корпуса, внутри была вся разрушена и сожжена. Чтимую икону Знамения Божьей Матери, которая представляет не только духовную ценность, но художественную и материальную, благодаря совершенству ее живописи и богатству украшений драгоценной ризы, фашисты хотели увезти в Германию...

Все это митрополит узнает потом, но и тогда, когда до него доходили только слухи о злодеяниях врага и гибели храмов, душа его наполнялась гневом, требовала действий.

Однажды вместе с посланием Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия к партизанам Алексей получил сведения о том, как сражаются с врагом священнослужители в других местах. Диакон храма Бровары Борис Крамаренко стал кавалером орденов Славы всех трех степеней, а протоиерей Василий Данилович Копычко из Белоруссии сражался в партизанском отряде. Когда в деревню Одрижин пришли фашисты, священник Василий Данилович Копычко принялся вести агитацию против захватчиков. Во время молебнов или где-нибудь на крестинах он говорил жителям: «Что вы сидите дома, почему терпите супостатов?» Сам протоиерей укрывал раненых, собирал для партизан продукты, присылал в лагерь оружие.

Фашисты жестоко расправлялись с теми, кто имел связь с партизанами, расстреливали их семьи, не щадя маленьких детей. Но, несмотря на это, в доме отца Василия проходили встречи руководства и связных партизанских отрядов. Люди знали также, что у священника есть приемник, он слушает передачи из Москвы, а потом в церкви рассказывает прихожанам о положении на фронтах. Так прошел год. Увы, среди селян нашелся предатель, он сообщил немцам о связи отца Василия с партизанами. Церковь и дом настоятеля фашисты сожгли. Но священник остался жив. Партизаны спасли его и вместе с семьей переправили в отряд, где протоиерей взялся за оружие.

Когда-то Барклай-де-Толли обратился с воззванием к жителям оккупированных французами земель, в том числе и Псковской губернии: «...Многие.. пробудились уже. Вооружаясь в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им, все любящие себя, Отечество и государя!»

Сто тридцать лет спустя с таким же посланием обратился митрополит Алексей к жителям Новгородской и Псковской областей. Он писал о Козьме Минине, который «еще жив в потомках своих», о героях 1812 года, о партизанах Белоруссии и призывал всех братья за оружие, отомстить за поругание земли своей и русских святынь. «Не может быть добрым христианином тот,— писал архипастырь,— кто не является добрым и верным сыном своей Родины, готовым всем для нее пожертвовать».

Воззвание это передавалось из рук в руки, и под ногами захватчиков горела земля. Сраженные пулями, падали гитлеровские солдаты, летели под откос поезда. В партизанских отрядах Псковщины собирали хлеб, и к осажденному Ленинграду по лесным тропам шли подводы с продуктами. Все поднялись на борьбу с врагом, коммунисты и беспартийные верующие и атеисты были в одном строю — участников подлинно народной войны. И одним из вдохновителей их ратного подвига был митрополит Алексей.

15 мая 1944 года уйдет из жизни Сергей Страгородский, Патриархом Московским и Всея Руси будет избран Алексей. Он проживет еще долгие, долгие годы, станет одним из самых ревностных борцов за мир, будет отмечен множеством наград.

Патриарх Всея Руси Алексей верил, что человек — сын вечности. Я тоже верю в это. Нерасторжима связь времен. Мы все дети человечества, все связаны друг с другом нитью памяти. Люди, о которых я здесь рассказала, должны остаться в наших сердцах. Пусть они живут вечно...

Свет торшера цвета крови

или Поможет ли участковый?

О громких уголовных делах с убийствами, истязаниями, ограблениями, погонями, стрельбой мы слышаны. Преступный мир не собирается сворачивать свое грязное ремесло, и, похоже, в грядущую эпоху рыночной экономики безработица не грозит лишь сотрудникам правоохранительных органов. Но за сухими цифрами мрачных статотчетов МВД СССР далеко не всегда стоят кровавые операции мафиозных групп или изуверства закоренелых бандитов-грабителей. В стране каждое четвертое умышленное убийство, каждое четвертое преступление, связанное с нанесением тяжких телесных повреждений, совершается людьми, помыслы которых никогда не сводились к корыстным целям. Мотивом их подчас леденящих душу жестоких действий послужило одно: яростная

ненависть к некогда близкому человеку.

Из оперативных сводок МВД СССР.

«После совместного распития и возникшей ссоры рабочий ткацкой фабрики М., избив жену, нанес ей несколько ударов столовым ножом в шею и живот...»

«В семье К. возникла ссора, в результате которой муж нанес штопором многочисленные ранения жене...»

«Во время драки рабочий совхоза С. лопатой убил отца, пенсионера. Медицинская экспертиза установила: оба были пьяны...»

Перечень трагедий такого рода, увы, нескончаем. В среднем семь тысяч умышленных убийств и покушений на убийство, двадцать две тысячи случаев нанесения тяжких телесных повреждений ежегодно фиксируется органами МВД в нашей стране.

Когда беда приходит в чужой дом, первая реакция окружающих всегда одинакова — сострадание. Вторая — уже разнится. От убежденности — сами виноваты, до возмущения — куда только смотрит милиция. Приверженцев последнего заключения всегда больше. Ничего удивительного. За свершившееся преступление мы привыкли винить органы МВД, за предупрежденное — поблагодарить забываем. Но речь сейчас не об упреках или хвале защитникам правопорядка за общее положение дел в криминальной обстановке, а об их ответственности за проблемы в весьма деликатной области — области семейно-бытовых отношений. Эта деликатная область дает статистике до четверти всех тягчайших преступлений. Насколько же в том повинна милиция и насколько справедлив людской уп-

рек в ее адрес?

Минувшим летом я был в командировке в Минске, где произошла одна из самых жутких драм. Бывший муж зарубил топором жену, изранил малолетнего сына (тому чудом удалось вырваться из дома), а после выбросился с одиннадцатого этажа. Рабочие завода, где работала погибшая женщина, написали коллективное обвинительное письмо в адрес МВД БССР, МВД СССР о том, что трагедия случилась по вине участкового инспектора В. Тайникова. Из письма следовало: участковый, зная о постоянных конфликтах в семье, ничего не предпринял, чтобы помочь женщине, спасти ее. Своим равнодушием он способствовал трагической развязке. Рабочие требовали немедленного наказания Тайникова.

Познакомившись с результатами служебного расследования, побеседовав с самим участковым, людьми, которые знали супругов, я пришел к выводу: Тайников был не в состоянии предотвратить преступление. Да, он знал о раздорах в семье, знал, что муж часто пьет. Поэтому не раз вызывал его в участок, дважды (!) отправлял в ЛТП, написал несколько рапортов в УВД, райисполком, где требовал расселения бывших супругов. Тщетны были его старания. Записки участкового обрастали резолюция-

ми типа «разобраться» и тихонько ложились в архив. Более того, он теперь уже пытается спасти другую семью, в которой зреет новая трагедия, но и здесь никому нет дела до забот Тайникова. Могу понять его брошенное в сердцах: «Уйду из МВД, я не чувствую, что кому-то нужен». А ведь он один из лучших работников...

Факторов, влияющих на зарождение конфликта в семье, нескончаемо много. Но главных, на которых созревают большие и малые преступления, всего три. Пьянство, жилищный вопрос, психологический стресс. Какую из проблем по силам решить участковому инспектору? Ведь именно на него возлагается основная роль миротворца, воспитателя, защитника и еще бог знает кого, когда дело доходит до серьезного разлада в чьем-то доме. По большому счету — ни одной. Лишь в какой-то степени он может попытаться справиться с пьяницей. Но только попытаться, потому что победить пьянство не смогло даже правительство, опираясь на строгий антиалкогольный указ.

Могущество милиции в борьбе с домашним пьяницей — миф. Пьяный дебошир на улице — одно, пьяный дебошир дома — совсем другое. В первом случае забрать его не составляет большого труда. Во втором — это

почти не осуществимо. Милицию не пускали на порог, заявляя откровенно пьяными голосами из-за закрытой двери, что ее никто не звал. Хотя еще несколько минут назад несчастная женщина слезно просила немедленно приехать и спасти ее... (пока милиция добиралась до квартиры, там уже успели опомниться). Разбушевавшегося мужа жена не позволяла увезти в медвытрезвитель, угрожая жалобами в высшие инстанции на незаконные действия... (подобных холостых выездов в одной Московской области за сутки бывает более 44). Даже забрав ночью напившегося хулигана, который в очередной раз избил родственников, утром милиция вынуждена была его безнаказанно отпустить домой: супруга принесла заявление, что претензий к нему не имеет, а нос разбила, споткнувшись о табуретку и упав... (за нанесение легких телесных повреждений во время семейно-бытовых конфликтов привлекаются всего лишь около пяти процентов виновных).

Слышал много раз от высокопоставленных сотрудников МВД, что нужно как можно быстрее внести поправки в существующие законы. Например, позволить органам забирать пьяных из собственных квартир, даже если домочадцы не дают на то согласие. Выдвигаются

предложения привлечь к уголовной ответственности за причиненные побои, невзирая на «объяснительные» примиренческие заявления пострадавших родственников. Есть у работников милиции и аргументы в пользу закона, разрешающего им входить в дом к дебоширу, не обращая внимания на желания хозяев. Иначе, поясняется, с бытовым пьянством, которое и ведет к преступлениям, не справиться.

Бесспорно: преступления из разряда семейно-бытовых зиждутся на пьянстве. Резонно рассуждать — искоренив причину, исправим и следствие. Только вот, во-первых, пьянство это лишь одна из причин, ведущих к трагедии. А во-вторых... Школу почти безмерной власти правоохранительных органов мы уже проходили. Не знаю, может быть, в те времена бытовых преступлений было меньше, но зато неизмеримо больше было других бед...

Предложения, идущие из МВД, наполнены, не сомневаюсь, благими намерениями. Но не смогу поручиться за каждого милиционера (интересно, а министерство может?), что кто-нибудь не воспользуется в сомнительных целях исключительным правом врываться в дома людей по причине телефонного звонка соседа или «доброжелателя». Не поручусь и за

всех наших граждан, что не найдется никого из них, кто захочет свести счеты, «звякнув» в ближайшее отделение милиции.

Нет, не решить ужесточениями средств борьбы проблему пьянства. Так мы породим только другую беду. Да и когда же мы усвоим в конце концов простую истину: репрессиями и запугиванием еще никогда и никому не удавалось достичь благих целей.

Но вернемся к нашему участковому — главному ответчику за семейные раздоры. Итак, повлиять на пьяницу он может только двумя способами: душещипательной беседой и отправкой в пресловутый ЛТП. О первом даже не серьезно здесь говорить, об эффективности же ЛТП слишком хорошо всем известно, чтобы рассчитывать на исправление с его помощью «заблудшего». Отправить-то можно, но вскоре человек вернется, и все будет как прежде.

Но если для борьбы с алкоголиком у милиции есть хоть какое-то средство, то решать жилищный вопрос она просто не в состоянии. Это целиком во власти исполкомов, которые начисто игнорируют подобные проблемы. Уж сколько раз мне приходилось видеть рапорты участковых в адрес местных властей о необходимости срочного расселения таких-то и таких-то, но никогда я не

видел, чтобы эти рапорта принимались кем-то во внимание. Исполкомы легко и вполне аргументированно отвечают: свободного жилья нет, а кроме того, существует многолетняя очередь первоочередников.

Между тем основные конфликты разгораются между разведенными супругами (до 80 процентов из всех бытовых преступлений). Семьи давно нет, но людям приходится жить вместе: невозможно разменять квартиру. Жилищный вопрос повсюду стоит остро — это понятно, и у исполкомов действительно нет свободных квартир. Но в большинстве случаев такие и не требуются. Нужен обмен. Есть комиссии по делам несовершеннолетних, пенсионеров, одиноких матерей, но какая комиссия займется драмами несложившихся семей? Могли бы исполкомы помогать этим людям, опираясь на работу участкового? Конечно; могли бы. Можно было бы создать банк данных о пустующих комнатах в коммуналках, об отбывших в длительные командировки. По разным расчетам пустующего жилья, особенно в больших городах, немало. Но не хотят, ведь за события, которые могут произойти, власть не отвечает. Пусть участковый думает...

Психологический стресс... Наивно, если не глупо, думать, что человек в милицейских

погонах способен вычислить день его возникновения и попытаться предотвратить последствия, позвонив в нужный момент в дверь. Еще абсурднее мысль о способностях участкового снять этот стресс. Далеко не всякий специалист-психолог способен на это. Будем откровенны: милиция народной любовью особенно не пользуется. Кто же пожелает впустить ее представителя в сугубо личные, зачастую глубоко интимные проблемы? Но даже если допустить фантастическую идею и кто-то вдруг решился посвятить лейтенанта МВД в драму своей жизни, что будет делать лейтенант? Пусть не обижаются на меня участковые инспектора, но ведь не секрет, что некоторые из них пришли на работу в органы, чтобы переселиться из глубинки в город, а часть — проштрафившиеся оперативники. Нет, не смогут помочь они разоткровенничавшемуся человеку, ибо здесь одного даже чуткого выслушивания мало.

Так кто же и как может помочь людям, оказавшимся на краю безумия, каким образом остановить их, отвести от совершения преступления?

Универсальное средство вряд ли существует. Слишком много слагаемых у такого рода трагедий, многие из которых просто невозможно предугадать. Насилие в семье — явле-

ние, ставшее болью не только нашего общества. Во всем мире высок процент преступлений, совершенных на почве семейно-бытовых конфликтов. Однако, в отличие от нас, в других странах отношение к этой проблеме очень серьезное.

К примеру, в цивилизованных странах созданы специальные программы, к реализации которых подключены самые разные государственные институты. Врачи — психологи разрабатывают и внедряют методику «сглаживания» спорных семейных вопросов, которая вполне понятна любому человеку и которую легко применить. Выпускаются десятки брошюр, выходят множество теле- и радио-передач, разъясняющих, как надо бы поступить в той или иной ситуации. Над решением конфликтных ситуаций между родственниками работают юристы, священнослужители, педагоги, в конце концов и полицейские проходят серьезные многочасовые курсы, чтобы в случае необходимости квалифицированно вмешаться в семейный раздор, никого не оскорбив и не унижив. Причем после окончания таких курсов полицейские сдают экзамены и, получив «отлично», имеют надбавку к зарплате.

Утопией в наших условиях кажется идея о создании своеобразных убежищ для слабых, которые всегда могут най-

ти здесь защиту. А между прочим во многих странах подобные убежища совсем не редкость. Люди могут в них находиться сколь угодно долго, пока не будет найден выход из положения. Помогать же покинувшему дом из-за агрессии родных будут опять же юристы, психологи...

Конечно, на подобные программы у нас попросту нет средств. Но в то же время кто считал, сколько денег понадобится местной власти на организацию такой программы? С уверенностью сейчас вряд ли кто-нибудь скажет, что сумма окажется большей, нежели та цена, которой мы оплачиваем каждую трагедию.

Более миллиона жалоб и заявлений о бытовых скандалах рассматривают ежегодно участковые инспектора. Эффективность работы милицейских работников измерить невозможно — ведь нельзя определить число несчастлившихся преступлений. Но, думается, оно не особенно велико. Не потому, что так уж плохо работает профилактическая служба органов МВД. А потому, что порочна сама идея возложения на нее и только на нее обязанностей лечить социальные болячки общества.

Александр ЧИЖЕВСКИЙ

Л. АРЕСТОВА

ОПЕРАЦИЯ Лоббра

ГЛАВА I ЭКСТРЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

— Все здесь?— Поддыхов оглядел собравшихся поверх затемненных в тонкой оправе очков.

— Роман Григорьевич, явились все, кого вы приглашали, строго по списку. Злоказов звонил, что задержится немного, хотя я его строго...— начала докладывать женщина средних лет с открытым блокнотом в руках, но под тяжелым взглядом Поддыхова умолкла, не закончив фразы.

— Не суетитесь, Ирина Николаевна, не суетитесь. Меньше слов,— брюзгливо сказал он.

Женщина, смутившись, кивнула, села, а Поддыхов продолжил:

— Злоказова я научу уважать дисциплину. Смотрите, какой начальник: задержится. Пусть задерживается там, где ему позволяют. Здесь же извольте являться вовремя,— и добавил после небольшой паузы:— Это для всех

Пятеро мужчин закивали в ответ: конечно, конечно, они понимают. Дисциплина должна соблюдаться свято.

— Начинаю производственное совещание,— продолжал между тем Поддыхов.— Вы, Ирина Николаевна, свободны, сегодня обойдемся без протокола,— он проводил взглядом явно недовольную выдворением женщину, потом лицо его вдруг побагровело. Брезгливо, двумя пальцами, он поднял над столом замшевый женский сапожок темно-коричневого цвета. Подержал несколько секунд, внимательно оглядывая присутствующих, затем разжал пальцы, и сапожок плюхнулся на стол подошвой. Голенище лениво пошло вбок и прилегло на глянец стола.

Как по команде, все взоры обратились к Серому, который съежился под пиджаком, стараясь уменьшить свои и без того малые размеры.

— Что это?!— грозно спросил Поддыхов.

Серый молчал, зато вскочил жгучий молодой брюнет, рывком выбросил руку в сторону Серого:

— Слушай, мы так не договаривались. Ты доброе дело погубишь, вижу я. Несерьезный ты человек...

— Погоди, Давид,— прервал горячую речь Поддыхов,— не кипятись. А ты встань, Владимир Иванович, да объяснись...

Серый нехотя поднялся, втянул голову в плечи, развел длинными худыми руками:

— Роман Григорьевич, честное слово, мне ничего не известно. Так же, как вам...

— Мне-то известно,— оборвал Поддыхов,— и ты все знаешь, не юли, вот и скажи людям...

Голова Серого подалась вперед, к столу, где стоял замшевый сапог.

— Я разберусь, честное слово. Дайте время, а сейчас не готов, ничего не могу сказать.

— Мы — предприятие нового типа,— Поддыхов ударил ребром ладони по столу.— И я не дам это новое угробить! Рекомендую тем, кто забыл, вспомнить, что в законе о кооперации говорится: никто не вправе использовать кооперативную собственность для получения незаконных доходов и в других корыстных целях.

— Роман Григорьевич, да объясни же, в чем дело?— раздался голос элегантно одетого мужчины лет сорока пяти.

— Это я у тебя спрошу, в чем дело. Ты, Жека, юрист, все знать должен, и то как мы дошли до жизни такой, что едва народились, а нас уж убивать пора за такие штучки.

Жека Слонимский возмущенно встал:

— Позвольте...

И опять Поддыхов трахнул по столу ладонью, самым ребром:

— Нет, не позволю нарушать наш закон! А вы, Гусенков, что натворили? Вместо того чтобы переработать заводской брак, пустили эти уродские сапоги в продажу. Даже маркировку завода не стерли, подлецы!

Владимир Иванович Гусенков, начальник цеха бижутерии кооператива «Красота», молча озирался и не стирал пот, крупными каплями катившийся по лицу от кромки седовато-серых волос. Он пытался что-то возразить начальнику, но тот его не слушал.

Секретарь Поддыхова, Ирина Николаевна, которую сегодня почему-то выставили за дверь, с усмешкой наблюдала, как шеф одного за другим вызывал в кабинет людей, и те выскакивали оттуда как пробки, вытирая вспотевшие лбы и отдуваясь.

Что же все-таки случилось в кооперативе? Выяснить это было для Ирины Николаевны делом чести, ее мстью за бесцеремонное удаление из кабинета, да еще на глазах у этих мужланов, исключением из которых был только Слонимский. К юристу у нее особое отношение. Была у них маленькая тайна: это он рекомендовал ее в кооператив секретарем-машинисткой и делопроизводителем. Слонимский присоветовал ей сменить старую службу и подзаработать денег, которых всю жизнь не хватало даже на скромное существование. Жизнь проходила, ей шел пятый десяток, а желания и надежды продолжали оставаться неосуществленными. Евгений помог ей иметь наконец-то приличный заработок, и это ее радовало. Но сегодня, например, она не была уверена, что лучше: быть высокооплачиваемым или уважаемым работником. Никогда в жизни с ней еще так не поступали. Никто не осмеливался выставить ее за дверь!

«Смешно! Тайна от секретаря со стажем работы в четверть века! Да есть тысячи способов раскрыть эти тайны»,— думала Ирина Николаевна, не торопясь убирая со стола бумаги. Когда вечером Поддыхов бросил, уходя, «Вы свободны», она лишь обиженно поджала губы. К концу рабочего дня секретарь уже была в курсе его проблем. Аккуратно опечатав сейф, Ирина Николаевна вышла на улицу. Направилась к ближней троллейбусной остановке. Ей очень хотелось поделиться с кем-то новостями, которые она узнала. Но поболтать было совершенно не с кем.

Стоя на троллейбусной остановке, женщина раздумывала, с кем бы провести сегодняшний вечер. Увы, подруг у нее было мало, да и те все замужем, закручены, задерганы бытом — не до посиделок.

Погрузившись в свои невеселые мысли, Ирина Николаевна пропустила троллейбус. И не сразу поняла, что кто-то обращается к ней из остановившихся неподалеку стареньких Жигулей.

— Ирина Николаевна,— кричал, приоткрыв дверцу, молодой симпатичный гигант,— садитесь, подброшу!

Она быстро пошла к машине, не упустив возможности глянуть вокруг. В глазах ее светилось торжество: как завидуют ей эти увешанные сумками бабы! К вечеру они выглядят все на одно лицо — старые и замученные. Им предстоит браться с бою переполненный троллейбус, обрывать пуговицы, она же, как королева, спокойно доберется домой. Вот что значит иметь хороших соседей, поддерживать с ними добрые отношения и быть всегда в форме, выглядеть так, что молодому мужчине не стыдно посадить ее рядом с собой!

— Как новая служба?— поинтересовался сосед, когда они отъехали.

— Спасибо... У нас довольно интересно работать.

Собеседнику показалось, что Ирина Николаевна как-то странно произнесла слово «интересно» и осторожно переспросил:

— Все путем? Или есть сложности?

— Ну что вы, Антон! — спохватилась женщина. Сосед работал в милиции и откровенничать с ним Ирина Николаевна не собиралась.

— Все хорошо. Дело, конечно, непривычное, новое...

— Если что — прошу ко мне,— сказал Антон,— не стесняйтесь, соседка. Дело новое, что из всего этого выйдет, сказать трудно. Именно поэтому осторожничаем. Погубить хорошую идею несложно, воплотить в дело труднее. Вообще-то, должен сказать, люди в вашем кооперативе подобрались разные. Как думаете?

— Не знаю,— уклончиво ответила Ирина Николаевна,— люди везде разные, даже у вас, как выясняется.

Вопросы Антона и его непрекрытая заинтересованность насторожили опытную секретаршу, добавили новый штрих к раскрытым дневным секретам и заставили замкнуться. Она знала твердо, что владение служебными секретами может дорого обойтись, если обращаться с ними неосторожно. Делать этого Ирина Николаевна не собиралась, хватит с нее ошибок! Слава богу, дорога была недалней, вскоре подъехали к дому и простились у лифта. Антон побежал на свой этаж, перешагивая через ступеньки длинными ногами, Ирина Николаевна вошла в лифт, чтобы подняться на пятый, в маленькую однокомнатную квартирку, предмет неустанных забот и единственной надежной радости.

Она уже заканчивала готовить ужин, как вдруг раздался звонок. В дверном глазке увидела Жеку. Слонимский был слегка пьян и заметно растерян.

— Ты одна, Ирочка?— едва войдя, спросил он.

Это обращение заставило дрогнуть сердце, начинавшее уже забывать волнующие, но странные отношения с этим человеком.

Зачем пришел Жека? Что нужно ему сегодня?

Юрист не обременял себя дипломатией, поставил на кухонный столик бутылку дорогого армянского коньяка, полез в шкафчик за рюмками и досадливо ругнулся, не найдя их на привычном месте.

— Редко заходишь, Евгений,— укорила его Ирина Николаевна, направляясь за рюмками в комнату, к встроенному в стенку бару. Стенку она приобрела недавно и чрезвычайно гордилась, что и у нее в квартире все теперь, как у людей.

Выпив, Жека опустился на пол и стал целовать ей руки вялыми губами.

Потом, когда они лежали на диване, Ирина Николаевна поразилась пугающей бледности его лица.

— Жека, Жека,— испуганно прошептала она,— тебе плохо?

— Беда у меня, Ира,— ответил он очень тихо,— только ты можешь мне помочь. Ты знаешь, что произошло сегодня?

— Ну... в общих чертах,— осторожно ответила она.

— Скажи мне, объясни, что случилось,— Жека уже подсаживался к столу и наливал коньяк — ей и себе.

— Ты же был у Поддыхова, а я — нет. Ты должен знать больше.

— То, что я знаю, я знаю. Меня интересует, что знаешь ты?— Евгений начал раздражаться, и женщина насторожилась еще больше.

— Зачем?

— Но, Ира, я твой друг. Ты не можешь оставить меня в неведении. Знаешь, как Поддыхов говорил со мной? Я ведь не мальчик, а он меня унизил при всех. За что, почему? Неужели его так взбесила продажа одной только партии? Все ведь легко уладить, я знаю пути. Потом. Кто принес ему этот злосчастный сапог? Кто? Ты видела? Видела?— Слонимский сел и горестно обхватил голову руками. Это было неприятное зрелище: словно тряпичный манекен, не имея опоры, валился из стороны в сторону. И вдруг все переменялось. Слонимский быстро встал, его блестящие глаза приблизились к самому лицу Ирины Николаевны, он завизжал каким-то незнакомым голосом:

— Кто привез тебя домой с работы? Что ты успела ему сказать? Отвечай мне, иначе... Отвечай же, гадина!!!

ГЛАВА 2

СЛЕДСТВИЕ

Из протокола осмотра места происшествия: «С места происшествия изъяты: бутылка пустая 0,5 л с этикеткой коньяк «Наири», на дне остатки коричневатой жидкости с запахом спиртного, три широких коньячных рюмки голубого стекла, шприц одноразового пользования с насаженной иглой и надорванная упаковка шприца, три ампулы фабричного изготовления, наполненные неизвестным лекарством, название которого смыто, белые домашние туфли со следами загрязнения на носке правой туфли, спортивный костюм светло-зеленого цвета.

Все вещественные доказательства упакованы в отдельные целлофановые пакеты и опечатаны печатью прокуратуры.

Труп Росиной Ирины Николаевны направлен в морг для производства судебно-медицинской экспертизы.

Заявлений и замечаний со стороны участников осмотра не поступило.

Протокол прочитан, записано верно...»

Постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, постановление о назначении криминалистической экспертизы волокнистых материалов, постановления о назначении дактилоскопической экспертизы, трасологической экспертизы...

Я читала, перечитывала эти документы, и меня не оставляло чувство досады. Всего-то три дня провела я в командировке, и именно в эти дни угораздило случиться убийству. Утром, едва я появилась на работе, прокурор вызвал меня в свой кабинет.

— Вот что, Наталья,— сказал он, поглаживая мизинцем переносицу,— ты о вчерашнем знаешь уже?

Что-то об убийстве Росиной я успела узнать, но не думала, что мне предстоит эта работа. Следователей у нас хватает, я же только что закончила труднейшее дело и тоже убийство. Раскрыли его с огромным трудом, и дело это стоило мне немало нервов. Я даже еще не написала по нему обвинительное заключение, а сроки уже поджимали. Всё это, конечно, знал мой прокурор, тем не менее... Буйнов словно прочел мои мысли, поморщился:

— Знаю, знаю, Наталья Борисовна, все знаю. Но пойми, другого выхода у нас нет. Смотри сама.

Прокурор, загибая пальцы, стал перечислять мне дела, в которых увязли мои товарищи, и так получалось, что по этому загадочному убийству мне все карты в руки.

— Да ладно,— ответила я на монолог прокурора,— решение принято, чего уж тут говорить. Жалко только, что при осмотре места убийства я не была.

— Ну, милая моя,— нахмурился Буйнов.— Как мы можем так говорить — «место убийства!»? Заключение судебно-медицинского эксперта еще нет, а на теле умершей Росиной, подчеркиваю «умершей»,— он назидательно поднял указательный палец,— при внешнем осмотре следы насильственной смерти отсутствуют. Подождем, что скажет эксперт, а пока обнаружено, что ей внутривенно введена какая-то гадость. И неизвестно еще, что именно. И дело-то возбуждено по факту смерти. Так что получаешь ты уравнение со многими неизвестными, а если совсем точно — со всеми неизвестными. Экспертизы я сам назначил, я и осмотр проводил на месте, так получилось. Короче, бери вот, знакомься.

Он подвинул ко мне тонкую бежевую папку, в которую были вложены несколько листиков бумаги. Кивнув, я забрала дело и выслушала последние советы прокурора, которые сводились к тому, что я и без подсказок знала: обвинительное заключение по законченному убийству мне придется писать вечером, а этим делом следует заняться незамедлительно. А самое первое, что нужно сделать, это связаться с Ермаковым Толей, оперуполномоченным уголовного розыска, с которым мы, как видно было из Буйновского постановления, и составляли следственно-оперативную группу.

Капитана Ермакова я знаю давно, работала с ним по сложным делам. Немаловажно, что он дружен с Антоном Волной и пользуется его уважением, а заслужить расположение Антоши, ох, как непросто. Мне нравилось в худеньком смуглом Ермакове его неутомимость, заинтересованность и скромность. Последнее качество, как мы привыкли говорить, украшало Толю, но оно и было виной тому, что имя капитана мало кто знал, хотя другие розыскники при худших результатах умудрялись стать местными знаменитостями. Толя же свои успехи всегда приписывал кому-нибудь другому. По-моему, Антон уважал Толю и за это качество — капитан больше любил работу, чем славу, что по нынешним непростым временам редкое бесценное качество, которое я и собиралась эксплуатировать. Однако мои попытки разыскать Анатолия Петровича успехом не увенчались: Ермаков сейчас где-то бегал по разным адресам.

Поняв безнадежность затеи по розыску Ермакова, я набрала телефон Антона Волны и, к своему удивлению, застала его на месте.

— Наташа!— услышала я его голос. Антон явно обрадовался моему звонку.— Ты, наверное, Ермакова ищешь?

— Вот что значит ОБХСС! Ты, как всегда, зришь в корень. Ищу Толю, конечно, ищу, но безуспешно...

— Не суетись,— перебил меня Антон,— Толя тебя сам найдет сегодня. Я утром с ним виделся, он просил передать. Ты учти, пожалуйста, я тоже с тобой повидаться хочу. Ты когда будешь свободна?

— Вечером заскочу,— начала я, но Волна опять перебил меня:

— Ты не поняла, вечером — это само собой. Мне по твоему новому делу надо с тобой побалакать. Ты на адрес Росиной внимание обратила?

— Нет,— смущенно призналась я,— а в чем дело?

— Тоже мне пинкертонаша,— подколол меня Антон,— слона-то и не заметила. Росина со мной в одном доме живет. Жила,— поправился он,— даже в одном подъезде.

— Ну и что?— с вызовом спросила я, досадуя на свою невнимательность и на то, что Антон ее заметил.

— Об этом и поговорить надо. Назначай время.

— Как только, так сразу, товарищ капитан,— сказала я, уже улыбаясь.— Заходи в любое время.

Антон Волна — мой давний верный друг, которого я чрезвычайно ценю. После трагической гибели моего мужа с ним единственным я продолжала поддерживать отношения. Все другие наши приятели, к стыду моему, вызывали у меня раздражение. Умом-то я понимала, что неправа. Но справиться с собою не могла и постепенно отдалилась от друзей, оставив в сердце лишь Антона с Людмилой, которых продолжала любить, чувствовала себя с ними свободно и легко. Может быть, потому, что меня они не жалели, нет. Жалость мне уже обрыдла, постоянно беря незаживающую душевную рану. Мое горе постоянно было со мной, и чем дальше шло время, тем тяжелее мне становилось.

Антон Волна не пытался меня утешать. Просто однажды, сурово отчитав, он перестал делать скидку на постигшее меня горе. Заявил, что надо работать, жить, а не существовать. Позднее он с удивительной проницательностью угадал характер моих отношений с Игорем, вернее даже не с ним, а с его пятилетним сыном Сашулей. Почему-то мне тогда показалось, что у нас с Александром мог бы родиться именно такой сын. Но это уже разговор особый, и раздумья не для рабочего дня, тем более, что звонок телефона быстро вернул меня к действительности, и я услышала весьма энергичный голос нашего судебно-медицинского эксперта Шамяля Гварсии.

— Э, Наташа, дорогая, рад приветствовать тебя! Как съездила, все в порядке? — и не дожидаясь ответа на свои вопросы, сказал что вскрытие он закончил — о результатах уже сообщил Буйнову, — он просил тебе позвонить. Плохи дела, Наташа. Насильственная смерть. В вену на сгибе левой руки Росиной введена доза наркотика.

— Сама? Может, сама? — спросила я Шамяля, хотя ответ знала почти точно. Но спросила, не удержалась от соблазна получить хотя бы неофициальное мнение Гварсии, который был отличным специалистом, большим умницей и частенько помогал мне советами.

На этот раз ничего не вышло. Ответ Шамяля прозвучал сухо:

— Ты же знаешь, этот вопрос не входит в мою компетенцию как эксперта. Сама — не сама — установите вы, следователи. Я напишу лишь, что такая возможность не исключается. И все. Но дело не в этом.

— Что еще, Шамяль? — встревожилась я, потому что, слушая Шамяля, я мгновенно прикинула схему расследования по этой версии, и новые обстоятельства могли ее усложнить.

— А в том дело, что у Росиной повреждения в затылочной области. Обширная гематома. Похоже, ударились затылком, — Шамяль помолчал секунду и добавил: — или ударили. Так-то вот, Наташа, дорогая. Повреждения прижизненные. Предвижу твои вопросы и отвечу сразу: невозможно определить, что раньше было — ушиб или наркотик. Пока невозможно. У нас, дорогая Наташа, новая методика появилась. Сейчас я с нею знакомлюсь. Это к тому, что заключение задержу. Сейчас еду к своему патрону с вопросами, а там решим... И еще, чтобы ты знала, — он чуть помедлил: — Доза наркотика не смертельная. Там есть еще какой-то яд. В общем, задержу заключение, дорогая.

— Ты меня под корень рубишь, Шамяль, — я не могла скрыть огорчения. Все расследование мне надо было строить, отталкиваясь от этой экспертизы, а он, пожалуйста, — задерживается. Но причины-то уважительные, ничего не поделаешь.

— Наркотик хоть определили? У Росиной и в ампулах?

— Да, сильнейший наркотик! У Росиной в крови и в ампулах один и тот же!

Даже та малость, что сообщил Шамяль, очень не нравилась мне. Такое сочетание — черепно-мозговая травма, неизвестный яд и еще наркотик — не сулило ничего хорошего. Противно защемило в груди от предчувствия какой-то беды. Ах, как обидно, что не нашла Ермакова! Наверняка он уже что-то знает, и без него нет смысла планировать расследование. Ладно, займусь пока сбором тех данных, что могут быть мне доступны.

Экспертизы. Криминалистическая, биологическая... вот дактилоскопическая. Для всех других еще рано, а эта может быть уже готова. Если и заключения нет, то результаты известны. А коли не известны, опять попрошу побыстрее сделать. Ее наверняка проводит Игорь. Мне очень хотелось узнать о Сашуле, но я не решалась позвонить, не могла заставить себя отбросить ненужные, глупые условности и позвонить. И очень хотелось, чего уж таиться перед собой, чтобы первым позвонил Игорь, разыскал, спросил, как съездила в командировку, словом, проявил внимание. Но он не звонил.

Однако же выводы эксперта мне были нужны позарез. Выводы эксперта... и немножко о Сашуле, о маленьком серьезном мальчишке с такими знакомыми голубыми глазами...

Нужную мне экспертизу, как я и предполагала, делал Игорь, выводы были готовы, а заключение еще нет.

— И что там?— спросила я, подавляя желание первым задать совсем другой вопрос.

— Наталья Борисовна, результаты интересные. Отпечатков мне передали уйму. Какие вас интересуют в первую очередь?

— Кухня. Бокалы, бутылка, ну и шприц, конечно.

Я слушала, делая пометки. Шприц — один отпечаток большого пальца правой руки самой Росиной. Два бокала — отпечатки пальцев левой руки Росиной. Один бокал — большой, указательный и средний пальцы Слонимского Евгения Васильевича, на бутылке — его же пальчики...

— Что за Слонимский?— заинтересовалась я. Фамилия такая мне не встречалась.

— Об этом спросите у Ермакова, он мне образцы доставлял вчера.

Что-то я сегодня впросак слишком часто попадаю. Мне захотелось скорее закончить разговор о делах и спросить о Саше.

Но о сыне первым начал Игорь. Чутьочку помолчав, он тихо сказал:

— А Сашка вас ждет, Наташа. Я не мог об этом промолчать.

— И правильно сделал. Я рада, что ждет,— в голосе моем смешались смущение и торжество. Игорь, видимо, понял мое состояние и поспешил воспользоваться им, укрепить личные позиции:

— Я тоже, Наташа. Мы оба ждем. Так когда?

— Позвоню к вечеру,— пообещала я и тут же решила во что бы то ни стало освободиться от всех дел и обязательно повидаться с Сашулей. И, конечно, с Игорем тоже, что уж скрывать. В конце концов, имею я право на личную жизнь?

Я еще, задумавшись, держала телефонную трубку, когда в кабинет вошел Антон Волна, глянул на возмущенно гудевшую трубку, и я поспешно брякнула ее на рычаги.

— Ермаков не появлялся?

Я отрицательно покачала головой:

— Нет и даже не звонил.

— Я ему сразу же рассказал, что эта Росина в моем подъезде жила,— продолжал капитан,— похоже, я одним из последних видел ее в живых. Придется выступить в этом деле в качестве свидетеля...

— Очень интересно!— засмеялась я.

— Погоди смеяться-то,— прервал меня Антон.— Не нравится мне вся эта история, очень не нравится! Знаешь ли ты, что Ирина Николаевна никогда наркоманией не страдала? Вполне приличная была женщина. Труженица. Домоседка. Нет, наркотики и она несовместимы...

Антон говорил как бы сам с собою, в его голосе были печаль и раздумье, и мне грустно было смотреть на друга. Я слушала его и думала о том, как много трагедий, загадок и тайн, как много несчастья и подлости встречается на нашем пути, и каким жизнелюбием, какой верой в людей надо обладать, чтобы уметь

так, как Антон сейчас, горевать о смерти в сущности чужого человека.

Капитан между тем продолжал:

— Я в тот вечер с работы ее подвозил. Мне показалось, что на службе у нее что-то произошло, даже какой-то вопрос ей задал, а она... замкнулась как-то, понимаешь, сразу: нет, нет, мол, все в норме. Но я-то видел, у них там какие-то сложности. Она ни о чем не рассказала. Хотя раньше, бывало, со мной делилась. Интересно, почему? Дома я пробыл около часа. Потом спустился вниз и вдруг увидел голубую «девятку». Машина сразу же рванула от подъезда. Я потом понял: это ведь от меня она газанула. Знакомая машина. Слонимского Евгения Васильевича.

— Слонимского?!— воскликнула я, невольно схватив листок с записями, сделанными мной во время разговора с Игорем.— Антон, отпечатки пальцев Слонимского обнаружены на бокале в кухне Росиной, на бутылке...

— Уже?— переспросил Антон.— Молодец Ермаков! Я ведь ему это рассказал. И он постарался, достал образцы. Значит отпечатки... На бокале? И на бутылке... Наташа, как ты думаешь, зачем это он газанул? Я ж его и его машину знаю. Может, и внимания бы не обратил, если бы не скорость.

— Спросим у него самого,— пожалала я плечами.— Что же я-то могу сказать?

Капитан Волна поскущел, сидел, молча ероша буйную русую шевелюру на крупной красивой голове.

— Ну, гляди, Наташа,— сказал он наконец, поднимаясь,— и совет мой прими. Дружеский. Помалкивай обо мне, ладно? Ты и Ермаков — только вы должны знать о том, что я рассказал.

Видя, что я недоуменно подняла брови, капитан поспешил предупредить вопросы, готовые сорваться у меня с языка:

— Не могу, не могу ничего больше сказать. Не знаю просто. Но ты ведь интуицию признаешь? Я тоже. Чувствую: будет очень непростое дело, и без меня вам не обойтись. Ясенько? Значит, я побежал, за Ермакова будь спокойна: появится и очень скоро.

Вот так закончился разговор с Антоном, и я, оставшись одна, поежилась в предчувствии тяжелой работы. Собственно, я еще не отошла от предыдущего дела и вот придется заниматься новым. Мог бы Буйнов дать мне передышку. Но правильно говорится в пословице: кто везет, того и погоняют...

Вздыхнув, я опять открыла тощую папочку, перебрала листочки. Вот он, протокол осмотра. Беспорядка в квартире Росиной нет, все вещи целы, даже золотая цепочка на шее погибшей. Если это убийство, то мотив не корыстный. Стоп!— одернула я себя. Корысть может быть не только в похищении вещей! Могут быть иные корыстные мотивы. Однако же, как мы привыкли, чтобы мотив был ясен с первого взгляда. И не только мы привыкли, но и преступники. Мотивчики подбрасывают нам, не лентясь. Правда, не очень разнообразят: как правило, кражи инсценируют, так проще и версий больше у следователя: свои, чужие, случайные, с наводкой и без... А время работает не на нас, нет, чего бы ни говорили. На истину работает абстрактное время, а применительно к подобным делам конкретное время работает против, я это знала — увы!— слишком хорошо.

Поэтому надо спешить. Итак, если был убийца Росиной, он сделал все, чтобы мы подумали о несчастье, о неосторожности самой женщины, передозировавшей наркотик.

Капитан Волна в это не верит. Он знал Росину и уверен, что она наркоманкой не была. Но убийца-то не знал, что капитан может заступиться за женщину. Подожду-ка Анатолия. Капитан Ермаков сейчас занят важными вещами. Пока он отсутствует, займусь оформлением законченного дела. За его задержку меня тоже по головке не погладят, прокурор мне весьма недвусмысленно дал понять это, да я и без него знала.

ГЛАВА 3

РОЗЫСК

Поддыхов

— Конечно, я все понимаю,— Поддыхов встал, большой, непомерно грузный рядом с тоненьким стройным Ермаковым,— начальнику первая чарка и первая палка...— Он даже не пытался скрыть свою озабоченность событиями.— В первый день мы не беспокоились, думали, что Росина заболела. Хотя в таких случаях полагается звонить. Здесь у меня порядок намечается железный.— Поддыхов вздохнул, вспомнив порядки в своем бывшем НИИ, откуда пришел в кооператив. Те порядки были противны ему до тошноты. Противны, потому что там бессмысленно тратили время, а его ведь каждому отпущено так мало, до обидного мало. Здесь, став хозяином, Поддыхов ввел строгую дисциплину и не прилагал особых усилий к тому, чтобы ее поддерживать. Достаточно глянуть с угрозой — система действовала сама. Не желаешь работать — пошел вон или туда, где платят не за труд, а за присутствие, но платят гроши, можешь жизнь продремать и не заметить. Сам Роман Григорьевич, продремав таким образом лучшие свои годы, ужаснулся вдруг бессмысленности своего существования. Жизнь не только проходила зря, как песок сквозь пальцы, но была убогой, нищенской, недостойной мужчины. А тут открылась возможность начать рискованное предприятие, и Поддыхов вступил на свежеструганную палубу нового корабля, по-моряцки широко расставив ноги, чтобы не быть смытым за борт во время неминуемой качки в неизведанном экономическом океане.

— Так вот,— продолжал он, не глядя на собеседника,— сначала я не очень беспокоился. Но утром следующего дня вызвал Слонимского. Божится, что ничего не знает, не ведает, а я вижу, что врет. Отправил его домой к Росиной — вернулся ни с чем. Ну, говорю, надо ломать дверь... Жека Слонимский и еще двое Иринину дверь открыли быстро, а что там увидели — вы знаете лучше, тут я не свидетель.

Ермаков молча кивнул. Конечно, что там, в квартире Росиной было, он знает лучше. Впрочем...

— Да я не об этом спрашиваю,— поморщился капитан.— Это все известно. Вы мне скажите, не было ли у вас чего, необычного? У Росиной главная жизнь была в кооперативе. Здесь я, предупреждаю честно, и рыть буду. Зачем мне с вами темнить, Роман Григорьевич, сыграем в открытую?

Поддыхов отошел к окну, проворчал, побагровев:

— Ройте, ройте, ребята. Пока погляжу. Помните только: я первый встревожился и сообщил. Как по-вашему, преступник способен на такое? В его это интересах?

Ермаков пожал плечами, тогда-то Поддыхов повторил:

— Конечно, я понимаю. Начальнику первая чарка и первая палка.

Слонимский

Если бы капитан не знал Слонимского, может быть, и не бросилась бы так в глаза его растерянность. Да что там растерянность — плохо скрываемый ужас метался в светлых глазах юриста, когда он наконец поднял голову и глянул на капитана. Маленький светлый кабинет Поддыхова, предоставленный хозяином для беседы, давал возможность Ермакову близко, совсем рядом видеть искаженное страхом лицо собеседника. Зажатые между колен руки Слонимского заметно дрожали. Ермаков невольно отвел глаза — зрелище было не из приятных. Да и вообще этот разговор с юристом был одним из самых скверных. Страх словно парализовал мозг Евгения Васильевича, его ответы на вопросы выгля-

дели до отвращения наивными и лживыми.

— Нет-нет,— трагическим шепотом сказал Слонимский,— я не видел Ирину в тот вечер, а отпечатки — что ж, я ведь бывал у нее раньше. И коньяк носил, как же к женщине — без коньяка. Выпивали мы, вот и на рюмках... Но не в тот вечер, нет-нет-нет!

— Вы говорите неправду,— укоризненно заметил Ермаков,— вы же знаете, что женщина не могла оставить на кухонном столе бутылку и рюмки невымытыми несколько дней.

— Женщина она и есть женщина. Кто поймет ее? Может быть, хотела подольше сохранить память о встрече?— возразил Слонимский.— И я не берусь объяснять ее действия сейчас, когда она мертва... Боже, боже мой, Ира мертва,— застонал он и закачался на стуле из стороны в сторону.

Ну что ты будешь делать?! Розыскник Ермаков повидал на своем служебном веку много людей и не переставал удивляться, насколько они все отличаются друг от друга. И ведут себя странно. Вот, например, Слонимский. Совсем потерял голову от пустячных вопросов. Ну зачем отрицать эту встречу с Росиной? Зачем, если он не причастен к ее смерти? Неужели опытному юристу не ясно, что он лишь настораживает розыск своими нелепыми, неуклюжими объяснениями?

Слонимский между тем встал, слегка пошатнувшись, подошел к двери кабинета. Прислушался, покачал головой, направился к окну, выглянул. Словно кто-то мог там стоять, за окном на третьем-то этаже!

Капитан с удивлением наблюдал за странными действиями юриста, а тот склонил лицо прямо к уху розыскника. Трагический шепот сменился многозначительным:

— Кому помешала Ира? Почему? Умоляю, найдите ответы на эти вопросы. Я вам открою свои подозрения: совещание... Странное совещание... Накануне... Кто все это подстроил? Гусенков — пешка. Скарета и трус. Змей? Тупорылый боевик... Кто? А-а-а!— Слонимский вдруг застонал, прижал ладони ко рту, плюхнулся в кресло и крикнул:— Не был, не был я у Иры, не был!

Истерический этот крик изменил планы капитана, и он выложил свой козырь:

— Вас видели там. В тот вечер видели, в последний, трагический.

— Кто? Кто видел? — перебил розыскника Слонимский. Его поднятое лицо испугало капитана: стало вдруг ассиметричным, странно неподвижным и бледным.

— Вам плохо?— едва не опрокинув тяжелый стул, Ермаков бросился к Слонимскому.

— Нет-нет,— с трудом разлепил губы Евгений,— это пройдет. Воды мне, воды,— и медленно начал заваливаться на бок...

Снова Поддыхов

Разговаривать с ним стало легче. Председатель кооператива, капитан это чувствовал, убрал колбчки, отвечал ровнее и подробнее, хотя начал с того же, чем кончил предыдущую беседу.

— Ну, точно. Похоже, мне первая палка,— он кивнул на дверь, недавно закрывшуюся за носилками с бумажно-белым Слонимским.

— Вы ему серьезное что-то предъявили? С чего это он сознание потерял? Ермаков лишь развел руками:

— Да мы и поговорить толком не успели. Так, кое о чем. Придется, Роман Григорьевич, вам все же со мной пооткровенничать.

Поддыхов с готовностью согласился. Он рассказал о том, что кооператив «Красота» был образован около года назад. Действовал при обувной фабрике вполне официально. Задачи ставил перед собой простые, но обоюдно выгодные: фабричный брак кооператоры пускали на фурнитуру и отделку: ремешки, бантики, полоски брала не только фабрика, завязывались контакты на стороне, расширялись деловые знакомства. Поддыхов ничего этого не скрывал, да и утаивать ему

было нечего, кооператоры действовали вполне законно.

Ермаков слушал председателя, не перебивая, хотя рассказ его вроде бы не имел никакого отношения к таинственной смерти Росиной. Но утренний разговор с Антоном Волной, старшим уполномоченным ОБХСС, да и привычка не чураться мелочей, которые потом — кто знает? — могут стать главными, делали капитана терпеливым слушателем. Время шло, а капитан сделал для себя лишь несколько пометок, требующих, на его взгляд, внимания. Слушая Поддыхова, он размышлял о том, почему председатель кооператива, охотно и подробно рассказывая о производстве, старательно обходил все трудности своего предприятия? Неужели так гладко шли дела в «Красоте»? Так-таки никаких проблем? Хотя бы за последние дни? Что же тогда так взволновало Слонимского, когда он говорил о совещании? Да и Антон заметил, что Росина замкнулась, едва он спросил о делах. Раньше именно о работе она говорила с ним с удовольствием, так как только работой и жила, а в тот день вдруг странно замкнулась, стала вдруг болтать о пустяках.

Первый день розыска. Самый трудный день, первый. Никогда не знаешь, какие сюрпризы он тебе поднесет, и как повернется потом. Сколько уж раз Анатолий Петрович убеждался в важности этого дня, сколько было у него оснований ругательски ругать себя, поскольку первый день и его ошибки, он знал, исправить почти невозможно. Если они допущены. Если они уже допущены.

Жара становилась невыносимой. Ермаков пересел к кондиционеру, оказался совсем рядом с Поддыховым. Рядом, но не вместе. Ермаков чувствовал жар большого тела председателя, слышал легкий свист его бронхов и думал, что Поддыхов, наверное, не очень здоров и волнуется. Как бы и этот разговор не закончился вызовом «Скорой».

Постепенно энтузиазм, с которым председатель начал рассказ о целях и задачах своего кооператива, начал ослабевать, длительнее становились паузы, наконец он совсем замолчал, вопросительно глянув на Ермакова. И тому стало ясно, что Поддыхов не желает распространяться о последних днях работы. «Как обычно, как обычно. Рассказать подробнее? Извольте. Утром — совещание».

— Почему же протокола нет? — спросил капитан, вспоминая аккуратные белые папки со скоросшивателями, где Ирина Николаевна добросовестно хранила бумаги.

— Нет протокола? — удивился Поддыхов, опять подумал, хлопнул себя ладонью по потному лбу. — Так ведь и не должно быть протокола, Росиной не было на совещании.

— На всех других была, а на последнем — нет? Почему это? У вас ведь, сами говорите, дисциплина и порядок во всем.

— Обсуждали производственные вопросы. Не очень важные, а у нее какая-то срочная работа была, она и попросила ее освободить.

— Не секрет, какие обсуждались вопросы? И кто присутствовал на совещании?

Поддыхов понял, что если уж капитан заинтересовался этим совещанием, то до повестки дня обязательно докопается. Так что темнить не надо.

— На совещании присутствовали юрист Слонимский, Гусенков — наш начальник цеха бижутерии, снабженец Каная и его помощник Кобриков. А вопрос был один: Гусенковские шустрилы пустили в продажу бракованную обувь, что получили с фабрики для переработки. Партия небольшая, правда, но разговор был серьезный. Первый такой у нас случай. Но он меня очень встревожил. Я за кооператив всей душой болею и не хочу, чтобы он превращался в воровскую лавочку. Не хочу губить дело, о котором, можно сказать, всю жизнь мечтал — самостоятельное дело. А тут такой скандал, такая гадость. Неприятно ужасно. — На лице Поддыхова отразилось отвращение, и все же Ермаков чувствовал — председатель что-то недоговаривает. Какая-то фальшь сквозила в его рассказе, так бывает всегда, когда человек пытается полуправду выдать за правду.

«Ах, люди, люди», — вздохнул про себя капитан. В печальном заведении Шамяля Гварсии лежит тело несчастной женщины, и прах ее требует успо-

коения. А здесь сражаются двое взрослых людей. Один пытается установить, другой скрыть правду. За какие такие ценности они сражаются, если главная ценность — жизнь — два дня назад потерпела поражение и потеряла одну свою составную часть: Ирину Николаевну Росину?

Ирина Николаевна была проигравшей стороной в чьей-то беспощадной войне, а скорее всего, была жертвой этой войны, и вместо того, чтобы объединиться против жизнеуносящих битв, двое взрослых умных людей сражались между собой словами-мячиками.

Ермаков видел страдания председателя, с которого градом струился пот. Капитан отвел глаза от собеседника, но тот успел уловить и понять брезгливую гримасу, смутился, побагровел еще более, однако было что-то для него сильнее, чем стыд, и Поддыхов медленно уронил:

— Ну что за жизнь, право... Что за жизнь...

Капитан пожал плечами:

— На философские темы побеседуем потом, Роман Григорьевич, на досуге. На мне сейчас нераскрытое убийство висит. Скажите, кто из ваших сейчас на месте?

— Все, как обычно,— ответил Поддыхов и поднялся, выражая готовность позвать сослуживцев.

— Давайте по телефону, Роман Григорьевич. Зовите вот хоть этого,— розыскник заглянул в записную книжку.— Гусенкова. С него сыр-бор разгорелся?

— С него,— кивнул Поддыхов и потянулся к телефонной трубке.

Гусенков

Хорошо, если знаешь, с чего начинать. Когда пепельно-серый Гусенков уселся и, поерзав на стуле, затих, капитан быстро спросил:

— Кто распорядился продать бракованную обувь? Кто привез ее вам, кто продавал?

Спросил и сам удивился: почему сознание связало эти факты — убийство и... Мелькнула мысль: может, позвонить Антону Волне, пусть разбирается ОБХСС с незаконной продажей? Но эту мысль отодвинула та же внутренняя уверенность — здесь есть какая-то связь, надо распутывать весь клубок. Самому. Если будет все же осечка, ничего не поделаешь. Зато версию он отработает полностью. Других связей, кроме служебных, за исключением разве Слонимского, погибшая Росина не имела по установленным на сегодня данным.

Гусенков, видимо, готов был к ответу. Еще бы. События последних трех дней давали возможность подумать. И все же на вопрос он ответил вопросом:

— Будете записывать?

— А как же? — удивился капитан.

— Тогда договоримся так: пишите протокол, я подпишу. С моих слов, конечно, с моих слов,— заторопился он, видя недоумение Ермакова,— подпишу вам протокол, а потом...— и замолчал, повертел сухой головой на тонкой шее, махнул рукой и добавил: — Видно будет потом.

Прав был капитан. Гусенков все продумал. И выходило, что кто-то неизвестный привез в цех, бижутерии партию женских сапожек из коричневой замши. Человек этот представился новым экспедитором, сказал, что Поддыхов велел Гусенкову расписаться в накладной и дать ему трех женщин побойчее, чтобы помогли в деле. Не подозревая о криминале, Гусенков выполнил распоряжение председателя. И вся вина его в том, что не перепроверил, доверился незнакомцу. И вот неприятности. О том, что его надули, узнал на совещании у Поддыхова. Деньги за реализацию бракованных сапог в глаза не видел и вообще не знает, продали сапоги или нет.

— Правильно вообще-то меня Роман Григорьевич отчитал,— громко подыто-

жил свой рассказ Гусенков,— надо быть бдительнее, нас опорочить легко. Доброе имя восстановить труднее,— и требовательно добавил, указывая на белые линованные бланки протоколов, лежащие на столе,— пишите, пишите.

Все это было по меньшей мере странно, и Ермаков, чувствуя неладное, быстро заполнил и протянул Гусенкову протокол. Не читая, тот подписался, достал из кармана записную книжку, вырвал листочек, нахмутив лоб, написал что-то, загоразживая листок ладошкой и подал вместе с протоколом.

Прочсть текст записки было делом одной секунды, и капитан не удержался от возгласа:

— Слонимский?!

Подняв на Гусенкова глаза, он увидел, что тот укоризненно качает головой, и длинный палец Гусенкова был так прижат к тонким губам, что они совсем смялись и превратились в одну сплошную серую полосу.

Злоказов

Склад бракованной продукции располагался в подвале, в самом дальнем крыле здания фабрики, давшей приют кооперативу «Красота». В подвал вели каменные ступени, на которых позорно гулко цокали подбитые подковкой ермаковские туфли. Капитан старался ступать полегче, но проклятое цоканье уже, он видел, вызвало улыбку на лице Поддыхова.

— Для экономии подковки-то? — не утерпел тот и, видя смущение капитана, грустно сказал: — Дефицит нынче обувь-то. Острый дефицит. Немудрено. Походили бы по фабрике, глянули, на каких машинах работают. Тьфу! Ломаного гроша не стоит вся здешняя техника. На ней только брак и получается: Что ж удивляться, что гоним брак, заведомый брак?!

Поддыхов спускался по крутой лестнице, пыхтя и отдуваясь, ворчал:

— Вы и не представляете, что бы я мог с этой фабрикой сделать, разрешили бы только. Разрешили и потерпели один-другой годик, не давили бы, не жали. На паях бы с рабочими — конфетка была бы, не обувь. Но мы и опериться еще не сумели, а вороны тут как тут,— и, чертыхнувшись, прервал воркотню.

Особого внимания на брюзжание председателя Ермаков не обратил, тем более что ступени кончились, и Поддыхов с натугой принялся открывать обитую железом массивную дверь.

— Как в швейцарском банке,— засмеялся капитан.

— Это все Злоказов,— ответил председатель многозначительно.

В полутемном помещении склада стоял запах клея, прелой кожи и ацетона — такой терпкий, что Ермаков невольно поморщился.

Они прошли в отгороженный досками закуток, в котором и нашли Злоказова: высокого, сутулого и худого. Хищный с горбинкой нос на узком бледном лице делал кладовщика похожим на огромную тощую птицу, сходство завершали круглые глаза с расширенными зрачками — странно неподвижные и внимательные.

Злоказов молча поднялся навстречу вошедшим, и Ермаков с удивлением уловил в голосе властного Поддыхова какие-то новые нотки: то ли заискивал председатель, то ли просто был так расположен к Злоказову:

— Вот, Петро, привел тебе гостя. Из милиции.

Белесые густые брови кладовщика выползли на лоб, уголки тонких губ опустились. Весь он был — молчаливое удивление.

— Интересуется, кто у тебя ту партию сапог получил,— продолжал Поддыхов,— давай документы.

Не промолвив ни слова, кладовщик достал из стола и положил перед Ермаковым несколько накладных. И по разговору, и по тому, как четко выполнил просьбу кладовщик, капитан понял: они подготовились. Председатель с кладовщиком все уже проверяли, потому и документы оказались под рукой.

— Вы-то их смотрели? — Ермаков обратился к Поддыхову; кивнув на

документы.

Председатель неопределенно пожал плечами, но Ермаков умел держать паузу, и Поддыхов сказал в конце концов:

— Видел. Что с того? Кобриков Сережка получил.

— Кобриков? — повернулся капитан к Злоказову. Тот кивнул, подтверждая:

— Он самый. Сергей. Расписался и вывез, как обычно.

Ермаков просмотрел документы. Замшевые женские сапожки ценой 47 рублей за пару были забракованы ОТК. Согласно акту, где подробно описаны производственные дефекты. И стоимость их после этого стала 80 копеек за ту же пару.

— Здорово живешь! — не удержался капитан от удивленного возгласа, — с сорока семи рублей до восьмидесяти копеек! Это как понимать? Очевидное — невероятное?

Злоказов вышел из-за стола, распахнул дверь своей конторки и протянул длинную руку в сторону мрачного склада:

— Прошу. Посмотрите сами на нашу продукцию.

Он щелкнул выключателем, вспыхнувшие под потолком лампы дневного света ярко осветили полки, отсеки, контейнеры — клетки, от которых и исходил тот гнусный клеево-ацетоновый запах.

Удручающее впечатление производили хранимые Злоказовым вещи. Смятые голенища сапог, заплесневелые войлочные тапки, тупорылые ботинки с вызывающе поднятыми носами и проваленными внутрь боковинками... Мертвые вещи... Они умерли, едва родившись... И Злоказов горько сказал, словно услышал мысли капитана:

— Настоящее кладбище. Это все — на уничтожение. Еще один расход. Так что я рад, когда и по копейке за них дают. Хоть копейку вернуть бы за такое безобразие! — он повысил голос, обращаясь к Поддыхову: — Роман Григорьевич, настанет ли конец этому?

— Ты тогда без работы останешься, кладбищенский сторож!

— Не обо мне речь. Смотри, милиция, что здесь хранится! Понятно теперь, что восемьдесят копеек — тоже деньги, да и немалые, если их на наш план помножить?

Ермаков подавленно молчал. Работал он в уголовном розыске и занимался раскрытием убийств. Но здесь ведь тоже было убийство! Ненаказанное злоубийство людского труда. На что растрчивалась жизнь производителей этогохлама? На что?! Наверняка нужно капитану Волне поработать и разобраться, здесь для него широкое поле деятельности... А пока — Росина. Какое отношение имела погибшая женщина к этой свалке?

Если снабженец Кобриков официально получил на складе партию обуви, почему она таким странным образом попала к Гусенкову? Точнее, даже не к Гусенкову, а на рынок с последующим немедленным разоблачением? После разоблачения последовало совещание, скоторого Росину удалили... И затем это убийство, мотивы которого совсем уже непонятны... Что это? Цепочка случайностей, таких нередких в жизни? Или все же чьи-то продуманные действия? В сознании капитана не связывалась, но и не рвалась тонкая ниточка этих событий.

Факты! Нужны факты! Капитан Ермаков ловил их силками, а нужна сеть. Широкая, мелкаячеистая, способная уловить крупницы действительно нужного знания. Поиск нужно расширить!

Неприветливый Злоказов вызывал симпатию нескрываемой ненавистью к своей похоронной работе, и капитан не скрыл своего расположения к кладовщику, доброжелательно подал ему руку, прощаясь, и задал один только вопрос:

— Кобриков получал обувь один? Ту, последнюю партию?

— Разве управиться одному, — ответил Злоказов, — конечно, не один, — и раздраженно вдруг заторопился: — какое мне дело, с кем он был, я и не видел, с кем. Тут ходят пачками разные, всех не упомнишь. Воровать у меня особенно нечего, охотников таких мало, я и не присматриваюсь, пусть ходят.

После того, как они покинули склад, Ермакову предстояло встретиться

с начальником снабжения Давидом Каная и его замом Кобриковым. Ни того, ни другого на фабрике не оказалось. Выяснив, где они могут быть, капитан вышел на улицу.

ГЛАВА 4

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

— И это все? — недовольно спросил один, когда пленка магнитофона зашипела, закончившись.

Щелкнув клавишей, второй пожал плечами:

— Все, Хорошо, что хоть это есть. Что я еще могу?

— Многое можешь, не прибедняйся. Давай-ка еще разок прокрути конец Гусенковской исповеди. «...отчитал. Надо быть бдительнее, нас опорочить легко. Доброе имя восстановить труднее... Пишите, пишите!» — зазвучал в кабинете голос Гусенкова, искаженный записью. Опять зашипела пленка, прокручиваясь вхолостую. Потом послышалось шуршание бумаги, и другой голос произнес отчетливо и громко: «Слонимский!» Откровенно изумленным был возглас, и едва он прозвучал, опять раздался щелчок клавиши, взвизгнула, перематываясь, пленка, и вновь заговорил Гусенков: «...труднее... Пишите, пишите...» Пауза. Бумажный шелест... и вот: «Слонимский!»

— Стоп! Хватит. Значит, все же Слонимский? — Ответа не последовало, видимо, он и не был нужен.

— Слонимский так Слонимский. Пусть на себя пеняет. Вот и покажи свои возможности, предоставляется случай. Давай свой второй вариант...

Две головы склонились над белым листком, и вскоре, смятый, он сгорел в большой хрустальной пепельнице.

Слонимский

Евгений Васильевич Слонимский исподтишка оглядывал место, где оказался неожиданно-негаданно. Осторожность и опыт подсказывали юристу: лучше всего сейчас переждать, раз уж так случилось, и не показывать, что сознание и ясность мысли вернулись к нему полностью. Или почти полностью — критически оценить свое состояние, конечно же, он не мог. Однако осторожность не помешает, и Слонимский из-под полуприкрытых век тихонько оглядывал палату.

Через единственное окно — значит, палата маленькая — он отчетливо видел неподвижные верхушки деревьев. Это второй-третий этаж. Лицом к окну — дверь не видна. Кровать вплотную к желтоватой крашеной стене, тумбочка у изголовья. Скосив глаза, рассмотрел еще одну кровать. Она была занята, но кем — увидеть не удалось. Дыбилась на кровати груда сероватого белья, прикрывавшая Жекиного соседа. По этой горе можно было определить лишь, что сосед был грузным и в тяжелом состоянии — свистящие хрипы перемежались со стонами, и тяжелое дыхание шевелило застиранные простыни. Возле кровати соседа стояла капельница, по прозрачной трубочке медленно скатывались коричневатые капли. Слонимский понаблюдал за каплями и поежился от возникшего чувства страха. Что-то должно случиться еще. Должно! Всплыло в памяти удивленное лицо Ирины, оседавшей на пол так же медленно, как эти капли в прозрачной трубочке. Не было на лице страха, боли, только удивление. Почему, ну почему он не сдержался? Возьми он себя в руки, возможно, ничего бы не случилось.

Воспоминания вызвали боль в сердце, заломило затылок, и Жека закрыл глаза, отгоняя неприятные картины. В конце концов ничего не вернешь, надо выпутываться самому — вот главное.

Он принялся — в который уж раз — прокручивать в уме все возможные варианты и отбрасывать их один за другим. Сосед то хрипел сильнее, то почти замирал, была какая-то странная ритмичность в этих звуках, которые

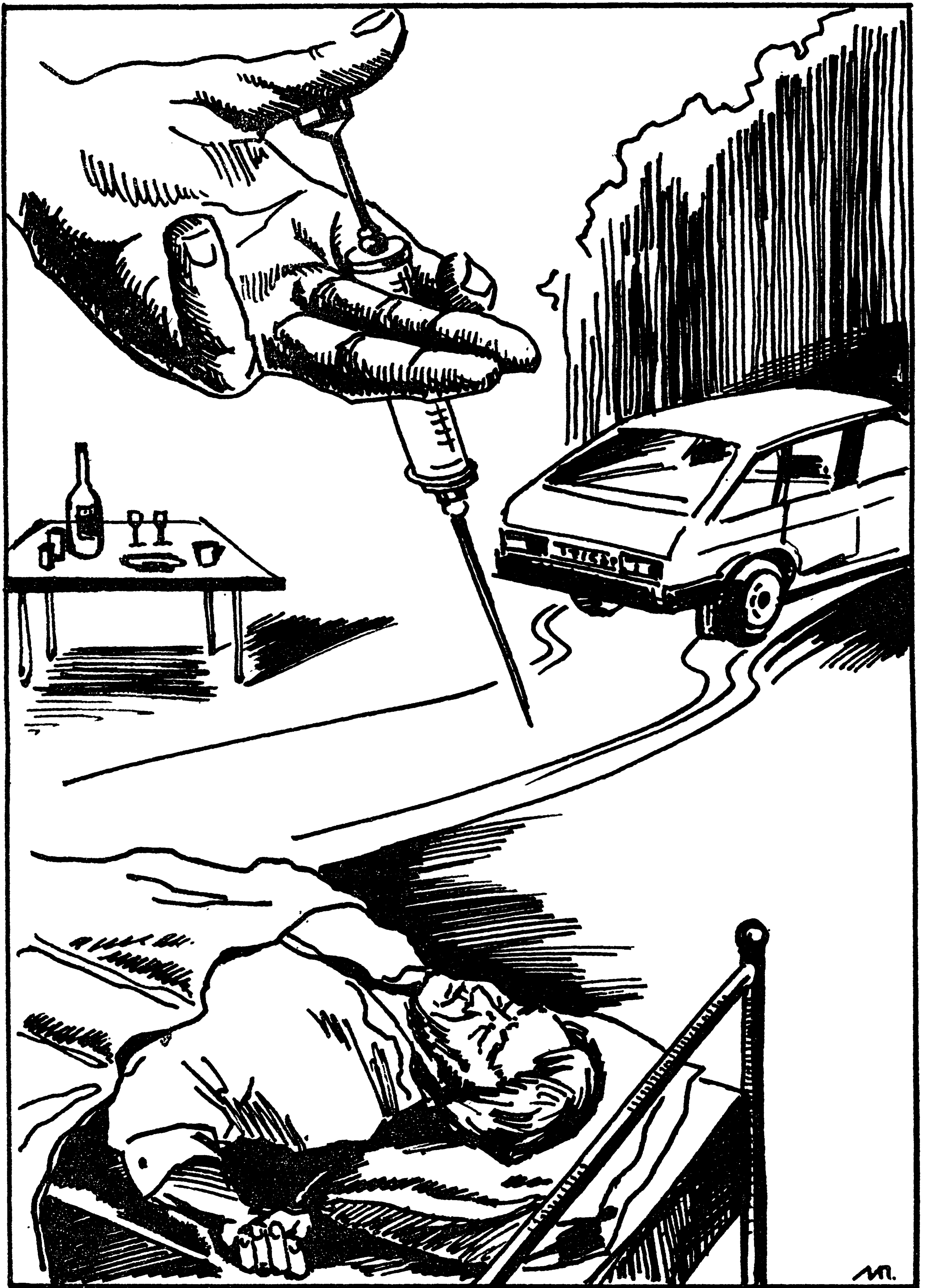

Рис. М. ПАНКОВОЙ

вначале пугали, а потом стали убаюкивающе действовать на Евгения Васильевича.

Скрипнула дверь, но Слонимский не решился повернуть голову и только чуть приоткрыл веки, сделав по возможности бессмысленным взгляд. Рослый, в халате и шапочке, с закрытым марлевой маской лицом, врач, бесшумно ступая, подошел к койке соседа, коснулся трубочки капельницы, поправил простыни, подтянув их вверх, и Евгений Васильевич удивился: лицо больного оказалось прикрытым, как у покойного.

«Умер?!» — подумал он, но с кровати послышался новый хрип, а врач уже подходил к Слонимскому, и тот поспешно зажмурил веки, оставив узкую щелочку, через которую видны были лишь часть коротковатого халата да белые джинсы.

Горячая рука коснулась лба Слонимского, и он застонал, не поднимая век. Звякнул металл о металл, руку юриста обожгло мгновенной острой болью. Потом Евгения Васильевича стало мягко качать, он хотел глянуть, что случилось с кроватью, но веки не поднимались, его раскачивало все сильнее, пока не завертело с огромной силой по стенам большой черной трубы, в конце которой виднелся яркий круг света, и Слонимский устремился к нему, так ничего и не понимая.

Следствие

Телефонный звонок поднял меня из-за машинки. Я глянула на часы — четверть восьмого — ого! — и бросилась к телефону, настойчиво трезвонившему на моем столе. Первой мыслью было — Игорь! Желание поскорее закончить дело об убийстве несчастной Василины, освободиться для новой работы как-то само собой заставило забыть о времени, об обещании, данном Игорю, да и себе тоже. Ничего, объясню. Игорь поймет.

Звонил не Игорь. Необычно взболнованный голос Антона Волны стегнул, как бич, отбросив сразу все на свете:

— Беда! Наташа, беда! Умер Слонимский!

— Антон, это, конечно, несчастье, но... — начала было я. Капитан нетерпеливо перебил:

— Слонимский умер в больнице весьма странно. На руке — следы инъекции, которую ему не назначали. Ты понимаешь? Инъекции! Телефонограмма была начальнику угрозыска, я оказался у него случайно. В больницу поехал майор Мастырин. Давай и ты туда же, Наташа, спеши. Вскрытие будет делать больничным патологоанатом, а ты Шамиля возьми с собой. Назначай экспертизу, и чтоб обязательно Шамиль был задействован.

— Но, — попыталась я опять вклиниться в быстрый монолог...

— Никаких «но», Наташа, — торопливый голос стал сердитым, — Слонимский попал в больницу после допроса, Ермаков его отправил с сердечным приступом. И — смерть. Наташа! Будь осторожна, но начинай действовать, начинай! Вторая смерть, и они связаны, я уверен, а у тебя еще все по нулям! — Волна задохнулся от возмущения, и я успела задать свой вопрос:

— Да ты мне толком скажи хоть, кто этот Слонимский, как в дело попал?

— Юрист кооператива, мужик тертый, то и странно, что его объегорили. И друг Росиной. Интимный. Кажется, так это теперь называется. А вот как он в дело попал, узнавай побыстрее. Да я ведь тебе говорил, — опять рассердился Антон, — ты что, забыла? Машина, отпечатки, последний вечер Росиной: И вот теперь опять они вместе — теперь уж в морге. Наташа, мы зря теряем время. Нужно, чтобы вскрывал труп Слонимского Гварсия, это очень важно. Ермаков не звонил?

— Нет...

— Ну, вы даете, ребята! — Антон бросил трубку.

Нервозное поведение капитана, обычно спокойного и выдержанного, удивило и насторожило меня. Антон был кругом прав. Первый день расследования прошел у меня совсем бездарно. И Ермаков мне не звонил, и я настойчивости не

проявила. Ну что ж, будем исправляться. Я позвонила в больницу, попросила позвать Мастырина и опять удивилась: голос майора был благодушным и спокойным:

— Чего вы всполошились, Наталья Борисовна! Слонимский в морге, сейчас начнется вскрытие. Скажут причину смерти — тогда и волноваться будем. А может, и не будем.

— Прошу не начинать вскрытие без меня. Буду назначать экспертизу — вскрывать труп будет Шамиль Гварсия. И больничный патологоанатом, конечно. По моему постановлению.

Официальный тон не погасил благодушия моего собеседника:

— Что вы козни видите всюду, Наталья Борисовна! Мне поручили, я и решение приму, а вы отдыхайте спокойно.

Пришлось чуточку повесить тон:

— Слонимский имел отношение к убийству, которое расследую я. Судьба его небезразлична следствию. Давайте не будем препираться. Указание следователя вы обязаны выполнять.

— Я вам ничем не обязан и даже не подчинен. Вы занимаетесь своим делом, а я — своим. С претензиями можете обратиться к моему начальству. Прошу. До встречи.

Мастырин положил трубку. Ну правильно, он мне не подчинен. Был бы подчинен, совсем другое дело. Но вот вопрос: чего упирается? Куда спешит? Не все ли ему равно, кто будет вскрывать труп? Если ему не все равно, мне и подавно. Выдала несколько звонков, Шамя Гварсию отыскала дома. Недовольства, если оно и было, он не показал, коротко ответив:

— Буду! Только ты постановление мне давай. Уже еду. Без тебя вскрывать не дам. Кое-что скажу при встрече.

Напечатать постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы было делом буквально трех минут, потом мне повезло с такси.

Секционное отделение больницы я знала хорошо — знать бы похуже! В маленькой прихожей встретил меня сердитый Шамиль, и на его громкое приветствие ответила не только я. Приоткрылась дверь, и из секционного зала выскользнула худенькая женщина — больничный патологоанатом.

— Разобрались? — спросила она, едва кивнув мне.

— А чего разбираться, дорогая! Вот следователь, у нее документы, и, как говорится, приступим с богом! — ответил Шамиль.

Мы прошли в тесный кабинет, где впритык стояли два письменных стола, один из них занимала старая пишущая машинка, за другим сидел майор Мастырин и постукивал пальцами по облезлой полировке.

Я достала постановление, положила на стол перед майором, но он и не глянул на документ. Воздел ладони вверх, резко поднялся.

— В этом случае я умываю руки. Привет.— И вышел.

Женщина-патологоанатом стала звонить лечащему врачу Слонимского, по больничным правилам нужно было пригласить и его на печальный акт.

— Выйдем, Наташа,— тихонько предложил Шамиль, и, когда мы оказались во дворе, он взял меня за руку и шепнул.

— Росину убил морбитал.

— Мор... что?

— Морбитал. Применяется для усыпления безнадежно больных животных. В ветлечебницах.

— И что? — внутри меня прошлась холодная волна, захватив сердце. Похоже, дело предстоит почище других.

— А то. Когда ты мне сказала о назначенной инъекции больному, что умер,— Шамиль кивнул в сторону секционной,— я подумал, не этот ли яд искать надо? Хорошо, что меня позвала, молодец, Наташа!

Я ошеломленно молчала. Это я-то молодец?! Антон Волна — вот кто молодец, а не я. Мне, по всему выходило, полагалось всыпать по первое число, да еще

и крепко всыпать. Мне и Ермакову, моему помощнику, на которого я понадеялась. Если и здесь убийство, нам это не проститься, нет, но не в этом и дело. Пока мы разворачивались, противник дал нам такой страшный бой, застал нас врасплох. Незримый фронт — красиво звучит, но выглядит как! Линия этого фронта прошла здесь, в секционной, где лежит труп юриста Слонимского, чьей-то очередной жертвы, которую мы могли не допустить. Во всяком случае обязаны были не допустить...

Широко шагая, торопливо подходил к секционной лечащий врач Слонимского. Высокий, широкоплечий, в безукоризненно белом халате, на который завистливо покосился Шамиль. К работе Гварсии такой цвет подходил плохо, Шамиль носил халат зеленого цвета.

Пришел на вскрытие главный врач, сухонький и седой. Поговорил с Шамилем, отправил машину за лаборантами — эксперту понадобится помощь. Потом приехали Ермаков и Волна. Мы долго и напряженно ждали, изредка по очереди взглядывая на часы, мирное тиканье которых казалось неприлично громким в истине мертвой ночной тишине секционной. Наконец Шамиль вышел из лаборатории.

— Морбитал,— сказал он устало.

ГЛАВА 5

СЛЕДСТВИЕ И РОЗЫСК

Ночь уже перевалила за свою середину, и тон Шамя Гварсии был решительным:

— Ребята, отбой до восьми — нуль в нуль, как говорится. Наташа, дорогая,— добавил он, видя, что я хочу возразить,— утро мудрее вечера. Правильно я сказал это по-русски?

Видимо, от усталости и волнений у Шамя прорезался его милый кавказский акцент, и он, яростно жестикулируя, стал убеждать нас:

— Э, ребята! Вам отдохнуть надо! Обдумать, конечно, тоже, одно другому не мешает, знаю. И что я скажу: морбитал поможет вам в деле, вот попомните мои слова! Во-первых, слишком специфический препарат. Мало кто им владеет, учетный. Вот,— он протянул руку с белой, сморщенной частым мытьем ладонью, и показал тонкие пальцы,— по пальчикам можно перечесть обладателей. Значит, есть, где искать.

Помолчал, подумал и добавил:

— Пожалуй, могу подсказать. Дальше. Наркотик. Чуете, дорогие, сочетание какое? Морбитал плюс наркотик. Как ни печально, след ведет в медицину.

Мы молча слушали. Дело говорил Шамиль, ничего не скажешь. Да и лежало все это прямо на поверхности. Но легко сказать — след ведет в медицину. Не хватало нам еще в медицине убийств! И самой страшной для меня была наступившая ясность: мы столкнулись с жестоким, хорошо продуманным преступлением. И крылся за ним совсем непростой человек. Но кто? Какую цель он хотел достигнуть этими двумя смертями?

Я глянула на покрасневшие от напряжения глаза капитана Волны, на осунувшееся и в темноте кажущееся совсем детским лицо Толи Ермакова.

— Прав Шамиль,— сказала ребятам,— давайте до утра. Отбой, как говорит Шамиль, до восьми нуль в нуль.

Жигули Антона рванули с места, первым вышел Шамиль, потом мы завезли домой Ермакова, и он, выходя, передал мне папку с протоколами — плод дневных его трудов, о которых успел рассказать, пока проводил свою печальную работу эксперт. Наш микрорайон находился подальше, и за те полчаса, что добирались до моего дома, мы с Антоном не перемолвились словом. Молчали, думали каждый о своем. Я казнила себя за то, что не позвонила Игорю и

Сашуле, которые ждали меня весь вечер. Заметив мою грустную физиономию, Антон понял это по-своему, успокоил:

— Ничего, Натаха, разберемся.— И когда я уже выходила из машины, тихо сказал:

— Махнй-ка мне из окна. Так, на всякий пожарный случай.— Добавил он улыбнувшись,— чтобы мне уснуть спокойно.

Я благополучно добралась до своей квартирке, прошла на кухню, зажгла свет и распахнула окно. Тотчас Антон почти бесшумно тронул машину с места — это он умел.

Капитан Антон Волна

Город словно вымер. Пустынные темные улицы молча пропускали Антона, ехавшего на большой скорости. Улицы эти были знакомы, как свои пять пальцев. Вот сейчас, в конце этой, будет некрутой поворот, суженный дорожными работами, которые ведутся с самой весны. Чего там ремонтируется, не понять, только регулярно передвигается сеточное ограждение глубокого рва, приближаясь уже почти к самому повороту. На сетке — Антон помнит — оградительный знак. Вон он, красный фонарик, уже виднеется, и нужно проехать совсем рядом, чтобы не задеть стоящий напротив небольшой экскаватор, опустивший тяжелую челюсть до самой земли. «Бросают технику без присмотра», — успел подумать Антон, резко взял вправо, прижимаясь к сигналу на сетке. Машина внезапно перестала слушаться, ринулась куда-то вниз, скрежет металла оглушил Антона, руль подступил к самому горлу, вдавившись в грудь. Капитан, повинувшись привычке, сумел еще напрячь все свои мощные мышцы, принимая удар, и, теряя сознание, увидел, как раскачивается красный сигнал на оградительной сетке, прикрывшей машину...

Гусенков

Гусенкова разбудил звонок. Он глянул на часы, удивился — кто мог посетить его в такое раннее время? Стрелки показывали десять минут шестого. Звонок был вначале коротким, и Гусенков подождал, не вставая с постели. Может, ошиблись? Или ребята балуются? Поморщился, подумав, что теперь ему уже не уснуть. Но звонок повторился настойчивей, стало ясно, что звонят именно к нему в квартиру. Проснулась жена, сонно спросила, что там такое. Не ответив, Гусенков стал поспешно одеваться, и у него затряслись руки, потому что столь ранний визит не мог предвещать ничего хорошего. «Телеграмма, наверное», — подумал он, а телеграммы в такое время разносят лишь одного сорта — о несчастье. Он хотел было уже открыть дверь, но спохватился: в городе шли разговоры о кражах, о нападениях на квартиры, следовало быть осторожнее. Наклонился к глазку, но никого не увидел и спросил:

— Кто там? — и опять наклонился к дверному глазку. На этот раз он увидел человека в форме милицейского офицера. Видимо, тот специально встал так, чтобы Гусенков не усомнился в ответе:

— Милиция!

Руки затряслись еще больше. Может, напрасно он сказал о Слонимском тому худенькому? Напрасно, не напрасно — что теперь гадать. Гусенков, постучав запорами, впустил незнакомца и смущенно извинился за свой вид — старые спортивные брюки и голубая майка не добавляли прелести тощей фигуре.

— Быстренько одевайтесь, ждет машина. Вы нужны в милиции,— сказал офицер.

— Но меня допросили вчера,— попытался возразить Гусенков,— и я все рассказал, что знал. Как на духу, все.

— Нет-нет, это решение начальства, там ждут. Давайте скоренько,— поторопил незнакомец.

Гусенков кивнул, заспешил в спальню, которая была одновременно гостиной и столовой. Жена сидела на постели, успев накинуть халат.

— Что случилось, Володя? — переспросила тревожно.

— В милицию просят, — ответил он, торопливо переодеваясь, — ты же знаешь, какие у нас дела. Росину-то, говорят, убили.

— Но ты-то причем? Ты, что ли, убил? Тоже мне, убивец! — фыркнула жена, глядя, как муж упаковывает тощий зад в серые брюки.

Внизу, чуть в стороне от подъезда, действительно ожидала машина — синие «Жигули» девятой модели. «Как у нашего юриста», — подумал Гусенков. Однако номера были совсем другие. За рулем сидел второй милиционер, но даже головы не повернул, пока они усаживались на заднем сиденье. Дверца тихонько прикрылась, и они поехали. Гусенков находился за спиной широкоплечего водителя, дорогу видел плохо, вплотную к нему прижимался сосед, и Владимира Ивановича впервые царапнуло беспокойство: документы не видел, фамилии не спросил, куда везут, не знает. Заворожила милицейская форма, а надо быть поосторожнее. В какую такую милицию везут его? Вот и машина тоже... гражданская. И молчат оба эти... офицеры. Он покосился на погоны соседа и робко спросил:

— Простите, товарищ майор, куда мы едем?

— Сиди, приятель, — ответил майор совсем не так вежливо, как в квартире, — сиди и не рыпайся. Едем куда надо. Приедем — увидишь.

Откровенная развязность сквозила в словах и никак не вязалась с корректностью при встрече. Гусенков всполошился:

— Позвольте, позвольте... Я добровольно согласился, так рано. А вы как со мной говорите! — и как мог строго закончил: — Разрешите ваши документы.

Он отшатнулся, едва не ударившись головой о стекло, потому что майор неожиданно резко выбросил к самому лицу Гусенкова сжатый кулак:

— Видал документ? — и засмеялся.

— Остановите машину! — тонко закричал Владимир Иванович. — Я на вас буду жаловаться! Безобразие! — он схватил за плечо водителя, но тот, не оборачиваясь, дернул плечом, сбрасывая руку, и тотчас железные клещи пальцев соседа сомкнулись на слабых руках Гусенкова.

— Ти-и-хо! — прошипел майор, легко удерживая Гусенкова одной рукой. Другая рука майора пошарила где-то сбоку и вынырнула с мелодичным звяканьем. Несколько ловких движений, и Владимир Иванович с изумлением и ужасом увидел, что его запястья прочно охватили кольца наручников.

— Ти-х-хо! — повторил майор, и от этого шипения Гусенков вжался в угол. Происходившее не укладывалось в его сознании. Фигуры двух офицеров и эта голубая машина, мчавшаяся неизвестно куда в наступающем сером рассвете, стали казаться нереальными, призрачными. Только сердце колотилось у горла, мешая дышать, и Гусенков широко открывал рот, пытаясь схватить воздух.

Еще какое-то время ехали молча. Гусенков, косясь в окно, видел, что миновали город, и машина двигалась уже по загородному шоссе, довольно пустынному. Встретились за все это время две-три машины и разминулись на большой скорости. Наконец водитель, резко затормозив, сказал: «Выйдем», — и они вышли с майором, чуть отошли от машины, стали говорить о чем-то и, видно, договорились быстро. Молча сели в машину, она свернула в ближайший проселок, немного проехала по разбитой дороге и остановилась.

— Давай здесь, — сказал водитель.

Гусенков похолодел. Что? Что собираются сделать с ним эти люди? Что им нужно? Господи, он согласен на все, на все, без всяких уговоров, лишь бы вернуться домой, лишь бы кончился этот ужас и перестали сжимать руки страшные браслеты! На все согласен! Но что им нужно? Деньги? Он вспомнил рассказы о похищениях, что ж, все было похоже. Но разве такие им нужны, что он имел? Ради таких денег не станут серьезные люди огород городить. Так что им нужно? Господи! Как долго молчит майор! Скорей бы! Скорей! Хуже всего неизвестность.

А майор, видимо, знал, что делал. Молчал, поглядывал на Гусенкова, усмехался. Держал паузу. Ждал, пока страх совсем доконает беднягу. Решил, наконец, что пора.

— Что ты сказал Ермакову?

— Но ведь есть протокол... — начал Гусенков, и тут же согнулся от удара в живот.

Удар был умелый, боли вначале не было, только удушье, а нестерпимая боль появилась потом, когда удалось вздохнуть. Из его покрасневших глаз покатались слезы, и, едва пришли дыхание и боль, Гусенков закричал — отчаянно, страшно. Широкая лапа плюхнулась на тонкие губы, и Владимир Иванович совсем замер от ужаса: крик превратился в мычание.

— Сказал же — тихо, — совсем миролюбиво произнес майор, — экий ты нетерпеливый, приятель. Сам виноват. Теперь слушай меня и молчи. Я кончу — ты заговоришь. Без выкрутасов и как перед господом богом. Понял?

Гусенков кивнул, судорожно сглатывая поднимавшуюся горькую слюну.

— Ты расскажешь без протокола, что наплел Ермакову. Понял? По протоколу я знаю, не утруждайся. Потом расскажешь, кто тебе привез те сапоги. Расскажешь — и тут же забудешь. Выслушаешь меня, хорошенько запомнишь. А утром в прокуратуру — бегом. К Тайгиной, там есть такая следовательша, Наталья Борисовна. Вот ей и повторишь, что я велю. Понял, договорились?

Слов не было, и Гусенков только молча кивнул. В машине, на обратном пути, когда вернулась способность соображать, Владимир Иванович робко спросил майора:

— Но Слонимский? Он же не подтвердит...

Майор серьезно ответил:

— Не подтвердит. И не опровергнет.

Глава 6

Следствие

Боль в сердце вспыхнула и не отпускала с той самой минуты, когда плачущая Людмила сообщила, что Антон в больнице. Водитель «Скорой», проезжая под утро по той злосчастной дороге, заметил машину Антона в глубокой яме. Сейчас я смотрела на Антона, и боль, возникая в сердце, отдавала в левое плечо и руку. На Люду, сжавшуюся в комок у больничной кровати, я просто глянуть не могла, так мне было тяжело и стыдно, словно я повинна в том, что здоровяк Антон лежит здесь, беспомощный и страдающий.

Перелом нескольких ребер, сотрясение мозга — вот чем закончилось для капитана дорожное происшествие.

— Еще легко отделался, — внушительно сказал мне врач, — могло быть похуже. Счастье, что машина не вспыхнула, там все всмятку. Его рулем прижало, но он как-то сумел податься вправо. Ребра треснули с левой стороны. Но если бы грудина... — и многозначительно поджал губы.

Ладно уж каркать! Грудина. Не надо забывать, что это капитан Волна. Бывали у него переделки похлеще. Ничего, выкарабкивался. Я думала так, успокаивая себя, и с тревогой поглядывала на покрытое ссадинами лицо, которое было безмятежным и совсем не страдальческим во сне. Антон спал, а мы с Людмилой сидели возле него, ловя каждое движение.

— Напичкали его всякой дрянью, — со злостью сказала Людмила, — не знаю, что и думать. Просто терпения нет. Слушай! Давай разбудим! Сразу станет ясно — серьезно с ним или так. Что для него ребра — срастутся, это пустяк. Но вдруг что похуже? Я сразу по нему узнаю.

Я было запротестовала, но слабо. Мне тоже хотелось, чтобы Антон поскорее пришел в себя. Поговорить хотелось, спросить. Как оказался он в той строительной яме? Там ведь ограждение! И вообще. Этот спящий гигант с разрисованным йодом лицом внушал мне тревогу, скорей бы открыл он глаза, и тогда, я знаю,

отпустит меня боль, и рука перестанет неметь. За окном уже совсем рассвело. Скоро явится на работу прокурор, и ему тут же доложат о ночных событиях. Смерть Слонимского. Морбитал. Несчастный случай с капитаном. Случай ли? Я вздохнула. Как буду отчитываться? Попадет мне, всыплет мне Буйнов по первое число. Ну и поделом.

Тихо скрипнула дверь. Толя Ермаков бочком протиснулся в палату.

— Как он? — спросил шепотом. Мы враз пожали плечами. Кто, кроме Антона, знал это точно? А он пока спал. Еще несколько минут прошли в тягостном молчании, и Людмила, наконец, решительно встала:

— Нет, не могу больше.

Подошла к изголовью, опустилась на колени, легко провела ладонями по крупному лицу, коснулась спутанных волос, губами прильнула к уху:

— Антоша, Антоша, — шептала чуть слышно, — родной мой, Антосик, проснись... Я устала бояться, очнись же, Антон, прошу, открой хоть глаза, успокой меня, милый, родной...

«Антосик, родной», — вот как, оказывается, умела называть мужа Людмила, всегда ироничная и резковатая. И он беспокойно шевельнулся, с трудом разлепил веки. Я со страхом увидела, что один глаз его совершенно залит кровью, так что не видно было зрачка. Второй, светлый, глядел непонимающе, потом стал осмысленным и смущенным. Капитан попытался сесть, охнул. Я бросилась к нему, но Людмила уже прижала к постели плечи мужа, шепнув:

— Лежи, лежи, тебе нельзя.

— Чего это мне нельзя? — слышался почти совсем обычный голос Антона, — чего ты паникуешь, Людмила? Я в порядке, не бойсь, все путем.

Здоровый Антонов глаз скользнул по палате, заметил меня и Толю.

— И вы здесь, — удивился Антон. — Чего всполошились-то? Впрочем, кстати, ребята, кстати.

Антон бодрился, но мы видели, что ему было тяжело. Еще бы — перелом ребер не такая простая штука. А он пошутил:

— Начнем совещание? Да? Как договорились. Шамяля нет? Ну да, ему еще ко мне рано. Живой я. Непригодный для вскрытия.

— Ну и шуточки у тебя, — рассердился Ермаков.

— Ладно, хворых не ругают, — произнес Антон и прикрыл глаза.

Мы ждали, не задавая вопросов. Он все скажет сам. Главное — я видела: капитан Волна в порядке. Будет в порядке. Это главное сейчас. Боль меня не отпустила, но и это было неважно. Мой друг, мой верный товарищ, хоть мрачно, но шутит и говорит, что мы паникуем зря. Я верю ему. Тотчас за успокоением пришла новая тревога: что с ним случилось?

Мы молча ждали.

Капитан наконец заговорил.

— Первое, ребята: утечка информации. Вас ведут, понятно? Есть ведущие, а вы — ведомые. Ищите.

Второе: сетка ограждения на дороге была передвинута. Меня надо было убрать на время. Это к первому. Вероятно, я кому-то опасен. Чем — пока не знаю. Разберусь — скажу. Помни, Наташа, наш уговор. Помнишь?

— Конечно, Антоша, — сказала я, — да я к делу-то не приступала...

— Успокоила... — усмехнулся Волна и продолжил, морщась и коротко вдыхая воздух: — в том и беда, что не приступала. Два трупа... с половиной, если меня считать.

Я сочла за лучшее промолчать.

— Толя, — капитан обратился теперь к Ермакову, — наркотик такой, что у Росиной, был по делу Шапиро. Его осудили, проверь, где наркотик. Кто уничтожал, когда. Досконально проверь. Дальше... Росина — чистая левша. Не наркоманка и левша. Ясно?

Ничего мне было не ясно. При чем здесь левша? Решила переспросить.

— Левша, так что?

А Волна укоризненно качнул головой, жест ему дался не без труда.

— Росиной влили наркотик в левую руку! Значит, при всех условиях, не сама... И не Слонимский, хоть был он с нею. Он знал, что Ирина левша... Кто-то там был еще. И не знал близко Росину. Понятно?

Теперь понятно. Конечно, теперь вот понятно. Могла и сама додуматься. Слонимский... Последний вечер... Близость... Коньяк... Наркотик... Слонимского нет, но все ведет к нему. А чем мешал Антон? Что он знал, не ведая сам?

— Вас уводят на Жеку,— продолжал между тем тихий голос Волны, хотят убийство свалить на него. Морбитал. Морбитал не забудьте. Ветлечебница и кооператив..

Широко распахнулась дверь, и вошел тот, знакомый мне по ночному вскрытию, доктор. Возмущенно оглядел нас, но сказал подчеркнуто спокойно:

— Прошу всех выйти. Всех. Вы не ведаете, что творите. Всех прошу выйти. Немедленно.

Мы и сами видели, что нужно уйти. Лоб Антона покрылся каплями пота, дыхание было коротким и резким. И он не возразил врачу. Молча лежал, пока мы, включая Людмилу, гуськом потянулись из палаты.

К Буйнову я взяла с собою Ермакова. Нас не спасла папка с протоколами. Прокурор бушевал, словно оправдывая свою фамилию. Понурившись, мы молча приняли все, что он нам отпустил, и лишь один разочек я огрызнулась:

— Между прочим, я не в куклы играла. Дело закончила. Тоже убийство. А у вас, между прочим, целый день транспорта не было, уехать было не на чем.

Лучше бы промолчала.

Новый поток упреков обрушился на меня, и я узнала, что не имею инициативы, энергии и еще многого чего.

Разнос закончился неожиданно.

Прокурор сказал устало и горько:

— Между прочим, как ты говоришь, машина на техосмотре. Вчера и сегодня. Борись вот с преступностью. У них, говорят, компьютеры есть, а у нас три следственных чемодана десятилетней давности. Машин и то не хватает. Горе, а не борьба. Пешая Тайгина против мафии. Шутка,— пояснил он, усмехнувшись.

Потом внимательно выслушал нас, посмотрел наш наспех составленный план, одобрил его, хоть и опять усмехнулся:

— Во-во, планы мы наострились писать. Чего-чего, а планы есть. Убийцы нет, а план есть.

Я снова завелась, но капитан Ермаков успокаивающе подмигнул мне: не трать, мол, попусту заряды. Ладно, посмотрим. Мы уже собрались уходить, когда Буйнов задумчиво сказал:

— Похоже, у нас это первая ласточка. Умело организованные убийства. Что кроется за ними? Вашу группу придется усилить.

Против такой постановки вопроса мы не возражали. Усилить всегда неплохо.

Обсуждая это решение, вышли в коридор, и вдруг мозг мой, как молния, пронзила мысль: утечка! Антон говорил об утечке информации! Не объясняя ничего Ермакову, я бросилась в кабинет прокурора.

— Василий Семенович, не надо нас усиливать! Хоть пару дней не надо!

— Ты что, Тайгина,— удивился прокурор,— как не надо?

Довольно путано и совсем уж бездоказательно я объяснилась с Буйновым. Но он мне поверил.

— Ладно,— проворчал,— под твою ответственность. Но работайте и днем, и ночью,— сказал строго, как только мог.

В коридоре Ермаков уже беседовал с каким-то тощим перепуганным типом. Нервный тик подергивал худое лицо незнакомца, а у капитана даже спина выражала недоумение. Я подошла, Ермаков обернулся:

— Вот, пожалуйста,— он бесцеременно указал пальцем на собеседника,— Гусенков. Говорит, пришел сдаваться.

— Что значит сдаваться? — удивилась я.

— Вы, случайно, не следователь Тайгина? — спросил мужчина.

— Совсем не случайно я Тайгина.

— Тогда мне к вам, — заторопился он, — только к вам и строго конфиденциально. Разговор, так сказать, тет-а-тет.

— Секрет от Ермакова, — опять удивилась я, — он же допрашивал вас, какие секреты могут быть?

— Могут, могут, — дернулось лицо Гусенкова, и он приблизился ко мне, оттесняя капитана.

Я встретила неопределенный взгляд Ермакова и, не зная, как выйти из щекотливого положения, предложила:

— Анатолий Петрович, встретимся через полчаса. Вам этого времени хватит? — спросила у Гусенкова. Тот закивал, сбрасывая на лоб редкие прядки седоватых волос.

— Тогда я в суд, — сказал Ермаков.

В кабинете Гусенков уселся на краешек стула, опустил руки между колен, согнулся так, что подбородок почти коснулся стола. Маленькие блекло-серые глаза настороженно следили за мной.

— Так в чем секрет?

Гусенков оглянулся на дверь:

— Тогда, у Ермакова, я говорил неправду.

— Почему же?

— Ну... он так энергичен... я испугался, знаете... в первый раз... давление он на меня оказывал...

— Давление? — перебила я свидетеля. — Ермаков оказывал давление?

— Ну... как это назвать... я подумал, давление...

— В чем выражалось оно, давление-то? — переспросила я.

За последнее время частенько приходилось нам сталкиваться с этим словом. Показал Уголовный кодекс — давление. Предъявил заключение экспертизы, привел доказательства — опять же давление. Термин такой появился — психологическое давление. Ладно, посмотрим, как он без давления, что скажет.

— Надеюсь, я не оказываю давления? И вы скажете правду? Но, это по закону положено, вынуждена предупредить вас об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Это не давление — закон. Распишитесь, пожалуйста.

Гусенков поставил на бланке мелкую длинную подпись и опять опустил голову на стол, покачивая где-то внизу руками.

— Послушайте, — меня смущала и раздражала поза свидетеля, — не могли бы сесть, как положено, прямо. Неудобно как-то... И давайте приступим к делу.

— Извините, извините, — Гусенков выпрямился, поджал тонкие губы и глянул недружелюбно, — конечно, приступим.

— Вот так-то лучше, — заметила я и задала вопрос. — Почему вы пришли сегодня ко мне?

— Мне рекомендовали...

— Кто? — быстро спросила я, недоумеая, кто мог рекомендовать меня Гусенкову, если только вчера мне поручили дело, и я еще ничего почти по нему не сделала. Опять утечка информации?

Гусенков понял, что прокололся. Глаза метнулись в сторону.

— Ну, я не помню, сказали... — начал он неуверенно, а закончил твердо, — люди сказали, не помню, кто. Иди, говорят, к Тайгиной, то есть к вам.

— Так что же вы хотите мне сообщить?

— Неправду я Ермакову сказал. Сапожки мне привез Слонимский. Сказал: продадим — прибыль разделим на двоих. Я соблазнился. Ермакову же дал показания, что сапоги незнакомый экспедитор привез. Обманул... — Гусенков вполне искренне вздохнул и потом спохватился, — да-а, я ведь записочку ему подал, намекнул, что Слонимский причастен. Правда, сказал, что только звонил он... А на самом деле — он привез. Не велел, конечно, распространяться. Я и молчал. Поддыхову даже не сказал.

— А теперь почему решились?

— Подумал-подумал, все равно узнаете. Не я — сам Слонимский выдаст. Вляпался в дерьмо, ох, извините, — он прикрыл ладошкой рот, — выбираюсь вот, раз вляпался.

Гусенков опять оглянулся на дверь, замолчал.

Интересно, он что, не знает о смерти Слонимского?

Я принялась расспрашивать его о кооперативе, о работе, о семье, наконец. Отвечал односложно, вяло.

Что ж, Гусенкову можно бы и поверить... Но тревожила осведомленность о моем участии в расследовании да это утверждение: давил на него Ермаков. Ерунда какая. И еще: сбывалось предсказание Антона — к делу все туже притягивался покойник Слонимский, но Гусенков говорил о нем как о живом.

Допрос подходил к концу, когда позвонил Ермаков.

— Наташа, я поднял дело Шапиро. Значит так. Шапиро осужден на шесть лет. Среди прочих краж — наркотики из 47-й аптеки. По списку похищенного проходит и тот, что у Росиной. Морбитала нет, не крал. В суд наркотики как вещественные доказательства не доставлялись, акта об их уничтожении нет. Судья разводит руками — просмотрел. Выдал звонок в милицию, там выясняют. Так я еду к тебе?

Гусенков внимательно прочел протокол, расписался. Интересная у него подпись — словно мелкие птичьи следочки.

Когда он ушел, я принялась обдумывать ситуацию, решила, что с Гусенковым стоит познакомиться поближе, допросить женщин, которых он выделил для торговли сапожками, и вообще. Вот придет Толя, решим, как поступить.

В мою дверь постучали, вошла странная пара. Молодой парень, в светлом костюме, с усиками под крупным с горбинкой носом, предупредительно выпустил в кабинет и, не спрашивая разрешения, усадил на стул заплаканную старушку, одетую в черное и с черным же платочком в руке.

— Тайгина? — строго спросил он. — Тогда мы к вам. — Это что же делается? Человек умер, но никто не отвечает не только за его смерть, но и за его имущество?

— О чем вы? — удивилась я. — Представьте, пожалуйста.

— Я — племянник Слонимского, — с достоинством ответил парень, а это тетушка. Мы единственные наследники. Нам хоронить умершего, расходы нести. Мы хотели бы, чтобы наши интересы тоже были под защитой закона.

— Кто нарушил ваши интересы?

— Откуда нам знать? В гараже нет машины Евгения Васильевича. Жигули девятой модели. Цвет синий. Сегодня я видел машину в городе и с другими номерами. Это фокус некрасивый, прошу разобраться. Машину я знаю прекрасно. У меня на нее доверенность есть, дядя Женя дал. Так что на ней я часто ездил. Обознаться не мог.

Действительно, почему машина Слонимского гуляет по городу с другими номерами, хотя хозяин лежит в покойницкой? Разбираться надо, тут усатый посетитель прав.

— А кто за рулем был, в салоне, заметили?

— Заметил. Потому и пришел к вам. А то бы в милицию заявление подал: угон. За рулем сидел человек в форме. Майор милиции. А рядом — Кобриков Сережа. Он с дядей Женей вместе работал.

— Кобриков? — переспросила я в растерянности. — В машине с майором?

— Ну да, — кивнул парень. — Сережку я знаю, а майора — нет.

Вот новости так новости! Кому из милицейских майоров взбрело в голову развезать на машине умершего при странных обстоятельствах Слонимского?! Да еще с фиктивными номерами? Да с сослуживцем покойного?

Я добросовестно записала сообщение парня. Пообещав навести порядок, если можно так выразиться, я простилась с посетителями и хотела сходить к прокурору — обстоятельства вырисовывались интересные, как возвратился взъерошенный, похожий на сердитого воробья, Ермаков.

Он успел побывать и в суде, и в милиции. Выяснил, что по делу Шапиро похищенные наркотики в милиции уничтожены, о чем составлен акт.

— Слушай, тут же сплошные нарушения,— возмутился капитан.— Акт следователем не подписан, в суд не направлен.

— Кто же подписал акт? — спросила я.

— Зеленин, Мастырин, Сокин.

— Мастырин? — переспросила я.— Майор Мастырин?

— Да, а что?

— Так, ничего,— уклонилась я от прямого ответа. Слишком фантастичной показалась мелькнувшая вдруг мысль, которая соединила одной линией вчерашнюю ночь, селекционную городской больницы, где я застала майора Мастырина, потом палату с лежащим в ней капитаном Волной — кто-то же знал, что поедет ночью он мимо той злосчастной ямы, кто-то ведь передвинул ограждение, наконец, милицейского майора в машине Слонимского!

Но эта мысль уже засела в моей голове и не собиралась ее покидать. И все же я боялась высказать свои подозрения Ермакову. Обдумаю сама, проверю.

— Кобриков. Мне нужен Кобриков. Ты его так и не видел?

— Неуловимый этот Кобриков,— проворчал капитан,— я постоянно, второй уже день посещаю места, где он только что был. Такое впечатление, что он избегает меня. Из всей этой кооператорской братии не допрошен только он да Каная. Снабженец и его заместитель. — Кстати,— спохватился розыскник,— а что тут Гусенков наплел?

Я рассказала.

— Ну-у,— разочарованно протянул капитан,— это все ерунда. Просто понял, что с мертвого спроса нет. Заменял действующих лиц. Чтобы мы не искали тех, кто привез обувь для продажи.

— Он сказал, что Слонимский все равно выдаст...

— Что, не знал его о смерти?

— По-моему, нет. Такое у меня впечатление.

— Вот погоди, узнает, запоет по-другому,— мрачно пообещал капитан,— он сейчас явно кому-то подыгрывает. В общем, Наташа, за тобой допросы, а я отработаю связи. Двух ребят мне уже дали.

— Не Мастырина, случаем?

— Нет, а что? — насторожился капитан.— Почему ты его второй раз уже вспомнила?

— Да так... Узнай, пожалуйста, где машина Слонимского и кто этот майор милиции, который на ней раскатывает? С Кобриковым, между прочим, с неуловимым твоим,— съехидничала я и рассказала о недавних посетителях.

— Н-да-а,— протянул Ермаков,— осложнение. За своими следить — такого не приходилось. Помалкиваем пока, а, Наташа? — добавил он просительно.— Как-то все это не очень красиво.

— Красиво, нет ли, но у нас два убийства, капитан. Нам с тобой отвечать за дальнейшие события, сам знаешь. Оно, конечно, красота спасет мир, но за эту красоту побороться придется, прежде чем она в действие вступит...

Ласково заверещал внутренний телефон. Единственная моя награда за предыдущее сложное дело — замена злоголосога уroda, пугавшего меня своими истошными воплями. Телефон теперь звонил ласково, но слова прокурора были суровыми: на вечер назначалась оперативка, и мне предстояло доложить о расследовании. Двойное убийство — не шутка. Расследование смерти Слонимского автоматически перешло ко мне, значит, у меня двойное убийство — небывалая в нашей прокуратуре страшная вещь.

Все правильно. Оперативка. Восемь-десять начальников и мы с Толей. Начальники станут строго указывать нам на допущенные недостатки, мы с капитаном потупим головы, признавая их. Пообещаем усилить, увеличить и т. д. Пообещаем. Но у нас так мало возможностей!

Наша следственно-оперативная машина напоминает мне старый маховик, который раскручивается медленно, со скрипом, зато, раскрутившись, давит все и

вся, не разбирая тонкостей, не признавая нюансов. Этот маховик и нас тянет за собой, не дает свободы творческому и, главное, современному разумному поиску. Чем снабжены мы, чем вооружены против тех, с кем призваны бороться? Ермаков, я знаю, оружие получает под расписку и пуще всего боится его применить — легче самому подставиться. Вспомнился опять Антон — покрытое ссадинами лицо, затекший кровью глаз и горестная фигурка Людмилы, замершая у изголовья. Антон и Толя — сыны, мужья, отцы и друзья — кто отвечает за вас, за вашу жизнь и здоровье?! Чем оплачивается ваш постоянный риск? Зарплатой? Не-ет, здесь дело не в деньгах. Деньги — главное для той, чужой стороны, для другого берега, с которого приходят к нам враги. Что бы ни говорили о стимулах, деньги, я знаю, для таких, как Толя и Антон, не главное, я уверена в этом, и это мне помогает.

Они знают смысл жизни — Антон Волна, капитан Ермаков и такие ребята, как они. Не говорят высоких слов, но знают, что главное в жизни — справедливость, милосердие и любовь. И за них надо бороться. Красота сама не спасет мир, в этом ей надо помочь. Победить грязь, вычерпать ее.

— Толя, постой,— вернула от двери Ермакова и набрала прямой телефон начальника угрозыска.

— Тайгина приветствует. Вы вечером у нас будете? Прекрасно. Обговорим все при встрече. А пока примите мое категорическое требование: Ермакову нужна машина. Я не знаю, где вы ее возьмете. Займите, купите, свою, наконец, отдайте... Я не шучу, нет не шучу, вы знаете меня. Сегодняшний объем работы Ермакова не позволяет ему бегать ножками и кое-как перебиваться! Я не прошу, а требую. И всю техническую помощь. Вы понимаете меня? Всю техническую...

Ермаков с удивлением слушал, потом в карих глазах его запрыгал смех, а когда я сердито шлепнула трубку на рычаг, капитан уже открыто хохотал:

— Ну, Наташа! Машину выбила, надо же!

— Хватит вашему автопарку начальственные зады развозить,— еще не остыв, запальчиво выкрикнула я и тоже расхохоталась. Маленькая победа нас ободрила, и в ожидании машины мы еще раз прошлись по составленному плану. Все было вроде бы к месту, все было очень нужно. Добавили еще кое-что, и Ермаков опять помрачнел. Но когда молодой сержантик принес и передал капитану ключи от машины, Толя решительно тряхнул смоляным чубом, подбросил вверх связку и ловко поймал. Улыбнулся:

— Ну, я поехал.

— С богом,— сказал я серьезно,— до связи, Анатолий Петрович.

Захватническую акцию с машиной я повторила в кабинете прокурора, несколько смутив его необычной агрессией. Как бы то ни было, но я доехала до кооператива в считанные минуты, а не тряслась полчаса на трамвае. При моем появлении поспешно встал не только Поддыхов, но и молодой бородатый красавец — Каная? — подумала я, рассматривая его типично кавказские черты лица. И не ошиблась.

— Каная Давид Шалвович,— представил сотрудника начальник.

— Я догадалась. Вы мне тоже понадобится, подождите чуть-чуть в приемной,— обратилась я уже к самому снабженцу.

— Да, хорошо,— ответил он и поспешно удалился.

Поддыхов совсем не показался мне самоуверенным и малоконтактным, как говорил о нем Ермаков. Напротив, он был чем-то сильно озабочен, не пытался даже скрыть свою растерянность, переходящую, как мне подумалось, в испуг.

— Вот, обсуждали вопросы похорон,— сказал он мне, кивнув в сторону двери, за которой скрылся Каная.— Надо же — двое! Это же черт-те что! Как по-вашему, Наталья Борисовна, на что это похоже?

Я пожала плечами. Не похоже, а есть. Два убийства, два трупа. И расследование идет, розыск.

Разговор с Поддыховым состоялся у меня обстоятельный.

— Скажите, Роман Григорьевич, кто вам те сапожки принес? Брак, что пошел в продажу? — начала я допрос.

Председатель посмотрел на меня внимательно и, чуть порозовев, ответил:
— Слонимский...

— Как Слонимский?! А документы? Акт или еще что?

— Ничего не было. Принес одну пару и все.

Я хорошо помнила: Слонимский говорил, что ничего не знал о продаже партии бракованных сапожек. Вероятно, не только Гусенков, но теперь уже и Поддыхов решили все свалить на покойного юриста. Не показывая своего недоверия к словам председателя, я продолжала допрос:

— Сколько денег на счету кооператива?

Поддыхов помялся, назвал. Сумма была внушительной.

— Знали об этом Росина и Слонимский?

— Конечно. Через Росину шли документы, а Жека — юрист.

— А планы? Куда хотели поместить деньги?

— Планы были грандиозные,— погрустнел Поддыхов,— мы ведь мечтали об аренде. Ну, взять в аренду этот убыточный заводик, купить оборудование и выпускать обувь. Настоящую, не хуже «Саламандры». Он помолчал, подперев пухлым кулаком щеку, и добавил еще более печально:

— Теперь конец. Всему конец, не дали даже встать на ноги,— Поддыхов резко оборвал свою речь. Я увидела, что глаза его стали колюче-злыми.

«Ну вот, уважаемый Роман Григорьевич,— подумала я,— капитан-то, выходит, был прав. Не договариваете вы что-то, о чем-то умалчиваете и позволяете сеять вокруг ваших денег и планов смерть да несчастья. Кто это не дал осуществить ваши мечты? Мы-то ведь к кооперативу претензий не имели. Пока не имели. Просто проверяли одну из самых первых версий: убийства — и первое и второе — как-то связаны с работой погибших. Но вот с какой стороны была связь? Почему погибли эти двое — юрист и секретарша? Погибли от одних рук, во всяком случае, способ убийства был один. И — никаких следов. Если бы не звучало это кощунственно, можно было сказать, организация прекрасная. Организация убийств без следов. Ну как мне быть? Спросить в открытую, прямо, что называется, в лоб? А что, и спрошу. Не ответит, все равно будет знать, что вопрос возник. Я не постесняюсь предупредить, что все равно ответы найду. Итак, в атаку».

— Роман Григорьевич,— начала я тихо, стараясь, чтобы в голосе моем звучала уверенность,— не лучше ли вам быть со мной пооткровеннее? Двое убитых — не много ли? А кто будет следующий? Не дорогая ли цена за те сведения, которые вы скрываете? Давайте вместе подумаем, что лучше для вас, да и для нас тоже: ждать дальнейших событий или предупредить их?

Поддыхов упрямо молчал, но голову опустил совсем по-другому, я просто почувствовала по каким-то крошечным деталям, черточкам его изменившегося лица, что неуверенность в нем разрастается, подтачивает прежнюю позицию невмешательства: я, мол, ничего не знаю, и сами занимайтесь своими делами.

Долго еще я говорила, увещевала этого человека, и, когда почувствовала, что он вот-вот раскроется, Поддыхов отбросил меня на прежние позиции:

— Я сказал вам все, мне нечего добавить.

— Ладно. Разберемся,— мне не удалось скрыть злости, и это неожиданно помогло.

Действительно, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Роман Григорьевич перегнулся через свой стол, приблизил ко мне лицо, поманил пальцем, да так непосредственно, по-детски, что я растерялась, а он, скривив губы, молча протянул руку в сторону небольшой тумбочки, приткнувшейся между стеной и столом. На тумбочке стояли два телефона — и все. На что он мне показывает? Почему молчит, почему так странно кривится его лицо?

Я встала, заглянула за тумбочку, куда указывал Поддыхов, и чуть не ахнула вслух. За тумбочкой виднелся приклеенный прозрачным скотчем небольшой черный квадратик. Приглядевшись, я узнала миниатюрный диктофон. Совсем кроха. Кто его поставил, зачем? Подняла глаза на председателя. Поддыхов сидел,

подперев ладонью щеку. И я поняла: допрос окончен. Ведется страшная игра. И в нее включена я. Холодная лапа сжала мое сердце: если подключилась против нас такая техника, о которой я только слышала, но которую никогда не видела,— дело серьезное. Прелестно! Дожили, нечего сказать. Так неужели капитан милиции Ермаков настолько беспомощен, что позволяет им это? Но кому это им? Им — тем, кого мы ищем. Видимо, Ермаков зацепил верную ниточку, но допустил массу ошибок. Этот диктофончик наверняка был здесь и вчера. Значит, противнику известно все, что и нам. Как же мне теперь поступить? Капитана провели. Провели оперативника, специально обученного разным штучкам. А что делать мне, с моим академическим образованием юриста, способного вести лишь устный диалог в пределах безнадежно устаревшего уголовно-процессуального кодекса? Мне ведь предложен сейчас более высокий уровень борьбы, о котором мы и не подумали. Ну что же, противника не выбирают. Ясно, что трогать диктофон нельзя. Напротив, нужно подыграть. Я лихорадочно припоминала подробности разговора с Поддыховым. Нет, вроде бы ничего такого не говорила. Поддыхов — и подавно. Глянув на председателя, сидевшего так же неподвижно и обреченно, сказала как можно строже:

— Придется вам, уважаемый, проехать со мною.

— Придется так придется,— ответил он, и мы обменялись жестами, понятными нам обоим: диктофон остается на месте. Но мне нужно было обеспечить этой штучке надежную охрану на то время, пока я свяжусь с Ермаковым, если, конечно, найду его. Ах, Антон, как не во время тебя подкосили, как не во время! Кому же еще можно довериться?

Мы вышли на улицу, в липкую жару, и Роман Григорьевич задал тот же вопрос, что мучил меня:

— Как же оставить это? — он кивнул на окна своего кабинета.

— Есть у вас верные люди?

Председатель кооператива поднял плечо, склонил к нему голову, задумался.

— Нет, я не могу поручиться. До этих событий думал — все верные. Вижу — ошибся. Сейчас я доверяю только себе. Давайте я и останусь. Потом поговорим. Согласны? Берите мою машину и действуйте, а я посижу у себя. Не волнуйтесь, у меня — во,— и показал огромные кулачищи.

— Спасибо,— я положила руку на его кулак величиной с приличную гирю. И подумала: «Что за человек этот Поддыхов? Только что показал мне готовность помочь, но ведь замалчивал что-то, ясно, как день, что замалчивал, и тем самым не только мешал — тормозил розыск. Что ж, возможно, есть у него тому и причины и объяснение». Прикосновение к руке председателя сразу сблизило нас, сделало сообщниками. Станным образом я ощутила очень точно, что Роман Григорьевич на моей стороне и поможет. Обязательно. Однако что-то должно произойти еще, чтобы он раскрылся. Да, действительно, человек — это тайна, ларец за семью печатями и порою не только для окружающих, но и для самого себя. Мне нужно найти ключик к этому ларцу, и я постараюсь.

— Ждите меня, Роман Григорьевич, я вас прошу,— тихо сказала я Поддыхову,— и помогите. Себе и мне помогите.

Поддыхов серьезно кивнул в ответ, протянул связку ключей, и я растерялась. Вот еще один минус в моем университетском образовании — машину водить я не умею.

Поддыхов понял, вздохнул.

— Возьмите водителем Давида. Кажется, он-то как раз из верных ребят. Отца его знаю, вместе мы за Давидом присматриваем.

Повернув ключ зажигания, Каная коротко спросил:

— Куда?

— В городскую больницу,— ответила я и, едва машина тронулась, осторожно завела разговор:

— Что вы думаете об этой истории, Давид?

Снабженец скосил на меня синий глаз:

— Я мало знаю. Только то, что вам уже рассказал Роман Григорьевич.

— А где Кобриков? Его не могут найти.

— Я не видел его со вчерашнего дня. На работе он не был... Звонил домой — тоже нету. За последнюю неделю Кобриков работу совсем забросил, никуда это не годится. Хорошо, что есть я, понимаете. Делаю, что нужно. Если заболел — позвони, скажи. Нет. Молчит он. Вчера примчался, схватил бумаги, опять уехал. Куда, спрашиваю, спешишь? А он только отмахнулся.

— У него машина? — перебила я Давида.— На чем он уехал?

— Его «Москвич» в ремонте, приятель привозил. Синяя девятка, совсем новая.

— Синяя «девятка»? Чья? Номер заметил?

— Не знаю чья. Номер не заметил, а что? — удивился Каная моей реакции.

— Да так, ничего,— уклонилась я от объяснений.— А что за приятель?

— Не знаю, не видел. Думаю, друг: кто еще будет возить? Я в окно лишь капот увидел, случайно глянул.

Голубая «девятка» покойника Слонимского сегодня вторично выплывала. Наверняка, это она. Мне надо к Антону! Это он знал, что будут новости, он вычислил их!

Я обдумывала, как мне прорваться в палату Антона сквозь больничные заслоны, но делать этого не пришлось. Знакомый уже доктор возмущенно развел руками. Капитан Волна исчез из больницы. Никто не знал, как это произошло. Стало тревожно, и я решила: мне надо быть на месте, в моем кабинете. Там меня найдут — Ермаков или Антон. Оттуда свяжусь и с нужными людьми. Правильность решения подтвердилась, едва я подошла к двери кабинета. Там заливался телефон. Это был Игорь. Я успела вовремя. Меня охватил стыд, когда я услышала его голос. Надо же! Я не позвонила вчера, что не смогу их увидеть, а они меня ждали, я знаю. Единственные на свете, они ждали меня! Серьезный не улыбочивый мальчик с вопрошающим взглядом и мужчина, чьи большие руки так легко ложатся на мои уставшие от одиночества плечи. Милые мои, дорогие...

— Игорь,— начала я. Он по тону почувствовал извинение, перебил:

— Наташа, я все знаю. Сашке я объяснил, как мог.

— Спасибо. Передай сыну, что скоро приду.

Я сказала «сыну», потому что сейчас, в минутной передышке, остро почувствовала вдруг: условности надо отбросить. Я давно уже, с того самого времени, как маленькая ладошка доверчиво легла в мою руку, страшно хотела обнять, прижать к себе худенькое тельце этого ребенка, укачать, закрыть собой, утешить. С этим маленьким человечком нас роднили большие утраты, я знала, каково ему, потерявшему мать, и страстно хотела хоть чем-то помочь, но для этого нужно было назвать его сыном. Игорь все понял, выдохнул в трубку:

— Наташа, родная...

Однако время для объяснений было неподходящим. Погасив в голосе радостные нотки, Игорь сказал:

— Экспертизы готовы, Наташа. Помнишь, на носке правой туфли Росиной загрязнение? Это органический краситель верхней обуви черного цвета. Может, конечно, и не относится к делу. Но туфли домашние, новые, белые... Возможно, запнулся убийца и остались на туфле следы сапога. Нам бы сейчас получить подозреваемого и обувь его, представляешь, если краситель одинаков...

— Игорь, Игорь,— остановила я эксперта,— мне бы тоже хотелось подозреваемого, но нет его, понимаешь, нет... Проверим пока обувь Слонимского, не его ли след. И будем дальше искать.

— Хорошо, присылайте,— ответил Игорь,— ждем.

Последняя фраза, конечно, относилась не только к обуви юриста. Во всяком случае я поняла ее так, как мне хотелось.

— Позвоню,— сказала я, и мы простились.

Попытались продолжить по телефону розыск Ермакова, но опять неудачно. Решив посоветоваться, направилась к прокурору, но от двери меня вернул звонок.

— Ты повесилась на телефоне, что ли? — раздался раздраженный голос Ермакова, и я, обрадовавшись, пропустила мимо ушей тон, который обычно не терплю.

Выслушав мой рассказ о подслушивающем аппарате, который я обнаружила в кабинете Поддыхова, капитан обрадованно пообещал:

— Не волнуйся, я все устрою. Через эту штуку можем на них выйти! — Ермаков хохотнул, и я представила себе, как он радуется сейчас, предвидя конкретную работу. Не утомительный бой с тенью, а настоящую работу, оперативную и серьезную. Капитан между тем заторопился, скороговоркой сказал:

— Сейчас к тебе женщины подъедут. Те, что обувью торговали.

Об Антоне я спросить Толю не успела. Быстренько доложила о событиях прокурору, который враз помрачнел и положил руку на телефон:

— Это и называется организованная преступность. Говорю тебе, давай подключать людей.

— Подождите до вечера,— испугалась я,— хотя бы до оперативки. Сами понимаете, там милиция мелькает. Майор какой-то. Чего же нам раззванивать, пока не разберемся.

— Ну, только до вечера,— нехотя согласился Буйнов,— учти, завтра суббота.

Вскоре пришли две молодые бойкие женщины, которых, как выяснилось, Гусенков нанял в свое время для коммерции. В один голос они заявили, что торговали сапожками по указанию начальника цеха, не видя в том ничего предосудительного, и очень удивились, когда, продав несколько пар, были задержаны с поличным — так заявил им человек в штатском, назвавшийся работником ОБХСС. В присутствии двух понятых он составил акт, забрал все сапоги, а женщин отпустил, пообещав их вызвать. Вызова не последовало. Документы незнакомец им не предъявлял, акта не оставил, сказал, что передаст начальству.

Околдованные самим словом «ОБХСС», женщины и приметы этого человека запомнили плохо. Утверждали, что одет прилично, интеллигентный с виду, чернявый. Вот и все.

Записав показания, я задумалась над ними. Опять работник милиции, теперь ОБХСС! Он изъясил у торговки сапоги, потом Поддыхов собрал совещание... Внимание! Тут что-то есть! Никаких материалов, мы это знали точно, в милиции по кооперативу не было. Антон это проверял. Никаких претензий от кооператоров тоже не поступало. Значит, что? Шантаж?! Я обрадовалась догадке, она объясняла многое. Но почему в таком случае молчит Поддыхов? Боится? Чего? Или кого?

Предстояло получить ответы на эти вопросы.

Окончание следует.

ЗОЛОТЫЕ ШИНЫ

Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения! В наше время автомобилей становится все больше. Нынче никого не удивишь тем, что за рулем «Нивы» восседают, скажем, директор совхоза, агроном, бригадир или пастух. Автомобиль — это комфорт, скорость и масса других удобств.

Вот почему как полноправный член семьи вошла новая легковая машина в жизнь председателя колхоза «Коммунист» Кировского района Могилевской области Анатолия Наумовича Подоляка. Одна беда: «железный конь» часто требует ремонта. То мотор забарахлит, то шина прохудилась. Встал вопрос: как быть? Не ездить же руководителю хозяйства верхом на лошади?

Местные остроловы утверждают, что именно тогда и решили в колхозе устроить викторину на манер телепередачи «Что? Где? Когда?». В команду зна-

токов вошли, естественно, председатель, главный инженер С. Коновалов, главбух Т. Пациенок, прораб Н. Митрохович, кассир, кладовщица.

Короче, села команда за круглый стол, крутанула волчок, и тот остановился на конверте с номером 11.

Вопрос оказался от одного из друзей Подоляка, имеющего личные «Жигули». Он советовал на то, что по нынешним временам автомобиль — не роскошь, роскошь — достать по знакомству новые шины. Как быть?

Ну, знатоки сразу начали совещаться. Главный инженер Коновалов предложил сформулировать туманный ответ: дескать, автомобиль помогает экономить время, потраченное на его ремонт. Председатель Подоляк недвусмысленно намекнул, что нужно нарушить соответствующую статью закона, ибо, если закон никто

не нарушает, значит, он устарел. Прораб Митрохович сказал, что на этот вопрос надо посмотреть с другой стороны, а именно: со стороны забора производственного объединения «Бобруйскшина»...

Короче, минута на обсуждение кончилась, а знатоки из колхоза «Коммунист» так ничего определенного сказать не смогли. Выручил всех вошедший в кабинет незнакомец. Усевшись на принесенную с собой новехонькую шину от «Жигулей», сказал:

— Честь имею представиться: Николай Елисеенко. Как мало мы уделяем внимания тому, о чем много говорим! Могу по дешевке достать шины.

Ударили по рукам. С тех пор некто Елисеенко — под этой фамилией он значится в милицейских документах — исчез, словно в тумане растворился. Правда, вскоре из ПО «Бобруйскшина» в кол-

хоз «Коммунист». прислали платежный документ, из которого явствовало, что упомянутый гражданин получил на предприятии для хозяйства двадцать стандартных автопокрышек на сумму 1440 рублей. А вот куда они девались, в колхозе до сих пор неизвестно. Ни тебе покрышек, ни Елисеенко!

С тех пор повелось: колхозные специалисты, бригады зачастили на ПО «Бобруйскшина». Туда обычно ехали порожняком, обратно — груженные. Прораб Митрохович отоварился двадцатью автопокрышками, которые, если верить сопроводительным документам, должны были быть установлены на колхозную технику. Лично руководитель хозяйства Подоляк тоже получил двадцать автопокрышек, которые на склад не сдал.

— Входи в положение людей, у которых оно прочное,— заговорили с тех пор в Кировском РАПО.

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, с кем еще тебе нужно познакомиться»,— перешептывались разного ранга начальники не только из Кировского, но и их коллеги из соседних Рогачевского, Быховского, Осиповичского районов. Золотая жила в виде дефицитных шин манила. И вот уже зачастили в хозяйство расторопного Подоляка на своих машинах

частники. Некто Г. Ивановичий купил в колхозе «Коммунист» со скидкой сразу десять автопокрышек, А. Смоляков — восемь, А. Бондаренко, И. Смолянчук, А. Миронов — по пять каждый, Н. Лученок, А. Качанов, В. Хмаленков, А. Казаков — по четыре.

Когда об этом узнал председатель колхоза имени Чапаева С. Курило, он воскликнул:

— Удивительно! Немедленно откомандирую на «Бобруйскшину» своих специалистов!

Эти примеры далеко не единичны. Ездить на дармовых шинах извлекли желание тещи и кумовья, сваты и братья, работники заготовительных организаций и даже фармацевты. В результате в колхозе «Коммунист» за реализованные в 1989—1990 годах частным лицам 69 автопокрышек в кассу недоплачено 1863 рубля. Около 2 тысяч рублей недосчитались в колхозе имени Чапаева, более 4 тысяч рублей — в колхозе «III съезд Советов», 600 рублей — в совхозе «50 лет БССР».

Председателя колхоза «Коммунист» в РАПО за предприимчивость хвалили, ставили в пример другим. Он же в ответ скромно отвечал:

— Я еще не то могу.

Что именно имелось в виду, Анатолий Наумович до поры до времени держал в тайне.

Рано или поздно, но тайное становится явным. Опыт Подоляка и его подчиненных заинтересовал руководителей других хозяйств.

И вот уже колхозные махинаторы отоварились в сельмагах за наличные 60 тоннами ржаной муки. Увы, подобные незаконные сделки не вывели хозяйство в передовые. К тому же еще беднее стали сельмаговские полки. Не вырос авторитет и у руководителя колхоза Курило, который в минском магазине стройматериалов за наличные отхватил 154 квадратных метра мрамора и тут же перепродал его в другую организацию. Колхозы «Родина», имени Чапаева, имени Ильича приобрели за наличный расчет десятки легковых автомашин и мотоциклов, зарегистрировали их в ГАИ на частных лиц. Считают, будто дело доброе сделали. А ведь эта техника предназначалась инвалидам, другим очередникам.

Эту вседозволенность кое-кто из хозяйственников возвел в ранг предприимчивости. Только от подобного рода сделок государство и народ богаче не становятся. Вот ведь в чем корень зла.

А. ЛЕЩЕНКО

Белорусская ССР,
Могилевская область
Кировский район

ОТВЕТЫ

Задача 1

Рабочим и служащим, совершившим в течение рабочего года, за который предоставляется отпуск, прогул без уважительных причин (в том числе отсутствовавшим на работе без уважительных причин более трех часов), очередной отпуск (ежегодный основной и дополнительный отпуска) уменьшается на число дней прогула. Но при этом продолжительность отпуска не может быть меньше **двух рабочих недель (12 дней по календарю шестидневной рабочей недели)** — п. 6 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года. Такой отпуск и должен быть предоставлен Еремину.

Задача 2

Согласно статье 49 Кодекса законов о труде РСФСР работа на

условиях неполного рабочего времени не влечет для рабочих и служащих каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска.

Однако применительно к дополнительному отпуску за ненормированный рабочий день (а вероятно, именно таким отпуском и пользуется Новикова) в реализации этого общего правила имеется определенная специфика. По сложившейся практике, тем, кто работает **неполный рабочий день**, дополнительный отпуск за ненормированный рабочий день не предоставляется, так как в данном случае трудовое соглашение содержит указание на точную норму времени, обязательную для работника (в нашей задаче — 4 часа), то есть отсутствует один из необходимых признаков ненормированного рабочего дня. Поэтому Новиковой должен быть предоставлен ос-

новной отпуск, положенный по ее должности (он по закону не может быть меньше 15 рабочих дней), а на дополнительный отпуск за ненормированный рабочий день она не имеет права.

Если соглашением рабочего или служащего с администрацией предусмотрена работа на условиях **неполной рабочей недели**, но с полным рабочим днем (например, три дня в неделю), то дополнительный отпуск за ненормированный рабочий день может предоставляться. Его продолжительность определяется с учетом фактической загруженности работника и переработки сверх нормального рабочего времени. Для женщин, имеющих детей и работающих неполную рабочую неделю, такая возможность предусмотрена законодательством.

Сдано в набор 29.01.91. Подписано в печать 8.02.91. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,32. Усл. кр.-отт. 14,03. Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 3 000 000 экз. Заказ 58. Цена 1 руб. 50 коп.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

а р и е т о в

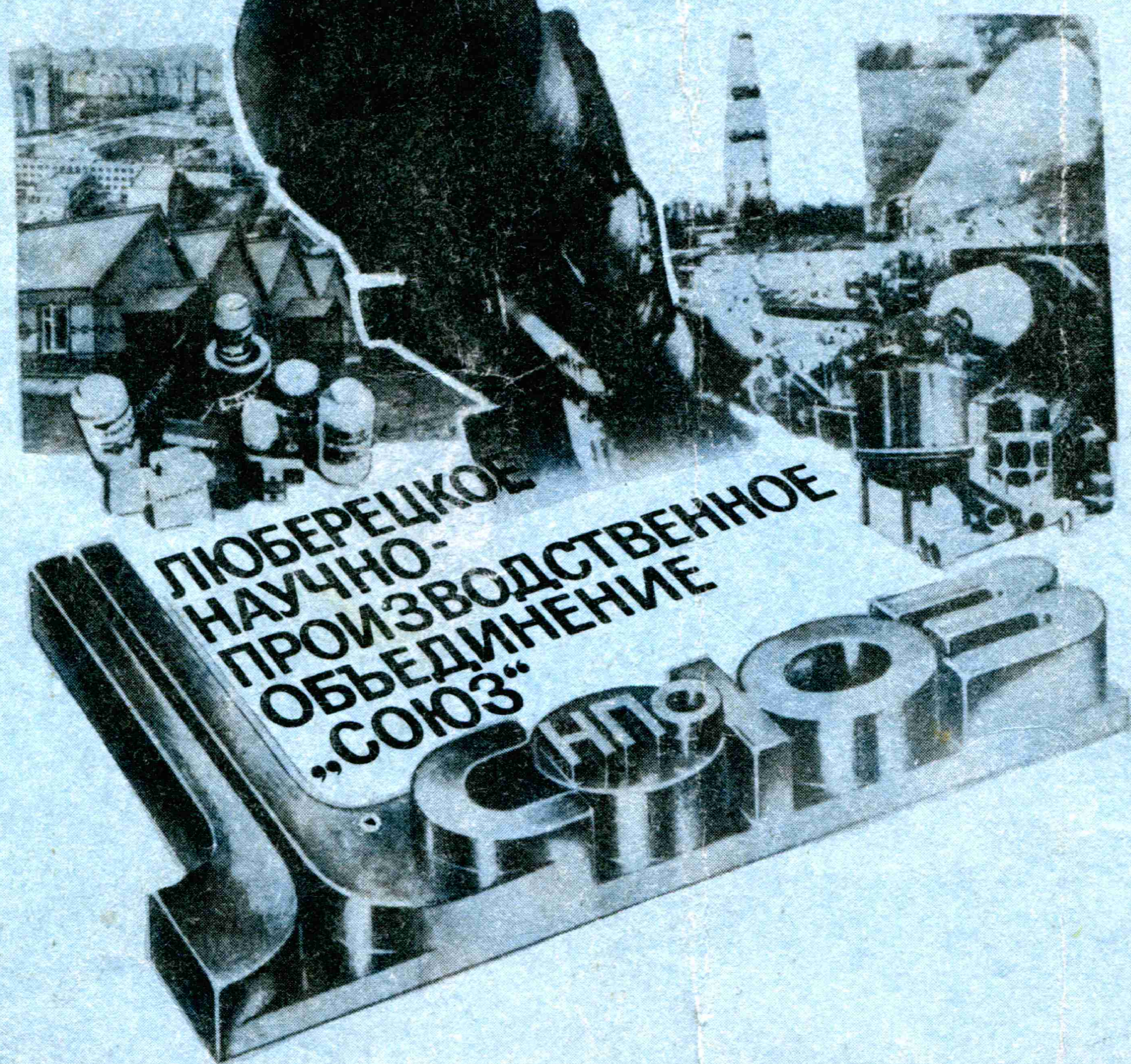
ЛЮБЕРЕЦКОЕ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОЮЗ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ПРОДУКЦИЮ.

- Газогенераторы широкого назначения на основе твердых полимерных композиций.
- Мобильные и стационарные автономные системы жидкостного и пенного пожаротушения.
- Пожаротушащие аэрозольные системы.
- Технологию и промышленные установки для производства строительных материалов: гидростеклоизола, кирпичных блоков из грунта, полимербетона, декоративных огнестойких плит, линолеумов.
- Сорбенты для жидкостной хроматографии, порошковую микрокристаллическую целлюлозу, пектин, медицинские препараты, сверхтвердые материалы для металлообрабатывающего инструмента на органическом связующем.
- Спортивные товары, емкости, для агрессивных жидкостей на основе высокопрочных композиционных материалов.
- Ткани с полиуретановой пропиткой, клеи, резины, мастики на основе каучуков с оригинальной низкотемпературной системой отверждения.

В выпуске и использовании всего этого ЛНПО «Союз», опираясь на свой многолетний опыт разработок в химии и технологии высоконаполненных полимеров, будет вашим надежным партнером.

Фирма-исследователь с хорошими традициями

Телефон 172-26-92

1 р. 50 коп.
Индекс 71075